Е 11 / 1350

К. БОЛТИН и Ю. ВЕЛЕР

ОЧЕРКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1914–1918 г.

12819

E11
1350

Ро/ Б/79 С,
ЛМ/ Б 79 Е11 1350

Е. БОЛТИН и Ю. ВЕБЕР

ОЧЕРКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1914—1918 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1940

5 экз.

3/33
92 128/9
56
59

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
666163

Редактор майор *Бородин Ф. М.* Технический редактор *Фрейман Д. А.*
Корректор *Себрякова М. П.*

Сдано производство 19.8.39. Подписано к печати 13.5.40
Формат бумаги 60×92 1/16. Объем 9 1/4. Печ. л., 11 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г.—12815. Издат № 530. Зак. № 243.
Цена книги 1 руб. 75 коп переплет № 7—1 руб. 50 коп.

Полиграфкомбинат им. В. М. Молотова. Москва, Ярославское шоссе, 99.

ОТ АВТОРОВ

Наша книга не преследует цели дать систематическое изложение всего хода первой мировой империалистической войны и не претендует на роль учебного пособия по ее истории. Задача книги — в возможно более доступной и живой форме дать читателю представление о причинах, главных событиях и результатах войны 1914—1918 годов, показать размах и характер гигантских сражений многомиллионных армий империализма на сухопутных театрах, рассказать об эволюции военного искусства в течение 1914—1918 годов и о революционном выходе русского народа из несправедливой войны.

В составлении книги участвовал А. С. Федоров, написавший четвертый очерк — «Революционный выход из войны».

Е. Болтин
Ю. Вебер

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

(по вине автора и редактора)

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
46	5 сверху	Фирлехов	Фирлеюв
93	3 снизу	37 поездов	137 поездов

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
666163

Редактор майор *Бородин Ф. М.* Технический редактор *Фрейман Д. А.*
Корректор *Себрякова М. П.*

Сдано производство 19.8.39. Подписано к печати 13.5.40
Формат бумаги 60×92 1/16. Объем 9 1/4. Печ. л., 11 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г.—12815. Издат № 530. Зак. № 243.
Цена книги 1 руб. 75 коп переплет № 7—1 руб. 50 коп.

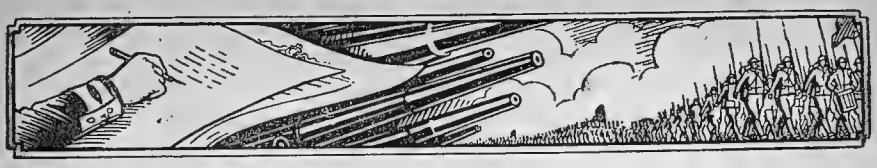
Полиграфкомбинат им. В. М. Молотова. Москва, Ярославское шоссе, 99.

ОТ АВТОРОВ

Наша книга не преследует цели дать систематическое изложение всего хода первой мировой империалистической войны и не претендует на роль учебного пособия по ее истории. Задача книги — в возможно более доступной и живой форме дать читателю представление о причинах, главных событиях и результатах войны 1914—1918 годов, показать размах и характер гигантских сражений многомиллионных армий империализма на сухопутных театрах, рассказать об эволюции военного искусства в течение 1914—1918 годов и о революционном выходе русского народа из несправедливой войны.

В составлении книги участвовал А. С. Федоров, написавший четвертый очерк — «Революционный выход из войны».

Е. Болтин
Ю. Вебер



I. ИМПЕРИАЛИСТЫ РАЗВЯЗЫВАЮТ ВОЙНУ

ВЫСТРЕЛ В САРАЕВЕ

Утром 28 июня 1914 г. небольшой городок Сараево, центр населенной сербами Боснии, аннексированной в 1908 году Австро-Венгрией, был необычайно оживлен. Пятидесятитысячное население столицы славянской провинции встречало высокопоставленных «гостей» — наследника австрийского императорского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу, герцогиню Гогенберг.

День, избранный австрийскими властями для церемонии прибытия эрцгерцога, в глазах сербских националистов имел символическое значение: 28 июня — «Видов дан» (день святого Вита) — годовщина поражения, нанесенного сербам турками в 1389 году на Коссовом поле. Это поражение привело к долголетнему порабощению маленького, но свободолюбивого народа. Почти пятьсот лет страдал сербский народ под игом султана. Не слаще, однако, было и владычество австрийцев, с XVIII столетия все глубже внедрявшееся в искони славянские земли Балканского полуострова.

Народные массы Сербии и сербское население захваченных Австрией Боснии и Герцеговины ненавидели австрийцев, справедливо видя в них душителей национальной свободы сербского народа. Эти чувства разжигались сербскими националистическими организациями, такими, как «Народна одбрана», и созданными последней террористическими группами — «Черная рука» и «Белая рука». Листовки «Народна одбрана» накануне въезда эрцгерцога в Сараево звали народ к мести, к жертвам... Недаром зловещей эмблемой сербских националистов было изображение смерти — череп и кости с девизом: «Смерть за свободу!».

Впрочем, за этими организациями, за этим лозунгом стояли силы, не имевшие ничего общего с борьбой сербского народа за независимость и не особенно озабоченные его подлинными судьбами. Фактической главой сербских террористов был некий полковник Драгутин-Дмитриевич, или «Апис», начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба.

Вдохновляемое националистами так называемое «общественное мнение» буржуазных кругов Сербии рассматривало эрцгерцога Франца-Фердинанда как одного из главных своих врагов, олицетворявшего антисербскую политику «лоскутной империи» Габсбургов. Вот почему

28 июня 1914 года Сараево стало ареной деятельности тех кругов сербских националистов, которые искали случая убить эрцгерцога.

Премьер-министр Пашич, глава радикальной партии Сербии, знал о тайной деятельности националистов и даже предупреждал австрийское правительство о возможности террористического акта. Но не в его силах было прекратить эту деятельность: слишком крепкие и путаные нити вели от главарей националистических организаций далеко за пределы Сербии.

Австрийская полиция тоже знала о готовящемся террористическом акте против эрцгерцога. Знала, но... всего лишь полмесяца назад, 12 июня, в Конопиште, любимом богемском имении эрцгерцога, состоялось свидание будущего императора Австрии с императором Германии Вильгельмом II, где «высокие друзья»... любовались расцветающими розами. Запах богемских роз достиг, впрочем, и обоняния агентов русского генерального штаба, донесших своим хозяевам, что во время свидания в Конопиште Вильгельм II одобрил план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее, обещав Францу-Фердинанду полную поддержку. Не потому ли эрцгерцог придавал особое значение своему присутствию на маневрах австрийской армии в гористой Боснии, являвшихся репетицией столь желанной войны с Сербией?

Итак, истинные причины посещения эрцгерцогом боснийской столицы, ставшей последним пунктом его земного пути, крылись в империалистической политике Австро-Венгрии, за спиной которой стоял могущественный германский империализм. Но к Балканам тяготела не только Австрия: здесь сталкивались интересы австрийского и русского империализма. Окончательно овладеть Балканами, упрочив за собой эту мощную экономическую базу и путь на Ближний Восток,— такова была цель великодержавной балканской политики Австро-Венгрии. Помешать Австро-Венгрии укрепиться на Балканах, ослабить тем самым ее могущество и, наоборот, — создать собственную опорную базу на Балканском полуострове для дальнейшей борьбы за проливы, за гегемонию на Черном море — такова была цель великодержавной балканской политики царской России.

...В 10 часов 25 минут 28 июня автомобиль эрцгерцога двигался по запруженным народом улицам Сараева. Нельзя сказать, чтобы сараевские ремесленники и мещане восторженно приветствовали наследника австрийского престола. Однако кто-то кинул в автомобиль букет цветов. Из букета валил густой дым... Догадавшись об опасности, эрцгерцог отбросил букет. Бомба разорвалась несколько секунд спустя. Взрывом были ранены два офицера из свиты эрцгерцога и шесть человек из публики, но титулованная чета осталась невредимой...

«Торжество» встречи высокопоставленного гостя в сараевской ратуше было, разумеется, испорчено. Эрцгерцог вскоре пожелал поехать в госпиталь, навестить своего раненого адъютанта, подполковника Мерицци. На пути следования по набережной реки Милячки он и его жена — герцогиня Гогенберг — были убиты двумя выстрелами из револьвера. Схваченный здесь же убийца, юноша-серб Гаврила Принцип, заявил на допросе, что он совершил террористический акт из националистических побуждений.

Выстрел в Сараеве взволновал весь буржуазный мир. Папа Римский в знак траура отменил все частные аудиенции. Германский император, участвовавший в приеме английской эскадры в Киле, немедленно вернулся в Берлин. Президент Франции Пуанкаре, узнавший на трибуне бегов об убийстве, покинул трибуну, предварительно выразив соболезнование австрийскому послу графу Сегени... Но за мышиной возней дипломатических соболезнований, церемоний и траура лихорадочно заработали генеральные штабы: желанный п р е д л о г для войны, который давно уже искали могущественные коалиции империалистических стран Европы, наконец-то был найден!

Выстрел в Сараеве по существу был первым выстрелом мировой войны.

Однако между сараевским убийством и фактическим началом войны прошел целый месяц. Четверть века назад генеральные штабы империалистических армий еще не окончательно отшлифовали теорию «молниеносного» нападения. Для того чтобы ввергнуть народы в кровавую бойню, чтобы заставить массы итти на смерть за чуждые им интересы буржуазии, нужно было создать иллюзию с п р а в е д л и в о с т и развертывавшейся войны, изобразить каждую из данных стран жертвой агрессии и тем самым прикрыть истинные цели войны лозунгом обороны отечества.

«Теперь или никогда», — так написал император Вильгельм II на докладе германского посла в Вене фон-Чиршки о сараевских событиях. Выполняя эту директиву своего хозяина — германского империализма, австрийское правительство долго старалось придумать такие условия удовлетворения Сербией австрийских претензий за убийство эрцгерцога, которые наверняка были бы неприемлемы для сербов.

Но пока шла лихорадочная подготовка австрийской ноты в Вене и Берлине, противники австро-германского союза — Англия, Франция и Россия — также деятельно готовились к войне.

20 июля в Кронштадт прибыл президент Французской республики Пуанкаре. Пять дней русский императорский двор чествовал представителя французского крупного капитала, купившего займами русский царизм и направлявшего его политику сообразно своим интересам.

В бесконечном потоке банкетов, парадов и балов в честь Пуанкаре представители французского и российского империализма окончательно договорились о совместном выступлении против Германии и Австрии.

В день отъезда Пуанкаре из России, 23 июля 1914 года, австрийский посол в Вене барон Гизль вручил Пашичу столь долго подготовлявшуюся ноту. Принятие требований этой ноты фактически означало бы отказ Сербии от самостоятельного государственного существования: так, Австрия настаивала на закрытии сербских национальных обществ и газет, на исключении из сербских школьных программ всего неприемлемого для Австро-Венгрии, на допущении деятельности австрийских властей внутри Сербии для борьбы с национальным движением и т. п.

Для обсуждения этих условий австрийский ультиматум предоставлял Сербии двадцать четыре часа.

Ответ сербского правительства, выразившего готовность пойти на максимальные уступки, разумеется, «не удовлетворил» Австро-Венг-

рию, и в 18 часов 30 минут 25 июля австрийский посол покинул Белград.

Разрыв дипломатических сношений между Австрией и Сербией был первым конкретным шагом к войне. Последующие события развернулись с кинематографической быстротой.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и на следующий день приступила к бомбардировке сербской столицы — Белграда. Русское царское правительство ответило на это частичной мобилизацией, объявленной 29 июля. Германия, заранее начавшая тайную мобилизацию и сосредоточение войск к своим границам, потребовала от России прекращения мобилизации и в ответ на отказ царского правительства 1 августа объявила России войну. Вслед за ней 6 августа объявила войну России и Австро-Венгрия. 2 и 3 августа германские войска перешли границы Люксембурга и Бельгии. 3 августа Германия объявила войну Франции, а 4 августа — Бельгии.

В грозовые предвоенные дни один из основных виновников и поджигателей войны — английский империализм — сумел до поры до времени остаться в тени. Английская дипломатия прикрывала истинные намерения банкиров Сити ловкой двойной игрой: Германию она заверяла в своем нейтралитете в случае войны между Австро-Венгрией и Россией, а русского царя подталкивала на войну, обещая ему полную поддержку. На самом деле Англия еще 27 июля тайно мобилизовала весь свой флот. И когда война в Европе уже стала фактом, английское правительство сделало ловкий ход, при помощи которого ему удалось обмануть свои народные массы: 4 августа оно предъявило Германии ультиматум с требованием не нарушать нейтралитета Бельгии, заведомо зная невыполнимость этого требования. Срок ультиматума истекал в полночь. Ответа на него не последовало, но с ударом часов, возвестившим наступление дня 5 августа, морской министр Уинстон Черчиль отдал по радио приказ английскому флоту: Англия начала войну с Германией.

7 августа в Европейскую войну вступила на стороне России маленькая Черногория, а еще через несколько дней, 11 августа, Англия и Франция формально объявили войну Австро-Венгрии.

Так за десять дней — с 28 июля по 6 августа — разразилась крупнейшая в истории человечества война, охватившая вначале восемь государств Европы — Германию и Австро-Венгрию с одной стороны, Англию, Францию, Россию, Бельгию, Сербию и Черногорию — с другой.

Италия, связанная союзным договором с Германией и Австрией, не выступила на их стороне: итальянская буржуазия решила выждать и продаться тому, кто больше заплатит. 386 миллионов человек населения Европы оказались втянутыми в войну уже в течение ее первых дней. В дальнейшем в войну вступили: Турция (1914) и Болгария (1915) — на стороне Германии; Япония, Египет (1914), Италия (1915), Португалия, Румыния (1916), США, Куба, Панама, Сиам, Греция, Либерия, Китай, Бразилия, Гватемала, Никарагуа, Коста-Рико, Гондурас и Гаити (1917) — на стороне Англии, Франции и России.

Первая империалистическая война стала, таким образом, мировой войной, охватив полтора миллиарда человек населения земного шара.

Основной ареной грянувшей войны явилась Европа.

Только семь второстепенных европейских государств (Дания, Швеция, Норвегия, Голландия, Швейцария, Испания и Албания) остались нейтральными. Вся Европа в продолжение четырех лет пылала в пожаре войны, послав на взаимное истребление 70 миллионов мобилизованных — цвет и силу наций, принимавших участие в этой битве народов.

Как же удалось капиталистическим заправилам Европы заставить миллионные массы трудящихся пойти в бой? О, конечно, каждая из воюющих буржуазных стран вела «священную», «оборонительную», «правую» войну! Австрия «защищалась от притязаний» наглых сербских националистов. Германия «пришла на помощь» своей союзнице — Австрии, спасая ее от угрозы «русского нашествия». Франция и Англия «заступились» за «беззащитную» Бельгию. Каждое правительство, каждый монарх объявляли свою страну жертвой нападения и коварных замыслов врага. По выражению В. И. Ленина, «громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход... чтобы заразить массы шовинизмом...» [1]. Эта лживая буржуазная пропаганда хоть и была шита белыми нитками, все же сыграла огромную роль: народные массы, одурманенные оголтелой проповедью шовинизма, пошли проливать кровь за буржуазное отечество.

ЗА КУЛИСАМИ ДИПЛОМАТИИ

Истинные причины вспыхнувшей войны не имели, однако, ничего общего с патриотической галиматьей, изливавшейся со страниц манифестов и буржуазных газет. На самом деле начавшаяся война была логическим этапом борьбы империалистических стран, преследовавших в ней свои грабительские, захватнические цели.

Война — такой же неизбежный спутник капитализма, как экономические кризисы, безработица и нищета масс. Капитализм всегда вел войны с целью грабежа чужих земель, захвата колоний и рынков сбыта и увеличения прибылей капиталистов.

В конце XIX и в начале XX века капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития — империализм. На этой ступени фактическое руководство всей экономической и политической жизнью капиталистических стран сосредоточивается в руках крупных банков и объединений капиталистов, так называемых монополий. Хозяином капиталистических государств становится финансовый капитал.

Границы «старых» государств Европы стали узки, тесны для хищнической деятельности финансового капитала. Для того чтобы в условиях жестокой конкуренции можно было непрерывно повышать свои прибыли, капитализм стремился к монопольному овладению колониями — источниками дешевого сырья и рабочей силы и объектами вывоза капитала.

---

[1] В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 207.

Однако земной шар еще в конце XIX века был уже полностью поделен между капиталистическими государствами, развитие которых происходит неравномерно, скачкообразно. В. И. Ленин открыл закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. «...По смыслу этого закона, развитие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью...» [1].

В силу этого закона и распределение колоний между основными капиталистическими странами произошло неравномерно. В середине XIX века Германия была страной отсталой по сравнению с Англией и Францией, поэтому последние захватили крупные колонии и стали основными колониальными державами Европы. Между тем за последнюю чéтверть века перед мировой войной Германия в отношении темпов развития своего народного хозяйства оставила далеко позади и Англию и Францию.

Например, в период с 1887 по 1912 год Германия увеличила добычу каменного угля почти втрое и выплавку чугуна в четыре с половиной раза. В Англии за то же время рост добычи каменного угля составил лишь 63%; Франция увеличила добычу угля вдвое, а выплавку чугуна — в два с половиной раза. Таким образом, темп развития двух важнейших отраслей народного хозяйства в Германии был в среднем в два-три раза выше, чем в Англии и Франции. Это находило прямое отражение и в росте внешней торговли, которая за ту же четверть века увеличилась в Германии более чем в три раза, а в Англии и во Франции — только вдвое.

То же самое происходило и в области вывоза капитала. На рубеже XIX и XX столетий Англии принадлежала наибольшая доля в мировом экспорте капитала (2,6 млрд. ф. ст. из 4 млрд., или 65%); это значит, что английский империализм обладал господствующими экономическими позициями на мировой арене. К 1914 г. доля английского капитала сократилась до 47% (3,8 млрд. ф. ст. из 8 млрд.); в то же время абсолютные размеры экспорта германского капитала выросли за эти годы вдвое (с 14 до 30 млрд. марок), а его мировая доля достигла почти 20%.

Итак, в то время, когда колонии были уже поделены и рынки сбыта распределены, на территории Европы появилось новое мощное империалистическое государство, требовавшее своей доли в добыче, которую ему никто подобру уступать не собирался. Основным империалистическим противоречием в Европе уже в конце XIX и особен-

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 85

но в начале XX века стало противоречие между Англией и Германией. Вокруг этого основного противоречия группировались в различных комбинациях все остальные — между Францией и Германией, Россией и Австро-Венгрией и т. д.

Английские банкиры и промышленники, достигшие высшей точки своего мирового могущества, боялись конкуренции Германии; им становилось все труднее и труднее бороться с молодым германским империализмом «мирными» путями. Верные своей старой политике «divide et impera» (разделяй и властвуй), английские капиталисты всячески пытались натравить европейские державы друг на друга, дабы ослабить своего соперника. Рассчитывая таким путем загрести жар чужими руками. Англия не создавала большой сухопутной армии, но зато она имела самый могущественный в мире морской флот, призванный господствовать на всех океанах и морях, где только проходили пути обширных связей Британской империи с ее колониями.

Но и эта основа британского могущества была поставлена под угрозу: начиная с 1905 г. Германия приступила к осуществлению большой программы строительства дредноутов, и сила ее флота начала быстро увеличиваться.

С этого времени английский империализм решительно вступает на путь развязывания Европейской войны и начинает подготовлять блок с государствами, враждебными Германии.

Так, готовясь к смертельной схватке, империалистические государства Европы еще задолго до войны заключили между собой ряд военных союзов и соглашений. В центре Европы создался «тройственный союз» Германии, Австро-Венгрии и Италии (впоследствии изменившей этому союзу); ему противостояло оформленное в 1907 году «тройственное согласие», или Антанта, — союз Англии, Франции и России. Это были две основные враждебные друг другу группировки империалистов.

Первая мировая империалистическая война возникла как неизбежное следствие противоречий между этими основными группировками, причем подлинной и главной ее целью было перераспределение колоний и новый раздел сфер влияния ради еще большего ограбления трудящихся и увеличения прибылей капиталистов.

«Подготовляясь к империалистической войне, Германия стремилась отнять у Англии и Франции колонии, у России — Украину, Польшу, Прибалтику. Германия угрожала господству Англии на Ближнем Востоке, построив Багдадскую железную дорогу. Англия боялась роста морских вооружений Германии.

Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя...

Англия стремилась посредством войны разбить своего опасного конкурента — Германию, товары которой перед войной стали все больше вытеснять английские товары на мировом рынке. Кроме того, Англия намеревалась захватить у Турции Месопотамию, Палестину и твердо обосноваться в Египте.

Французские капиталисты стремились захватить у Германии бога-

тые углем и железом Саарский бассейн и Эльзас-Лотарингию, которая была отнята Германией у Франции в войне 1870—1871 годов.

... Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и поэтому в нее оказались в дальнейшем втянутыми Япония, Соединенные Штаты Америки и ряд других государств.

Война стала мировой» [1].

Россия выступила в этой войне на стороне Антанты потому, что в начале XX века она все больше и больше подпадала под прямую зависимость от англо-французского капитала. Крупные металлургические заводы России принадлежали преимущественно французским капиталистам, а в целом русская металлургия на 72% зависела от иностранного капитала. Примерно таково же было положение в каменноугольной и нефтяной промышленности. Царское правительство заключило во Франции и в Англии миллиардные займы. Это превратило Россию... «в данницу этих стран, в их полуколонию» [2].

Русского мужика погнали на войну ради высоких прибылей англо-французских и русских капиталистов, чтобы помочь одним грабителям — империалистам Антанты — отнять добычу у других грабителей — германских империалистов.

Но была и еще одна причина, толкнувшая царя и российскую буржуазию на авантюру войны. Эта причина заключалась в боязни растущего пролетарского революционного движения, в стремлении путем войны поправить внутренние дела трещавшей по всем швам монархии и под шумок войны разделаться с революцией, лишив трудящихся их передовых, наиболее сознательных элементов.

ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Основоположники марксизма многократно указывали на неизбежность войн между коалициями капиталистических государств Европы. Фридрих Энгельс гениально предсказал возникновение всемирной войны. Еще в 1887 году он, говоря о неизбежности войны, писал:

«...это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы... Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны... только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса...» [3].

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 155.
[2] Там же, стр. 156.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 303-304.

Эти изумительные по силе научного предвидения строки В. И. Ленин назвал «гениальным пророчеством».

Сам Владимир Ильич также неоднократно указывал на опасность и неизбежность грандиозных военных столкновений в эпоху империализма. О том же говорили и писали передовые деятели социалистического движения в других странах Европы: Роза Люксембург — в Германии, Жорес — во Франции и др. Еще в 1913 году пламенный оратор Жорес произнес слова, ставшие впоследствии поговоркой всего французского народа: «Пуанкаре — это война!».

Официальные вожди международной социал-демократии, воротилы II Интернационала, на словах также признавали опасность войны и призывали к борьбе с ней. В 1912 году Базельский конгресс II Интернационала принял прекрасную резолюцию по вопросу об опасности войны и мерах борьбы с ней. Еще раньше, в 1910 г., конгресс II Интернационала в Копенгагене обязал социалистические партии голосовать в буржуазных парламентах против военных кредитов.

Но все это были лишь резолюции, бумажные декларации. На деле же социал-демократы в решающий момент не только изменили своим резолюциям, но и помогли буржуазии собственных стран повести рабочий класс на чудовищную бойню.

4 августа 1914 года депутаты германского рейхстага — социал-демократы — голосовали за военные кредиты, за империалистическую войну. Со свойственным социал-предателям лицемерием социал-демократическая фракция рейхстага заявляла в декларации о мотивах голосования: «Мы надеемся, что жестокая школа страданий войны пробудит в миллионах новых людей отвращение к войне и обратит их к идеалу социализма и всеобщего мира. Руководясь этими пожеланиями, мы будем голосовать за требуемые военные кредиты».

Итак, империалистическая война, по мнению социал-прохвостов, была не чем иным, как средством пропаганды социализма! А «вождь» реформизма ренегат Карл Каутский писал без обиняков: «Все вправе защищать свое отечество: истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией».

Наградой за эту «всеподданнейшую» декларацию была высокая честь: сам император Вильгельм пожал в рейхстаге руки лидерам всех партий, в том числе и социал-демократической. «Классовый мир» был, таким образом, формально скреплен этим рукопожатием.

Так же подло, изменнически поступило большинство социал-демократов всех других воюющих стран.

Французские социалисты безоговорочно вотировали в парламенте военные кредиты. Пацифист Жорес, неугодный буржуазии, был убран от руководства социалистической партии бандитским способом: он был убит 31 июля в кафе «Кроазон» в Париже выстрелом из револьвера, произведенным реакционером Вилленом. Убийца был оправдан буржуазным судом... Жореса сменил предатель Ренодель, верой и правдой служивший буржуазии в течение всей войны.

8 августа и русская царская Дума продемонстрировала «единение» русского «народа» в войне «за веру, царя и отечество». Только пять депутатов-большевиков испортили общее торжество, открыто

и смело выступив против войны, против империалистической политики царизма. Известно, что царское правительство поспешило убрать подальше неугодных ему депутатов народа, сослав их в Сибирь.

В результате первых же дней войны II Интернационал распался, перестал существовать. Лишь отдельные члены европейских социалистических партий, такие, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, отважились в общем мутном водовороте шовинизма и человеконенавистничества выступить против войны, в защиту истинного пролетарского интернационализма.

И только одна пролетарская партия — партия большевиков, руководимая Лениным, сразу же и без колебаний подняла знамя решительной борьбы против империалистической войны. Ясная и четкая позиция большевиков нашла отражение в тезисах о войне, написанных Лениным осенью 1914 года. Большевики отнюдь не были просто пацифистами, т. е. сторонниками «мира во что бы то ни стало». Они стояли за активную революционную борьбу за мир, за свержение власти империалистической буржуазии, за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

В противовес меньшевистско-эсеровской политике защиты буржуазного отечества большевики выдвинули лозунг поражения своего правительства в империалистической войне. Большевики призывали всех честных социалистов голосовать против военных кредитов, создавать нелегальные революционные организации в армиях, поддерживать братание солдат на фронте, организовать выступления рабочих и крестьян против войны и т. д.

Первая мировая империалистическая война была несправедливой, захватнической войной. Такую оценку ей дали большевики, призвав массы бороться за революционный выход из войны.

Эти лозунги большевиков полностью отражали настроения и чаяния широких трудящихся масс. В частности наиболее революционный русский рабочий класс еще в дни подготовки к войне ясно высказал свою волю: приезд французского президента Пуанкаре пролетариат Петербурга встретил массовыми стачками, демонстрациями и баррикадами на улицах. 20 июля в Петербурге бастовало 90 тысяч рабочих, произошли демонстрации в Москве и других городах. Царское правительство ответило на антивоенные выступления трудящихся свирепой расправой: была расстреляна демонстрация рабочих Путиловского завода, сотни и тысячи революционеров брошены в тюрьмы... С помощью социал-предателей царскому правительству, так же как и правительствам других стран Европы, удалось обмануть часть трудящихся, нанеся в то же время ряд чувствительных ударов революционному движению рабочего класса. Победа была на стороне буржуазии, но не надолго: гениальному пророчеству Энгельса суждено было сбыться!

АРИФМЕТИКА ВОЙНЫ

Мировая война, вспыхнувшая в июле 1914 года, не была неожиданной ни для одного из генеральных штабов воюющих сторон.

Империалисты давно и усиленно готовились к этой войне, стремясь начать ее в возможно более выгодных условиях для своей страны.

Это была война небывалая по размаху, по численности армий, по количеству затрачиваемых на нее материальных средств. И сами империалистические воротилы, развязывая силы войны, не могли предусмотреть те подлинные размеры, которые она приняла.

Все генеральные штабы до 1914 года представляли себе будущую войну как действие непродолжительное, решаемое исключительно маневренными, наступательными методами. Уроки Русско-японской войны, явившейся предвестником позиционных форм борьбы, с длительными и упорными сражениями и относительным равновесием сил наступления и обороны, — эти уроки не были как следует восприняты ни одной армией.

Основой тактики считалось наступление: обороной все армии пренебрегали, считая ее чуть ли не чем-то позорным. Пехота воспитывалась в пренебрежении к артиллерийскому и ружейному огню; ее не приучали окапываться, использовать естественные укрытия и т. д.

Видный французский артиллерист генерал Эрр уже после войны ярко описал картину пехотной атаки так, как она мыслилась французам до августа 1914 года: «Наши большие маневры, завершающие год обучения, состояли из нескольких дней походов, заканчивавшихся большим военным спектаклем, где пехота в сомкнутых строях, с развернутыми знаменами и барабанным боем продвигалась вперед к атакуемой позиции с полным презрением к неприятельскому огню...»

Как далека оказалась действительность от этих блестящих батальных сцен!

Оперативное искусство во всех армиях было пропитано тем же решительным духом, что и тактика. Операции мыслились в плане широких наступательных действий. Считалось, что общее наступление приведет к генеральному сражению, итогом которого будет быстрое уничтожение противника и лишение его способности обороняться. Исходя из таких расчетов, германский генеральный штаб предполагал окончить войну в два-три месяца, «до осеннего листопада».

Соответственно такому представлению о войне генеральные штабы планировали и материально-техническое обеспечение операций. В среднем мобилизационные запасы всех армий были рассчитаны на полугодовую потребность, причем нормы расхода боеприпасов совершенно не отвечали действительности. Так, например, русская артиллерия имела в запасе всего лишь около тысячи выстрелов (снарядов и зарядов) на одно легкое орудие, что, правда, превышало фактический средний расход боеприпасов в русско-японской войне, но оказалось абсолютно недостаточным в новых условиях борьбы. Почти так же обстояло дело и в остальных армиях. К этому надо добавить, что и быстрая мобилизация промышленности для нужд войны также не была обеспечена, особенно в России.

Если сравнить с и л ы сторон в их количественном выражении, то Антанта, разумеется, располагала бóльшими ресурсами для ведения войны.

Сравнительную численность сухопутных и морских сил к началу войны показывает таблица на стр. 16.

Численность сухопутных и морских сил сторон к началу войны 1914—1918 годов

СТРАНЫ	Численность населения в 1914 г. (в млн. ч.)	Численность вооруженных сил по окончании мобилизации	ЧИСЛЕННОСТЬ АРТИЛЛЕРИИ		ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ				ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ	
			Легких орудий	Тяжелых орудий	Линкоры и дредноуты	Крейсеры всех классов	Истребители	Подводные лодки	Всего военнообученных (в тыс.)	Всего мобилизованных (в тыс.)
АНТАНТА										
РОССИЯ	169,4	5.460.955	6.848	240	0/11	10/4	30/45	13/14	5.650	19.000
ФРАНЦИЯ	39,6 / 55,5	3.781.000	3.960	688	3/4	23/0	54/3	35/21	5.067	7.694
АНГЛИЯ	47,0 / 393,5	Около 1.000.000	-	-	29/13	31/20	98/29	47/24	1.203	9.494
БЕЛЬГИЯ, СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ	12,6 / 15,0	615.000	1.324	85	-	-	-	-	-	4.600
ЦЕНТР. ДЕРЖАВЫ										
ГЕРМАНИЯ	64,9 / 12,3	3.822.000	7.312	2.076	18/8	36/6	97/24	20/23	4.900	13.150
АВСТРО-ВЕНГРИЯ	52,8	2.300.000	3.920	168	3/1	13/0	18/0	4/4	3.000	9.000
ИТОГО:										
АНТАНТА	268,6 / 464,0	10.856.955	12.132	1.013	32/28	64/24	182/77	95/59	12.920	40.788
ЦЕНТР. ДЕРЖАВЫ	117,7 / 12,3	6.122.000	11.232	2.244	21/9	49/6	115/24	24/27	7.900	22.150

Примечания:
1. В графе „Численность населения" знаменателем показано население колоний.
2. В графе „Военно-морские силы" знаменателем показано число строящихся кораблей.

Как видно из этой таблицы, Германия и Австрия уступали объединенным силам Антанты в отношении численности сухопутных армий и ресурсов живой силы, но они превосходили своих противников количеством тяжелой артиллерии, которой суждено было сыграть столь групную роль в начавшейся войне. Морские силы Германии и Австрии значительно уступали силам Антанты.

Конечно, экономически Антанта была сильнее центральных держав, почему длительная война заранее сулила Германии поражение. Понимая всю невыгоду численного соотношения вооруженных сил и экономических ресурсов, германский генеральный штаб стремился так построить план войны, чтобы возможно скорее нанести решительное поражение армиям Антанты.

Но, оценивая действительные возможности обеих сторон, мы не должны забывать качественных показателей армий. В отношении подвижности и выучки войск Германия имела определенное преимущество перед своими противниками. Русская армия хотя и обладала превосходными боевыми качествами, но управлялась бездарными и продажными генералами. Французская армия уступала германской в численности и была значительно беднее ее в отношении тяжелой артиллерии. Английскую армию на первых порах практически можно было не принимать во внимание, так как ее мобилизация и переброска на материк требовали много времени. Австро-венгерская армия не отличалась высокими боевыми качествами.

На стороне Германии было большое преимущество в сроках развертывания войск, а широко развитая сеть железных дорог допускала свободное маневрирование резервами внутри страны. Между тем развертывание русской армии запаздывало по сравнению с ее противниками как из-за огромных пространств России, так и, особенно, из-за слабости сети железных дорог; полное развертывание французской армии было связано с переброской в Европу ее колониальных войск, что также требовало времени.

Таким образом, относительно численная слабость германо-австрийских армий уравновешивалась на первых порах войны более быстрым развертыванием, большей мобильностью и частично превосходством техники, особенно тяжелой артиллерии.

ПЛАНЫ И НАДЕЖДЫ

Планы войны, точнее — планы ее исходных операций, были, разумеется, заранее разработаны всеми генеральными штабами. При оценке этих планов следует иметь в виду, что Германия, собиравшаяся вести войну на два фронта — против Франции и против России, — не была связана никакими конкретными обязательствами со своей союзницей Австро-Венгрией. Последняя должна была не только самостоятельно вести борьбу с Россией и Сербией, но и отвлечь силы русских от Восточной Пруссии, развязав тем самым руки Германии для борьбы один-на-один с Францией. Это вытекало из сути германского плана войны: путем сосредоточения максимума сил на Западном (французском) театре быстро разгромить Францию, дабы затем обрушиться всеми силами на Россию.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Иным было положение армий Антанты. Франция, помня печальные уроки войны с Пруссией 1870 года, опасалась изолированного разгрома и крепко связала Россию союзным договором 1891 года, а затем — военными конвенциями 1894 и 1912 годов. Купленная французскими займами, русская армия должна была принять такой план начальных операций, который был выгоден французскому командованию. Собственные интересы России требовали энергичного наступления против Австро-Венгрии и быстрейшего разгрома ее (что было вполне достижимо). На границах с Германией в начале войны русским было выгодно ограничиться стратегической обороной; в дальнейшем же силы русских, после победы над Австро-Венгрией, могли быть повернуты против Германии как раз в критический момент переноса ею главных усилий на восток.

На деле же, выполняя требование англо-французского капитала, русский генеральный штаб обязался начать быстрейшее наступление против Германии, что повлекло за собой непоправимые ошибки в исходных операциях русских армий.

Германский план начальных операций войны нашел наиболее яркое выражение в так называемом плане Шлиффена. Генерал граф Альфред фон-Шлиффен, начальник «Большого» германского генерального штаба в период, предшествовавший мировой войне (1891—1906 годы), окончательно выразил свою идею операций против Франции в декабре 1905 года. Эта идея сводилась к обходу линии французских пограничных укреплений (Верден — Туль — Эпиналь — Бельфор) через территорию Бельгии, для чего на правом крыле германского стратегического фронта создавался огромный сгусток сил. 23 полевых корпуса, 12,5 резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий предназначались, по плану Шлиффена, для обходного наступления через Бельгию. На остальном фронте против Франции развертывалось всего лишь 3,5 полевых и 1,5 резервных корпуса, 3 кавалерийские дивизии и 4,5 ландверные бригады. Таким образом, почти семь восьмых сил, предназначенных для войны с Францией, Шлиффен предлагал сосредоточить на главном, ударном направлении и лишь одну восьмую сил — на второстепенном фронте.

Строя свой план, Шлиффен мечтал о повторении Канн — знаменитого сражения, разыгравшегося в 216 году до нашей эры на равнинах Апулии между карфагенянами и римлянами. Великий карфагенский полководец Ганнибал, имея 50 тысяч войск, в бою близ деревни Канны полностью уничтожил 79-тысячную римскую армию консула Теренция Варрона; при этом карфагеняне потеряли всего лишь 6 тысяч человек. Победа была обеспечена удачным построением карфагенян, растянувших свой фронт и создавших сильные охватывающие фланги, в то время как римляне построились на узком фронте и в глубоком боевом порядке. Такое построение карфагенян позволило им выйти в тыл римлянам и окружить их. Меньшие силы победили большие!

Идея «Канн» довлела над германской военной мыслью как в тактике, так и в оперативном искусстве. «Секрет победы» немецкие генералы видели в глубоком обходе флангов противника с целью его окружения и уничтожения.

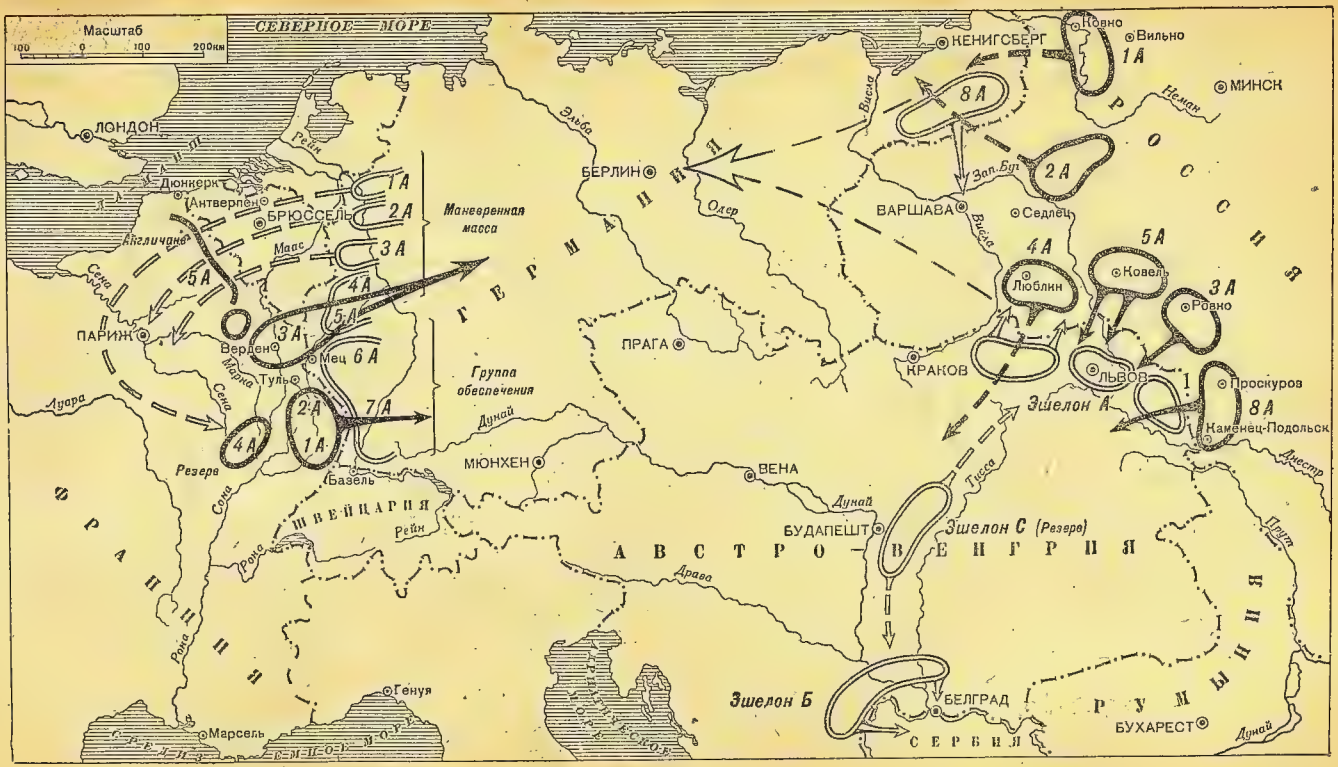


Схема 1. Планы стратегического развертывания сторон в начале войны

Этот «секрет» составлял суть шлиффеновского плана войны с Францией.

Наступление ударного правого крыла германской армии через Бельгию на юго-запад, в обход Парижа, должно было привести, по мысли Шлиффена, к оттеснению французской армии за горный хребет Юры, к швейцарской границе. Там остатки французов будут окружены и уничтожены, пережив второй Седан!

Преемник Шлиффена, Мольтке младший (племянник фельдмаршала Мольтке — победителя французов в 1870 году), подверг план Шлиффена ряду изменений, сохранив, впрочем, его основную идею.

Прежде всего, опасаясь русских, Мольтке увеличил силы, предназначавшиеся для обороны Восточной Пруссии. Затем, считаясь с требованиями магнатов германской рудной и металлургической промышленности, заинтересованных в неприкосновенности областей левого берега Рейна, Мольтке увеличил до восьми корпусов силы, предназначенные для операций в Эльзас-Лотарингии. Эти мероприятия Мольтке привели в конечном счете к ослаблению ударного крыла германского фронта. Теперь уже одна четверть сил предназначалась для действий на второстепенном фронте и три четверти — на ударном направлении. В дальнейшем ударное крыло германцев было еще ослаблено благодаря энергичному наступлению русских в Восточную Пруссию, о чем речь будет ниже.

Сила германского плана действий на Западном фронте заключалась в том, что этот план исходил из вполне ясной цели и в основном соответствовал ей. Французское же командование не могло противопоставить германцам столь же целеустремленный план. Последний вариант французского развертывания, так называемый план № 17, не давал четкого представления о том, что предпримет французское главное командование. Этот план был как бы одинаково удобен и для наступления и для обороны. При этом начальник французского генерального штаба генерал Жоффр намечал наступление в двух главных направлениях: на восток (в Лотарингию) из района южнее крепости Туль, между лесистыми Вогезами и рекой Мозель, и на северо-восток — из района к северу от линии Верден — Мец. Такое наступление приводило к выжиманию левого крыла и центра германского фронта, оставляя свободу маневра для его правого, ударного крыла. Отсюда ясно, что Жоффр не учитывал или во всяком случае недооценивал опасности германского вторжения в северо-восточную часть Франции через Бельгию. Намеченное французами наступление по существу лишь облегчало германцам выполнение задачи глубокого обхода левого крыла французского фронта.

На восточно-европейском театре войны России приходилось иметь дело с двумя противниками — Германией и Австро-Венгрией. Германский план действий, как мы уже знаем, сводился к стратегической обороне Восточной Пруссии, для чего против России развертывалось в общей сложности 5 германских корпусов—10 дивизий.

Австрийский генеральный штаб также планировал войну на два фронта — против России и против Сербии. При этом $^{7}/_{12}$ сил, или так называемый «эшелон А», предназначался для войны против России; другой «эшелон В» — около $^{2}/_{12}$ сил — предназначался для

войны против Сербии; наконец, третий «эшелон С» — около 3/12 сил — составлял резерв, перебрасываемый либо против Россси, либо против Сербии, в зависимости от обстановки.

Австрийские армии против России должны были развернуться на линии рек Сан и Днестр для последующего наступления в пределы русской Польши, с юга на север, между реками Вислой и Западным Бугом.

Фактически сосредоточение австрийцев было произведено крайне неудачно, так как вначале против Сербии было направлено больше сил, чем предполагалось по плану войны на два фронта, и уже в ходе начавшегося сражения в Галиции австрийское командование было вынуждено перебросить часть сил с сербского фронта на русский. Всего Австрия развертывала против России 13 корпусов (37 дивизий).

Русский план войны полностью отражал, как мы уже указывали выше, зависимость русской армии от французского генерального штаба. Силы русской армии были поделены между германским (Северо-западным) и австрийским (Юго-западным) фронтами: против Германии развертывалось 11 корпусов (23 дивизии), против Австрии — 16 (33 дивизии). Таким образом, на второстепенном для русских фронте, германском, они имели (по числу дивизий) двойное превосходство, в то время как на главном, австрийском, фронте даже уступали противнику. Слабость русского плана заключалась еще и в нереальных сроках начала наступления. В силу своих союзнических обязательств Россия должна была начать наступление в Восточную Пруссию на 14-й день мобилизации и в Галицию — на 19-й день.

Между тем к этому времени могла быть готова лишь треть русских вооруженных сил при почти полной неготовности тыловых учреждений.

Таким образом, русская армия уже в силу порочности самого плана операций оказывалась неспособной к длительному наступлению.

Таковы были, в общих чертах, планы начальных действий главнейших воюющих стран.

Конечно, ни одна война не протекает точно по планам, составленным в мирное время. Однако в современном, крайне сложном «хозяйстве» войны наличие четкого исходного плана играет немалую, а для первых операций зачастую даже решающую роль.

Ход и результаты первых операций мировой войны были в значительной мере определены планами сторон, степенью их жизненности и соответствия действительной обстановке.

Последние дни июля и первые дни августа 1914 года были переломным моментом в жизни всего человечества. Колесо истории сделало очередной поворот, закончив период «нормального» развития капитализма и начав новую эпоху — эпоху империалистических войн и пролетарских революций.

II. НА МАНЕВРЕННЫХ ПРОСТОРАХ

«ЧУДО НА МАРНЕ»

Официальная буржуазная история мировой войны пытается внушить, будто в сентябре 1914 года на полях Франции произошло неожиданное и мало объяснимое событие, которое получило даже название «чуда на Марне».

В самом деле, если проследить за чисто внешними действиями, совершавшимися в течение первого месяца вооруженной борьбы на западе Европы, то исход этих событий может показаться на первый взгляд «чудесным» и загадочным.

2 августа в третьем часу ночи передовые части германских войск вступили на территорию великого герцогства Люксембургского и в тот же день заняли его столицу.

Утром 4 августа сильный отряд немецкой кавалерии, пехоты и артиллерии перешел бельгийскую границу и направился к крепости Льеж. Овладев этой крепостью, германские войска двинулись тяжелой, железной лавиной в глубь страны, которая была изображена на карте в том самом месте, где карандаш Шлиффена чертил жирные стрелки, указывающие путь наступления на Францию.

20 августа немцы занимают столицу Бельгии — Брюссель. Затем они оттесняют слабую бельгийскую армию к крепости Антверпен и запирают в ней бельгийцев. Почти вся Бельгия оказалась в руках немцев. Быстро падает под ударами 42-сантиметровых мортир Круппа крепость Намюр. Теперь уже ничто не препятствует движению германских войск; переправившись главными силами через реку Маас, они начинают заходить своим правым флангом и двигаются уже не на запад, а на юго-запад, направляясь к границам Северной Франции.

Сдержав активной обороной наступление французов на Эльзас-Лотарингию, немцы в течение трех дней выигрывают в Арденнах, на низовьях Самбры и у Монса большое пограничное сражение и вынуждают союзников начать 26 августа отход в глубь Франции.

Дальше волна германского наступления катилась вперед со все увеличивающейся скоростью. Французы оставляли в руках противника богатейшие провинции своей страны — Фландрию, Пикардию, Артуа, Шампань. Уже 30 августа немецкие аэропланы появились над Парижем. 2 сентября французское правительство покидает столицу и переезжает в Бордо. Передовые части немецких войск находятся

всего лишь в сорока километрах от Парижа. Жители столицы, гуляющие по берегам Сены, слышат глухие удары германской тяжелой артиллерии в боях у Мо. Англо-французские войска уже прошли мимо Парижа и отступили к реке Марне...

Казалось, что дни французской армии сочтены: еще немного — и она будет прижата к линии горных возвышенностей на востоке и здесь сдавлена с двух сторон. Кайзер Вильгельм II, как верховный главнокомандующий германскими армиями, уже готовился разделить судьбу своего деда Вильгельма I и возложить на свою главу лавровый венок победителя. Ему уже мерещилась Триумфальная арка в Париже, под которой, как сорок три года тому назад, проходят торжественным маршем немецкие полки. Он уже ощущал в своем кармане 20 миллиардов франков, которые должна была заплатить ему в виде контрибуции столица Франции.

Но тут и случилось то самое событие, которому некоторые военные историки с большой охотой присваивают таинственное название «чуда на Марне». Побежденный вдруг поворачивается лицом к преследовавшему его врагу и вступает с ним в ожесточенное и упорное сражение... И спустя неделю мы видим такую картину: побежденный становится победителем, а недавний победитель поспешно отступает по той самой дороге, по которой всего несколько дней назад он шел гордо и уверенно к победоносному окончанию войны, а стало быть, и к мировому могуществу.

Разгадку этого «чуда» многие буржуазные историки склонны видеть в роковом стечении чисто случайных обстоятельств, которые якобы помешали выполнению плана Шлиффена. Оказывается, неудача немцев на Марне объясняется тем, что у командующего правофланговой германской армией генерала Клука был плохой и своенравный характер, а начальник штаба главнокомандующего Мольтке, наоборот, страдал старческой нерешительностью. Оказывается, чисто случайные промахи в оперативном руководстве помешали немцам уничтожить французскую армию.

Шлиффен решал свою задачу чисто математически. Он не учел двух важнейших обстоятельств: во-первых, что выполнять его красиво задуманный план должны не пешки на шахматной доске, а живые люди, и, во-вторых, что реальное течение войны все менее и менее зависит только от личной воли полководца. Истинными властелинами империалистических армий являются не военачальники, а финансовые и промышленные магнаты. Но этого влияния классовых интересов на судьбы войны Шлиффен никак не предвидел. Ведь еще до войны настойчивые требования крупной германской буржуазии заставили Мольтке нарушать и ломать математическую стройность шлиффеновского плана.

В последнюю минуту Италия отказалась выступить на стороне Центрального союза. Таким образом, у французов освобождалось несколько корпусов для переброски их против Германии.

Все последующие события первых месяцев войны показали, как мало соответствовали расчеты Шлиффена действительной обстановке. Судьба современной войны с большим количеством участников не решается боевыми действиями на одном фронте. Окончательный

выигрыш приходит только тогда, когда подведен общий итог всех успехов и неудач на различных театрах военных действий. Если же посмотреть с этой точки зрения на знаменитый марш немцев в глубь Франции, то значение его приобретает совсем иной характер. Тогда легко убедиться что никакого «чуда на Марне» не было. Приближаясь к Парижу, армия кайзера шла не к победе, а к своему поражению. Посмотрим, как же это могло произойти.

РУССКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Немцы захватили Бельгию. Но, чтобы окончательно сломить сопротивление бельгийцев и подвести свои войска к границам Франции, немцы затратили почти три недели. Прошла ровно половина того срока, который Шлиффен назначил для окончательного разгрома французской армии, а германские войска все еще находились на бельгийской территории.

Бельгия стала для германских войск тем же, чем была Испания для Наполеона в последние дни первой империи. Бельгийское население организовало множество партизанских отрядов. Они нападали на мелкие части германских войск, на их разъезды, обозы и тыловые учреждения. Для охраны своих тылов и коммуникационных путей во враждебной стране германскому командованию приходилось держать много тысяч бойцов, которые могли бы весьма пригодиться при захождении немцев правым плечом во фланг французов.

Особенно большое значение имело неожиданное для германцев сопротивление Льежа. Эта крепость запирала важнейшие переправы через Маас. Только овладев ими, немцы могли перейти с правого берега на левый и двинуться всей массой своих войск внутрь Бельгии.

Германское командование намеревалось овладеть Льежем быстрым и внезапным натиском. План такой атаки был разработан германским штабом еще в мирное время. Пехота и кавалерия должны были прорваться в промежутки между фортами, обойти их и завладеть таким образом всей крепостью. В ночь с 5 на 6 августа и было решено выполнить это намерение. Была густая, непроглядная темнота, разразилась гроза, шел сильный ливень. Немцы с опознавательными белыми повязками на рукавах медленно подвигались к грозной массе крепостных укреплений. Но вдруг черная мгла озарилась вспышками огней, а удары грома были заглушены ружейной и артиллерийской стрельбой. Бельгийцы встретили штурмующие колонны сильным огнем. Атака повсюду была отбита. Только небольшой германский отряд под командой генералов Эммиха и Людендорфа проскочил между фортами и попал в самый город. Отряд находился в опасном положении, так как был отрезан от немецких войск, которые не могли оказать ему помощь. Главная оборона Льежа — его форты попрежнему продолжали стоять грозной стеной на пути немцев через Маас.

Много раз предпринимала германская пехота атаки против бельгийских укреплений, но каждый раз она откатывалась обратно, оставляя на поле боя тысячи убитых. Прошло уже шесть дней штурма, а германские армии все еще стояли на правом берегу реки.

Германскому командованию пришлось послать к крепости еще три своих корпуса и подтянуть могущественную артиллерию. Сюда было подвезено 16 крупных мортир калибром в 21 сантиметр и столько же дальнобойных пушек. Наконец против бельгийских фортов были установлены 4 новых гигантских мортиры Круппа калибром в 42 сантиметра. Эти артиллерийские чудовища готовились в величайшем секрете и теперь впервые получали свое боевое крещение. Снаряд такой «толстой Берты» весил почти целую тонну и обладал колоссальной разрушительной силой. Помимо этого, также в первый раз в эту войну, были применены тяжелые минометы.

Начиная с 12 августа вся эта масса германской мощной артиллерии стала громить форты Льежа.

Бороться с этой могущественной артиллерией было бесполезно. Все 12 фортов Льежа постепенно захватывались немцами. Противник просто раздавил бельгийцев огромным количеством своей живой силы и артиллерии. Но это уже было 16 августа. Льеж задержал полки Вильгельма почти на две недели.

Задержка немцев в Бельгии имела и еще одно важнейшее последствие: русские войска начали наступление в Восточную Пруссию, прежде чем германские армии успели нанести англо-французам решительное поражение. В самые критические дни на Западе Германия вынуждена была все время озираться на Восток.

Германский генеральный штаб рассчитывал, что русские будут способны к активным действиям своими главными силами только спустя шесть недель после начала мобилизации. И потому считалось, что в течение этого срока для обороны на Востоке будет вполне достаточно одной германской армии Притвица, насчитывающей около 200 тысяч бойцов и 800 орудий. Однако командование русской армии было по рукам и ногам связано кабальными обязательствами царского правительства перед своим французским союзником. За французское золото Николай II обещал платить кровью своих солдат. И вот, когда обнаружилась серьезная угроза Франции со стороны германских армий, идущих через Бельгию, то французское правительство потребовало от России немедленного выполнения ее обязательств.

Русская армия не была еще к этому готова. Войска не были сосредоточены в достаточном количестве. Артиллерия подвозилась крайне медленно. В тылах царил полнейший беспорядок. Но из Парижа в Петроград летели категорические требования. Французский посол Морис Палеолог ежедневно обивал все пороги в министерстве, добиваясь перехода русских армий в наступление. И царь двинул свои неподготовленные войска против Германии.

10 августа верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич послал главнокомандующему Северо-западным фронтом генералу Жилинскому телеграмму следующего содержания: «Необходимо нам, в силу союзнических обязательств, поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил. На основании изло-

женной обстановки верховный главнокомандующий полагает, что армиям Северо-западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление».

Когда германские полки маршировали по брюссельским бульварам, а главная масса немцев стояла на пороге Франции, кайзер Вильгельм получил весьма неприятное и неожиданное известие. Ему сообщили о событиях, которые произошли на другом конце Европы. Этим событиям суждено было затем оказать решающее влияние на ход операций на Западном театре действий и послужить одной из главнейших причин «чуда на Марне». Между 17 и 20 августа две русские армии, входящие в состав Северо-западного фронта, подошли к германской границе и начали наступать в Восточную Пруссию. 1-я армия под командованием генерала Ренненкампфа двигалась примерно с северо-востока, со стороны реки Неман. А 2-я армия Самсонова шла с юго-востока, от реки Нарев. Таким образом, русские войска обходили главными силами справа и слева трудно проходимую цепь Мазурских озер, узкие перешейки между которыми были солидно укреплены германцами.

Несмотря на то, что операция в целом была подготовлена плохо, русские войска показали превосходные боевые качества. Пехота действовала смело и решительно. Артиллерия поражала искусством своей стрельбы. 17 августа правофланговые части 1-й русской армии вступили в бой с немцами у городка Сталюпенен. В ночь на 18 августа германские войска отошли к Гумбинену, отдав сразу же в руки русским полосу своей территории глубиной свыше 30 километров.

На следующий день к вечеру корпуса 1-й армии Ренненкампфа заняли фронт протяжением в 45 километров между Гумбиненом и Гольдапом. В свою очередь германское командование решило разгромить в этом же районе русских, пока 2-я армия Самсонова не успела еще перейти в наступление. Для этого к северу от Гумбинена германцы сосредоточили большой кулак, чтобы обойти 1-ю русскую армию с правого фланга. Германские генералы, находясь в то время еще целиком под гипнозом идей Шлиффена, мечтали даже о том, чтобы схватить группу русских корпусов в клещи.

На рассвете 20 августа началось большое Гумбинен-гольдапское сражение, исход которого спутал все карты Германии в ведении войны. Сначала германцы объединенными силами нескольких пехотных и кавалерийской дивизий навалились на русскую дивизию, находившуюся на правом фланге армии. Им удалось даже ее обойти и отбросить после тяжелого боя на восток. Затем германцы решили повторить такой же маневр и со следующей русской двизией. Однако, как только они поднялись из своих окопов и пошли густыми колоннами в атаку, они попали под жестокий мощный огонь русской артиллерии. Наступающие остановились и залегли, а потом начали в беспорядке отходить. Атака была сорвана.

Так началось сражение севернее Гумбинена. А южнее происходило следующее. Командир 17-го германского корпуса Макензен также намеревался осуществить вместе с 1-м корпусом шлиффеновские клещи, — такова уж была заветная мечта большинства немецких

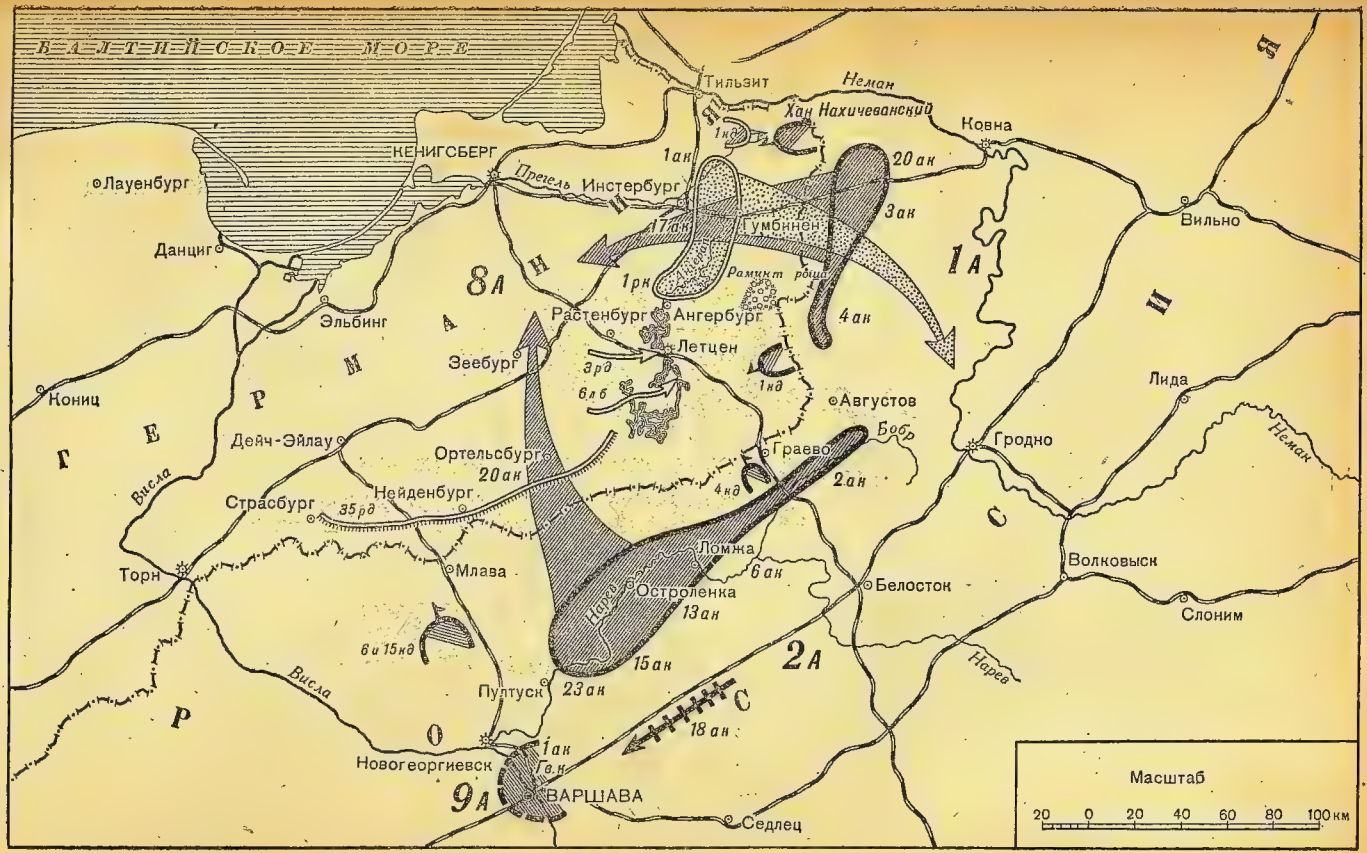


Схема 2. Операция в Восточной Пруссии

генералов в начале мировой войны. Однако при этом он плохо представлял себе расположение и силы русских частей. Разведка дала ему неправильные сведения. Отход русских сторожевых постов Макензен принял за отступление главных сил противника. И вот он бросает свои войска для воображаемого охвата русских. Тут немцы неожиданно попадают под фланговый огонь русских. Они пытаются предпринять все же несколько атак, но безуспешно.

Немецкая пехота шла густыми цепями, соблюдая равнение, как на параде. Некоторые германские офицеры ехали даже верхом в рядах своих частей. Русские артиллеристы допустили противника на довольно близкую дистанцию и вдруг сразу обрушились на него ураганным шрапнельным огнем. Германская пехота сильно поредела, разбилась на отдельные группы и, наконец, залегла, продолжая нести большие потери. Германская артиллерия тщетно пыталась подавить огонь русских 76-миллиметровых пушек, чтобы спасти свою пехоту: русские батареи стояли на хорошо укрытых позициях и были неуязвимы.

Одна германская дивизия не выдерживает и оставляет поле боя, потеряв 12 орудий и 24 зарядных ящика. Под влиянием этого отхода дрогнула и вторая германская дивизия, которая последовала примеру своего соседа.

К полудню 20 августа стало очевидным, что русские выиграли сражение под Гумбиненом. Неудача постигла войска противника и в районе Гольдапа.

Вечером того же дня командующий 8-й германской армией генерал Притвиц получил и другое тревожное известие. Авангарды русской армии Самсонова, наступавшей в Восточную Пруссию с юго-востока, атаковали находящиеся здесь германские войска и заставили их поспешно отступить внутрь страны. Таким образом, для русских открывался тыл армии Притвица.

На леса и болота уже ложилась ночная темнота, когда в штабе Притвица был подписан приказ об отступлении к Нижней Висле 8-й германской армии. Это означало, что русским отдавалась вся огромная территория Восточной Пруссии, в том числе и ее главный город — крепость Кенигсберг на берегу Балтийского моря.

Здесь план Шлиффена дал еще одну крупнейшую трещину. Земельные магнаты — юнкера Восточной Пруссии потребовали защиты их поместий от русских. Им не было дела до всяких там планов «одержимого идеей» генерала, когда речь шла об их земельных доходах, богатейших угодьях и родовых замках. Шлиффен не учел этих классовых интересов и сильного влияния на германское правительство прусского юнкерства. Со всей наивностью кабинетного теоретика Шлиффен рассчитывал не оставить ни одного лишнего солдата на Востоке, все силы перевести на Запад, в ударную обходящую группу германских армий. Пусть, думал он, русские, в крайнем случае, забирают Восточную Пруссию, пусть идут, до Кенигсберга, — все нужно перетерпеть, чтобы разбить Францию, а потом можно и русских выбить.

Но в самый критический момент борьбы на Западе, когда решалась судьба всего германского плана войны, из ударной группы были

сняты лучшие дивизии и срочно посланы на Восточный фронт. Два германских корпуса, состоящие из отборных частей, и одна кавалерийская дивизия были остановлены на марше и отправлены защищать прусских помещиков. Помимо этого, значительная часть новых германских формирований стала также направляться на Восточный фронт.

Германское командование посылает на смену Притвица двух своих лучших генералов — Гинденбурга и Людендорфа. Отправляя Людендорфа на русский фронт, Мольтке писал ему: «Может быть, Вы еще спасете положение на Востоке...».

Как известно, немцам удалось в конце августа окружить наревскую армию Самсонова и взять почти целиком в плен два ее корпуса. Все это приписывалось исключительно военному гению Гинденбурга и Людендорфа. На самом же деле русские понесли здесь поражение не столько от германских войск, сколько от карьеризма и предательства собственных генералов, вследствие той кабальной зависимости царского правительства от иностранного капитала, из-за которой неподготовленная армия была брошена в ответственную операцию.

Началось все дело с полного расстройства тыла. Например, в самсоновскую армию не прибыли в нужном количестве хлебопекарни. Почти отсутствовали обозы и транспорт. Уже 23 августа один корпус не получил за весь день ни куска хлеба. А в дальнейшем во многих дивизиях переутомленные люди оставались по два-три дня без еды. Не было патронов. Неорганизованный тыл парализовал боевые действия войск.

Фронтовое командование не способно было ни правильно оценить создавшуюся обстановку, ни подчинить единой воле личные стремления Самсонова и Ренненкампфа. В то время как штаб 8-й германской армии прекрасно представлял себе по перехваченным радиотелеграммам положение противника, русское командование почти ничего не знало и направляло самсоновскую армию на-авось. Жилинский тянул ее в одном направлении, а Самсонов — в другом. Благодаря этой игре личных интересов 2-я русская армия шла, как в потемках, и сама начала подставлять неприятелю свой тыл. В то же время Ренненкампф, удовлетворившись первоначальными успехами своей армии, не пожелал итти на соединение с наревской армией Самсонова и предательски медлил.

А между тем германское командование собрало все наличные силы, вывело даже гарнизоны из привислинских крепостей и бросило почти всю эту массу войск на Самсонова. Против армии Ренненкампфа оставался лишь тонкий заслон из одной дивизии пехоты и одной кавалерийской дивизии. А Ренненкампф все медлил.

Так русские генералы сами вели свои войска к гибели. Окруженная немцами, армия Самсонова неизбежно должна была потерпеть поражение, несмотря на то, что русские войска дрались с отчаянным упорством и разбили несколько германских дивизий. Так, часть 15-го русского корпуса разгромила у Ваплица 41-ю германскую дивизию, забрав 13 орудий и более тысячи пленных. Точно так же русские разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Гросс-Бессау и Мюлена, две не-

мецких дивизии — под Гогенштейном, 37-ю пехотную дивизию — под Лана, Орлау, Франкенау, 2-ю германскую дивизию — под Уздау.

Если бы в этот решающий момент подошел на помощь со своей армией Ренненкампф, то отдельные успехи русских частей смогли бы не только спасти самсоновские корпуса, но и привести к общей победе. Вот что пишет об этом напряженном моменте Людендорф в своих воспоминаниях: «Корпуса шли в тыл наревской армии... Но при этом они подставляли собственный тыл Ренненкампфу... Огромная армия Ренненкампфа висела, как грозная туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты».

Однако Ренненкампф спокойно смотрел, как окружают и сдавливают его соседа.

2-я русская армия, потеряв два корпуса, отошла к Нареву. Генерал Самсонов покончил самоубийством.

Ренненкампфу недолго пришлось ждать возмездия за свои преступные действия. Когда прибыли свежие корпуса из Франции, Гинденбург и Людендорф бросили все объединенные силы против 1-й русской армии. Теперь Ренненкампф мог испытать на себе всю тяжесть борьбы в одиночестве и опасность окружения. 1-я армия отступила к границе, а затем к тому исходному положению, откуда она некогда так блестяще начала операцию.

20 тысяч убитыми и 60 тысяч пленными — такой ценой платила русская армия за спасение Франции.

МАРШ К ПАРИЖУ

А пока на русском фронте разыгрывались эти драматические события, войска Вильгельма шли к Парижу.

Первым серьезным столкновением между двумя противниками было так называемое Пограничное сражение. Оно произошло на протяжении всей границы Бельгии с Северо-восточной Францией. К 20 августа пять германских армий развернули свои 22 корпуса и 7 кавалерийских дивизий на фронте в 250 километров. Им противостояли три французские армии, а войска англичан, под командой фельдмаршала Френча, лишь заканчивали свое сосредоточение в районе Мобежа, на левом фланге союзных армий. Таким образом, на стороне немцев было значительное численное превосходство, так как у англо-французов было всего 15 корпусов. К тому же 1-я, 2-я и 3-я германские армии правофланговой группы занимали уже охватывающее положение по отношению к левому крылу союзников.

Мы знаем, что французы не ожидали наступления немцев через Бельгию. Все главные силы французов были сдвинуты на юго-восток. Даже после боев под Льежем и Намюром французский главнокомандующий Жоффр не предполагал, что продвижение неприятеля через Бельгию примет такой грандиозный и решительный характер. Этому историческому «недоразумению» помогло одно обстоятельство. Немцы направили вместе с первоочередными корпусами еще и резервные, которые обозначались теми же номерами, что и первые. В начале войны

французская разведка работала плохо. Она не могла дать своему командованию правильных сведений о планах противника и направления его движения. Не разгадав хитрости немцев с нумерацией резервных корпусов, французская разведка почти вдвое уменьшала численность противника, наступавшего через Бельгию. Только 17 августа Жоффр стал получать первые сведения о немецких резервных корпусах. Началась переброска французских дивизий с востока на север. Но это уже не могло повлиять на исход Пограничного сражения.

Стратегическая внезапность нападения была одной из главных причин, почему англо-французы не смогли сдержать напор противника в Пограничном сражении.

Была и еще одна причина первоначальных успехов немцев. Их артиллерия оказалась на первых порах более могущественной, чем у французов. Этот вопрос имеет свою историю.

Стремление вести войну исключительно в маневренном наступательном духе, пренебрежение ко всем видам обороны и полевой фортификации достигли во Франции крайних пределов. Это наложило глубокий отпечаток и на подготовку артиллерийского вооружения. Известный французский артиллерист Ланглуа выдвинул идею, что армия должна быть вооружена в основном одним типом орудия. Он считал, что все задачи маневренной подвижной войны сможет разрешить легкая скорострельная пушка сравнительно небольшого калибра. В качестве такого универсального орудия французский генеральный штаб принял 75-миллиметровую пушку, не придавая большого значения тяжелой артиллерии — мощным гаубицам, мортирам, дальнобойным пушкам. В начале мировой войны Франция могла выставить более четырех тысяч легких орудий, а тяжелых — всего триста, при этом в большинстве устарелых образцов.

Между тем опыт русско-турецкой войны и особенно русско-японской показал, что в условиях современного боя необходимы орудия навесного огня и орудия большой разрушительной силы, чтобы вести борьбу с земляными укрытиями и неизбежно возникающими полевыми укреплениями противника. За это пренебрежение к урокам истории французам и пришлось дорого расплачиваться в первые месяцы мировой войны.

Немцы, напротив, уделяли большое внимание тяжелой артиллерии. К 1914 году у них было до 2 тысяч гаубиц и пушек крупных калибров. Мощный огонь тяжелых германских орудий сыграл большую роль в первых сражениях мировой войны. Вот как об этом пишет один из крупнейших французских артиллеристов — генерал Эрр. «Во второй половине августа все французские армии перешли в наступление и завязали Пограничное сражение. В Лотарингии, в Арденнах, в Бельгии — везде одна и та же картина: наша легкая артиллерия, неожиданно застигнутая в походных колоннах дальнобойным огнем германской тяжелой артиллерии, поспешно занимала позиции на пересеченной, закрытой и лесистой местности, где трудно было маневрировать и обеспечить связь; дальнобойность ее была недостаточна для поражения тяжелой артиллерии противника... Наша пехота, полная порыва и воодушевленная командным составом, проникнутым

превосходным наступательным духом, бросалась в атаку, как ее обучал устав, без артиллерийской подготовки. Она наталкивалась на неприятельскую нетронутую пехоту, располагающую всеми средствами и ожидающую атаку под защитой окопов и нередко даже за проволочными заграждениями».

Итак, англо-французы должны были уступить в Пограничном сражении неожиданному удару численно превосходившего их врага и мощному огню тяжелой артиллерии.

25 августа войска союзников начали отходить в глубь страны. Немцы шли вслед за ними в полной уверенности, что враг разгромлен и что уничтожить его теперь не составляет большого труда. Но это было крупной ошибкой, за которую германскому командованию пришлось вскоре дорого расплачиваться. Англо-французы отступали, но не были разбиты. Отступать им надо было, чтобы оторваться от сильнейшего врага и выиграть время для решительной перегруппировки. Больше того, с самого же начала отхода стали незримо созревать те силы, которые впоследствии разбили все чаяния и надежды германского командования.

Уже в ночь с 24 на 25 августа, когда Жоффр взял на себя всю тяжесть исторического решения отступать в глубь страны, — уже в эту ночь во французском штабе было принято следующее решение: надо удлинять фронт на запад, к морю, до тех пор, пока, в свою очередь, не удастся охватить правый фланг немцев. Так рождается мысль о создании новой, 6-й французской армии.

Из Эльзас-Лотарингии и Парижа, из южных портов Франции начинают перебрасываться на левый фланг союзных армий, в район Амьена, французские корпуса, резервные дивизии, бригады колониальных частей. Во главе новой армии ставится генерал Монури.

Точно так же к концу августа в центре фронта союзников создается особая армейская группа генерала Фоша, в которую спешно подвозятся французские дивизии из Эльзас-Лотарингии. Эта группа, переименованная в 9-ю армию, встает в промежутке между 4-й и 5-й армиями, как бы цементируя собой всю линию англо-французских войск.

В то время как французы «на ходу», под грохот пушек исправляли ошибки первоначального развертывания и систематически усиливали свое левое крыло, немцы столь же систематически ослабляли ударную массу своего правого фланга. Их силы распылялись в Бельгии, в Восточной Пруссии, в занятых провинциях Франции. Нельзя было также рассчитывать на помощь со стороны австро-венгров. Им самим приходилось туго в эти дни. 24 августа сербы разгромили крупные силы австрийцев у реки Ядара, взяв 50 тысяч пленных и многочисленные запасы. И одновременно с этим началось вторжение русских в Галицию.

Начала понемногу расползаться и организация германских армий. Весь расчет Шлиффена строился на захождении правым плечом в обход англо-французов. Если укрепить один конец карандаша в точке на карте, где обозначена крепость Мец, а затем вращать карандаш вокруг этой точки, мы получим примерно то знаменитое движение по дуге, которое, по мнению Шлиффена, должно было привести гер-

манские армии к победоносному окончанию войны. Но так легко было начертить на бумаге. Осуществить же такой грандиозный маневр с миллионными массами людей — оказалось совсем не так просто. Для этого правофланговая германская армия генерала Клука должна была двигаться от германо-бельгийской границы до Парижа по огромной дуге длиной в 400 километров. Чтобы быть ведущей силой всего маневра, она должна была двигаться с огромной скоростью, опережая все время остальные армии. Но войска времен мировой войны не обладали столь высокой подвижностью. Одними железнодорожными переброскими нельзя было решить этой задачи, так как от станций выгрузки немецкая пехота могла двигаться, надеясь лишь на собственные ноги.

Не располагало германское командование и достаточными средствами связи и управления, чтобы вести свои армии все время на туго натянутых вожжах. Даже такой крупнейший полководец, как Наполеон, считал, что одному командующему не следует управлять больше чем пятью соединениями. Мольтке же руководил семью армиями на Западе, да еще одной на Востоке. В результате он не руководил ни одной.

Уже в Пограничном сражении стройность продвижения немецких войск была нарушена. Правый фланг ударных армий, куда входили 1-я, 2-я и 3-я германские армии, отстал, а 4-я и 5-я армии, составлявшие левое крыло этой ударной массы, наоборот, выпятились вперед. Центр тяжести наступления все более сдвигался от правого фланга к середине.

По директиве Мольтке немцы должны были преследовать противника так, чтобы 1-я армия Клука вышла западнее Парижа, обошла его и ударила в тыл французам... Но эта директива не могла быть выполнена. Клук уже не мог итти со своей армией на юго-запад. Чтобы не оторваться от остальной массы германских войск, ему пришлось сначала повернуть на юг, а потом еще раз изменить направление на юго-восток. Это означало не что иное, как отказ от намерения отрезать Париж. А Мольтке ничего не оставалось, как утверждать задним числом эти нарушения плана Шлиффена, вызванные самой логикой событий.

Была и еще одна причина, почему Клук так стремительно бросился на юго-восток. В этом направлении поспешно отступала английская армия, сильно дезорганизованная во время Пограничного сражения. Клук увлекся ее преследованием и вознамерился догнать ее во что бы то ни стало и окончательно разбить. Это настойчивое стремление как бы ослепляет командующего 1-й германской армией. Он не замечает грозной опасности, которая сгущается на его правом фланге. А здесь уже концентрируются силы 6-й французской армии Монури. Начиная с 28 августа отдельные дивизии новой французской армии, едва высадившись в районе Амьена, вступают в стычки с частями 1-й германской армии. Но сил у французов пока недостаточно, и им приходится уступать противнику. Клук не придает значения этим нерешительным вначале действиям армии Монури, он не видит надвигающейся грозы и проносится мимо, увлекаемый общим движением тяжеловесной массы германских армий. А это приводит

к тому, что 6-я французская армия остается как бы висеть на наружном фланге немцев. Получилось, что обходящий сам попал в положение обойденного.

В то же время французы готовились к обороне столицы. Военным губернатором Парижа и комендантом парижской крепости был назначен генерал Галлиени. Затем французское правительство потребовало от Жоффра, чтобы тот предоставил для защиты столицы по крайней мере три корпуса. Главнокомандующий не считал возможным снять с фронта такое большое количество войск в столь критические дни. На этой почве между военным министром и Жоффром произошло крупное столкновение. Жоффр потребовал полного невмешательства в ведение операций и предоставления себе самых широких полномочий. Следствием этих разногласий явились отставка кабинета и смена правительства.

Крепостной гарнизон Парижа состоял из пяти дивизий, двух бригад территориальных войск и одной морской бригады. Помимо этого Жоффр передал в подчинение Галлиени 6-ю армию Монури, которая была усилена колониальными войсками из Алжира и одним корпусом из Эльзас-Лотарингии. Таким образом, в районе Парижа получался солидный кулак французских войск, который мог к тому же опереться на крепостные укрепления. Париж представлял собой обширную крепость-лагерь с четырьмя укрепленными линиями. Их внешний пояс до 200 километров в окружности имел 22 форта и 31 редут.

Вечером 1 сентября был захвачен в плен немецкий офицер. При обыске у него нашли карту. Когда ее рассмотрели в штабе, то нанесенные на карте условные обозначения показали, что вся 1-я германская армия Клука перешла реку Уазу, протекающую к северу от Парижа.

2 и 3 сентября французские летчики, посланные на воздушную разведку генералом Галлиени, привезли еще более потрясающее известие: немецкие колонны направляются мимо Парижа на юг и юго-восток. Посмотрев на карту, Галлиени увидел, что немцы подставляют свой правый фланг со стороны Парижа. Он звонит об этом немедленно по телефону в Бар-сюр-Об, где находилась главная французская квартира. Жоффр окончательно убеждается в том, что пора остановить отход союзных армий.

Французское командование решает остановить свои войска в бассейне реки Марны и дать здесь противнику решительное сражение. Сначала наступление назначалось на 7 сентября. Но когда главная французская квартира получила сведения от командующих армиями, что войска готовы драться, а Френч ответил согласием участвовать в сражении, Жоффр зачеркнул в черновике приказа семерку и поставил 6 сентября.

Между тем Мольтке узнает о переброске французских частей с востока на запад, к Парижу. Он понимает, что оттуда готовится контрудар. В ночь с 4 на 5 сентября во всех штабах германских армий радиотелеграфисты напряженно прислушивались к прерывистому писку в наушниках. Это генерал Мольтке передавал по радио свою директиву. Первыми и важнейшими пунктами ее были: две правофланговые армии Клука и Бюлова должны повернуться фронтом

к Парижу, остальным армиям продолжать наступление в прежних направлениях. На следующий день рано утром из Люксембурга, где пребывала германская главная квартира, во все армии выехали на автомобилях специальные офицеры, которые везли с собой директиву Мольтке в письменном виде.

Таким образом, Мольтке под давлением событий окончательно разрушил все остатки шлиффеновского плана. Он отказался от охвата левого французского фланга, но вместе с тем не желал приостановить наступление всего фронта для необходимых перегруппировок своих сил. Это уже была не продуманная стратегия, а отчаянная игра ва-банк. Французы уже захватывали инициативу действий в свои руки.

Итак, к вечеру 5 сентября 1914 года два противника стояли лицом к лицу на фронте, протяжением более 600 километров. Фронт шел по гигантской дуге от Парижа до Вердена и отсюда, резко ломаясь к югу, тянулся вдоль линии восточных крепостей Франции вплоть до самой швейцарской границы.

Силы союзников были распределены следующим образом. В районе Парижа были сосредоточены войска Галлиени с 6-й армией и кавалерийским корпусом Сорде на левом фланге. Рядом, справа, на реке Сене расположились англичане. Затем по дуге к Вердену были расположены 5-я армия под командованием генерала Франше д'Эспере, 9-я армия Фоша и 4-я французская армия. 3-я французская армия занимала район у Вердена, откуда к югу по линии фронта были расположены 1-я и 2-я французские армии.

Против них соответственно находились, начиная с правого германского фланга, 1-я армия Клука, 2-я армия Бюлова, 3-я армия Гаузена. Некогда они представляли собой главную ударную группу, которая должна была раздавить неприятеля своим сплоченным натиском. Теперь же они были сильно ослаблены, сплоченность их движения была нарушена. Дальше по направлению к Вердену тянулся фронт 4-й и 5-й германских армий. А отсюда к югу, в Эльзас-Лотарингии, были расположены 6-я и 7-я армии.

Фронтом сражения на Марне и был участок между Парижем и Верденом, длиной в 260 километров. Он представлял собой как бы гигантский карман, в который устремлялись германские войска.

На протяжении этого огромного пространства и встретились шесть союзных армий с пятью германскими. Поле битвы шло по обоим берегам Марны, а с запада и востока как бы отграничивалось реками Сеной и Маасом. Ближе к Парижу раскинулись широкие плодородные равнины, в центре — небольшие возвышенности, густые рощи и Сен-Гондские болота, а у Вердена — лесистые хребты Аргонн. Повсюду были раскинуты селения с прочными постройками, которые могли способствовать упорству боевых действий. Многочисленные реки и ручьи перерезают этот район — в большинстве своем с востока на запад — и образуют ряд естественных рубежей.

Полтора миллиона бойцов ждали приближения решительной минуты. По три тысячи орудий с каждой стороны были готовы обрушить на голову неприятеля стальной дождь снарядов и бомб.

Но в разных условиях подошли оба противника к берегам Марны. Германцы уже упустили из своих рук численное превосходство. Если

в Пограничном сражении их силы на решающем крыле были в полтора раза больше, чем у французов, то теперь против 66 дивизий союзников они имели всего 51 дивизию. А на участке армии Клука превосходство живой силы союзников было более чем в два раза.

Придя на Марну, германские войска потеряли свое охватывающее положение. Наоборот, им самим грозил охват со стороны Парижа. Вожжи управления германскими армиями волочились по земле. Мольтке, сидящий в Люксембурге, более чем за 200 километров от правого фланга своих армий, уже не мог фактически повлиять на судьбу предстоящего сражения. Миллионная масса германских войск расползлась по частям, потеряв темп наступления и живую силу удара.

В лучшем положении находились союзники и в отношении тыла. Позади их фронта была разветвленная сеть железных дорог, не поврежденных боевыми действиями, многочисленные базы на близком расстоянии, нормально действующая сеть телеграфной и телефонной связи. Позади немцев были сотни километров пройденной территории, отставшие обозы, разрушенные железнодорожные линии, лишь наспех восстанавливаемые.

Так обстояло дело накануне «чуда на Марне».

МАРНСКАЯ БРЕШЬ

На сороковом километре от Парижа в Марну впадает с севера небольшая речка Урк. Здесь стоял германский корпус Гронау, который Клук оставил в качестве заслона против Парижа, в то время как главные силы 1-й германской армии ушли к югу, за Марну. Утром 5 сентября командир корпуса получил сведения о том, что какие-то части противника приближаются с запада. В полдень Гронау решил атаковать французов, чтобы выяснить обстановку. В 13 часов раздались первые выстрелы. Так началось Марнское сражение, грандиозная битва, какой еще не было в истории.

Именно здесь, в районе реки Урк, произошли события, которые задали тон всему сражению на Марне и определили его результаты. Части, которые вступили 5-го числа в стычку с корпусом Гронау, были авангардами французской армии Монури, получившей приказ обойти правый фланг германского фронта. Однако германское командование не сумело правильно оценить обстановку. Клук продолжал свое движение к югу. И только один корпус он поворачивает обратно к реке Урк.

На следующий день части армии Монури вновь вступили в бой с германским заслоном на реке Урк. Они действовали еще не совсем решительно и не всеми силами, но им все же удалось несколько оттеснить оба германских корпуса и утвердиться на новых позициях: Клуку пришлось отослать еще один корпус на подкрепление. Таким образом, к концу дня 6 сентября 1-я германская армия оказалась разделенной на две части.

В этот же день начали наступление и другие французские армии. Только англичане, верные своей излюбленной тактике загребать жар чужими руками, медлили и не очень торопились вступить в сражение.

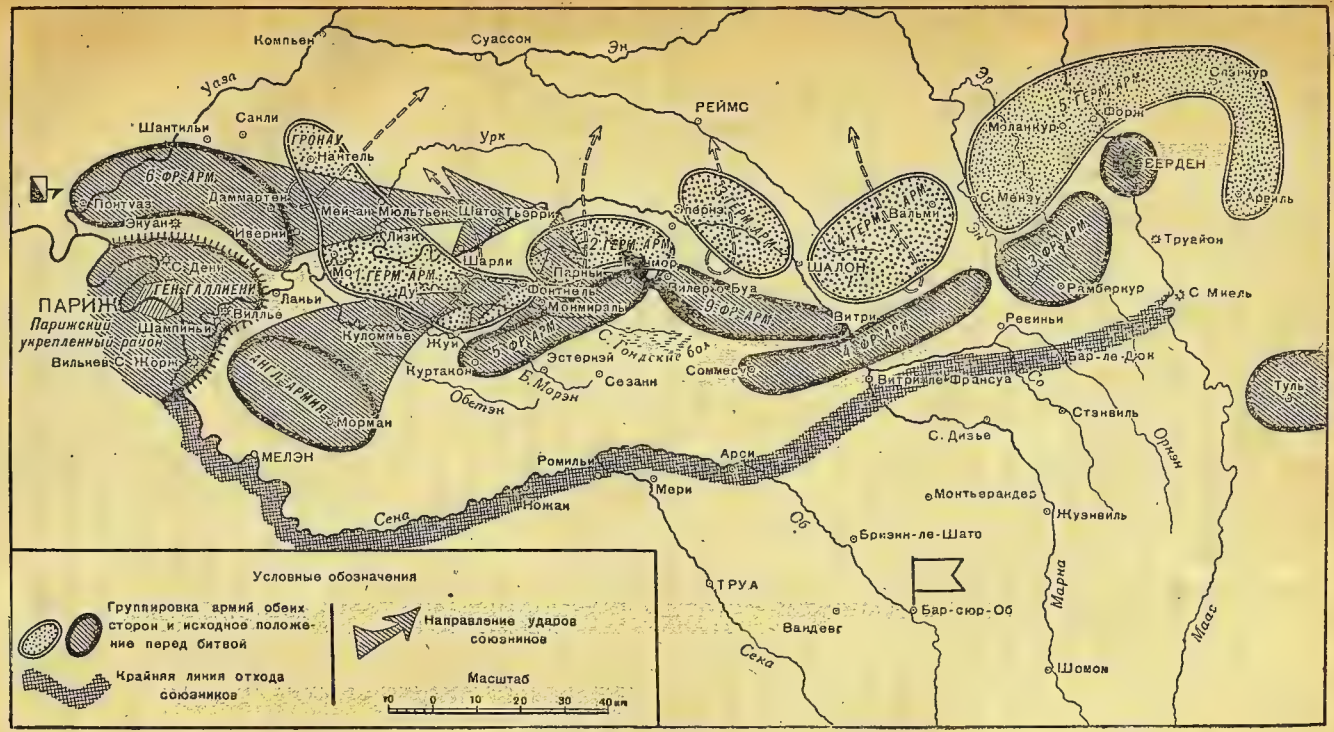


Схема 3. Сражение на Марне

С каждым часом возрастало значение боев на реке Урк. 7 сентября уже стало ясно, что правому флангу германского фронта грозит серьезная опасность. Два последних корпуса Клука оставляют теперь свое место на Марне и спешат на север, чтобы там не дать войскам Монури зайти в тыл. Начинается напряженное соревнование между противниками — кто быстрее перебросит на Урк необходимые для выигрыша силы.

Французское командование проявило в этом большую инициативу и оперативную гибкость. Главная квартира в Бар-сюр-Об находилась как раз в центре союзнического фронта и внимательно следила за всеми участками сражения, своевременно сигнализируя командующим армиями об общем ходе дел и направляя их действия сообразно стратегической обстановке. Так, по указанию Жоффра генерал Галлиени принял в этот решающий момент чрезвычайные меры. В ночь с 7 на 8 сентября ему удалось перебросить целую дивизию от окрестностей Парижа на крайний северный участок боев на Урке. Всю ночь артиллерия и полки шли форсированным маршем в походном порядке. Одна пехотная бригада была перевезена по железной дороге. Но другая бригада не могла бы поспеть во-время, двигаясь по той же дороге вслед за первой. Тогда Галлиени отдает срочный приказ: мобилизовать в Париже 1 200 такси. Спустя несколько часов этот приказ был выполнен, и на загородных шоссе появились бесконечные колонны легковых автомобилей. Французские батальоны выстраивались вдоль дороги. В каждую машину садилось по пять человек. Каждые 15—20 машин составляли отдельную группу, во главе которой ехал офицер. Так в течение одной ночи было переброшено 4 тысячи бойцов на расстояние в 50 километров. На утро они могли принять участие в ожесточенном сражении на реке Урк.

А Мольтке сидел безвыездно в Люксембурге, далеко за центром своих армий и не имел средств срочно вмешаться в действия немецких войск на противоположном, правом крыле фронта. Между тем ни Клук, ни Бюлов не представляли себе общего положения на фронте и действовали разрозненно, исключительно в интересах своей собственной армии.

Когда Клук направил свои последние два корпуса в район реки Урк, он, естественно, оголил фронт на Марне. Между смежными флангами 1-й и 2-й германских армий образовался опасный разрыв. В это время войска 5-й французской армии вели ожесточенные атаки на правый фланг армии Бюлова. Чтобы спасти свой оголенный фланг от опасности обхода, Бюлов загнул его к северу. Разрыв увеличился еще больше. Так возникла знаменитая марнская брешь — зияющая рана в германском фронте.

Клук и Бюлов не имели в своем распоряжении никаких резервов, которыми можно было бы заткнуть эту 50-километровую брешь. Обе армии были скованы боями как раз на противоположных флангах. Клук «спасал» все правое крыло германского фронта от опасного удара французской армии Монури. А Бюлов должен был сдерживать на своем левом фланге энергичный натиск частей 5-й и 9-й французских армий. Поэтому образовавшийся разрыв прикрывала только тонкая цепочка германской кавалерии.

8 сентября марнская брешь приобрела особое значение. В этот день, после самых настойчивых требований Жоффра, англичане подошли, наконец, к полю битвы и двинулись всей своей массой в разрыв между двумя германскими армиями, подобно тому как вода устремляется в пробоину корабля. Слабые кавалерийские части не могли, конечно, сдержать этого напора. Уже к ночи с 8 на 9 сентября англичане стояли своими главными силами между 1-й и 2-й германскими армиями. Вместе с ними сюда же проникли и части 5-й французской армии. Положение для немцев становится угрожающим.

Между тем к востоку от этого решающего узла всей битвы также идут ожесточенные бои. Ни один из противников не может здесь добиться сколько-нибудь значительных результатов.

Бюлов и командующий 3-й германской армией Гаузен пытаются спасти положение отчаянным рывком. Они бросают прусскую гвардию на армию Фоша в районе Сен-Гондских болот. Самые отборные войска, прекрасно вооруженные, «краса и гордость германской империи», идут густыми колоннами в атаку. Однако они были остановлены артиллерийским огнем французов.

Действия артиллерии играли весьма значительную роль на Марне. Во время этой битвы можно было видеть и рукопашные схватки и даже кавалерийские атаки с шашками наголо, но основным все же было многочасовое, непрерывное состязание артиллерийского огня.

Французы тщательно скрывали свои батареи, и немецкая артиллерия часто не могла нащупать их месторасположение. Французские артиллеристы вели теперь огонь, как правило, с закрытых позиций. Каждая атака пехоты поддерживалась артиллерийским огнем. В частности, в Марнском сражении французский генерал Эрр впервые применил авиацию для корректировки артиллерийского огня.

Германское командование, наоборот, опьяненное своими первыми победами, настолько прониклось пренебрежением к противнику, что не очень заботилось о правильном взаимодействии между пехотой и артиллерией. Германская пехота сплошь и рядом бросалась в атаку без всякой артиллерийской подготовки и поддержки. И здесь ее густые ряды попадали под уничтожающий огонь артиллерии противника. Примером этому и может служить атака прусской гвардии в Марнском сражении.

В течение двух дней губительный огонь французской артиллерии приостанавливал всякое движение прусских полков. Вот как рассказывает об этом в своих воспоминаниях германский лейтенант Кальфус, командовавший одной из рот 178-го полка: «Мы прошли около 600—700 метров и достигли высоты севернее Ланаре (недалеко от Фэр-Шампенуаз), когда артиллерия противника взяла нас под такой огонь, что мы должны были залечь. С невыносимо быстрой последовательностью разрывались гранаты вокруг нас, выбрасывая гигантские столбы черно-желтого дыма и пыли. Плотно прижавшись к земле, впервые за всю войну мы были вынуждены взять лопаты и поочередно окапаться. Потери увеличивались. Французская артиллерия стреляла с поразительной точностью. Нашей артиллерии не удалось достигнуть превосходства огня».

Наконец, Бюлов и Гаузен решают «обмануть» французскую ар-

тиллерию, так как продвинуться иначе нет никакой возможности. Они собирают все силы и назначают последнюю атаку на 8 сентября, в тот час, когда еще царят утренние сумерки и французской артиллерии трудно различить приближающегося противника. Хитрость имела некоторый успех, и гвардейские части заняли местечко Фэр-Шампенуаз. Но у них не было сил преследовать французов, отходивших на новые позиции. Цель этой атаки не была достигнута.

Так французская артиллерия пригвоздила крупные силы германцев к Сен-Гондским болотам, в то время как положение у марнской бреши грозило уже катастрофой. Войска союзников беспрепятственно продвигались в эту брешь, угрожая тылам Клука и Бюлова.

В 11 часов утра 8 сентября из Люксембурга выехал по направлению к фронту легковой автомобиль. В нем сидело несколько офицеров германского генерального штаба. Среди них был и некий подполковник Хенч. Он ехал с особыми полномочиями главного командования. Час тому назад Хенч имел беседу с глазу на глаз с самим Мольтке.

Встревоженный отрывочными и случайными радиотелеграммами об опасном положении своих правофланговых армий, Мольтке, наконец, решил — с большим запозданием—вмешаться в ход битвы. Отпуская Хенча, он сказал ему, что разрешает отдать приказ об отступлении, если подполковник найдет это нужным. Так впервые было произнесено слово «отступление» — логический итог всего, что произошло за истекшие две недели.

Чем ближе приближался Хенч к правофланговым германским армиям, тем мрачнее вырисовывалась перед ним общая картина. Бюлова он застал в крайне нервном настроении. Марнская брешь грозила самыми тяжелыми последствиями. Хенч нашел, что единственный выход—это отход обеих армий к северу своими внутренними флангами. В штабе Бюлова Хенч остался ночевать. На следующее утро у него вновь было совещание с командованием 2-й армией. Было решено, что армия Бюлова останется на месте лишь в том случае, если Клук примкнет к ней, прекратив свои действия на реке Урк. Но как он мог это сделать, когда французская армия Монури полностью сковала его своими боевыми действиями! Он не мог отойти на восток, и поэтому отступление 2-й германской армии было уже фактически предрешено.

Хенч направился в штаб 1-й армии. По дороге он видел неприглядную картину германского тыла, который, как чуткий барометр, отзывается на «погоду» в районе боевых действий. Автомобиль Хенча с трудом пробирался среди отступавших обозов. Толпы раненых стремились в том же направлении, боясь оказаться отрезанными. Появление французского самолета вызвало панику. Все дороги были забиты транспортом, двигавшимся от фронта в большом беспорядке.

Хенч прибыл в штаб Клука только после полудня. Он уже имел совершенно твердое решение: 1-я армия должна отступить, иначе она попадет в тиски. От имени главного командования он утвердил приказ Клука об отходе левого крыла армии на север. Вскоре от Бюлова было получено радио, что большие колонны союзников подхо-

дят к реке Марне и собираются отрезать 1-ю армию от 2-й. «2-я армия отходит правым флангом на Дамери», — так заканчивалась эта знаменательная телеграмма. В 2 часа дня 9 сентября генерал Клук отдал своим войскам приказ об отступлении.

Отход двух правофланговых немецких армий потянул назад и 3-ю армию Гаузена. Весь германский фронт пришел в колебание.

Все было кончено. Войска генерала Мольтке проиграли великую битву на Марне.

Примерно в 80 километрах к северо-востоку от Парижа протекает большая река Эн. Она омывает длинный ряд высоких холмов, которые тянутся от Лафера до Реймса. Эта цепь называется иногда холмами Шампани, иногда холмами Иль-де-Франс.

Сюда, на естественную оборонительную линию реки Эн, и отступили германские армии после Марны. Они поспешили установить свои тяжелые батареи на цементных площадках и защитить их целым лабиринтом окопов и земляных сооружений. Были устроены также всевозможные искусственные препятствия и убежища. Был отдан приказ во что бы то ни стало защищать эти позиции. В ближайшем тылу проходили прекрасные железнодорожные пути. Четыре больших магистрали шли по направлению к Бельгии, и еще одна дорога, проложенная от берегов моря к Швейцарии, тянулась позади линии германского фронта.

К этому времени произошла смена в германском верховном командовании. Мольтке был отстранен «по болезни», а вместо него был назначен военный министр Фалькенгайн. Новый начальник штаба бросил два корпуса на защиту правого фланга и решил принять сражение на реке Эн.

13 сентября союзники постепенно подошли к германским позициям. Понадобилось почти 10 дней упорных и свирепых боев на новом фронте, чтобы убедить союзников в том, что немцы занимают неприступные позиции. Французам удалось только, закопавшись в землю, удержаться на южных склонах хребтов между Суассоном и Реймсом. Так было положено первое основание позиционной войне.

В то время как расстроенная миллионная масса германских войск отступала к реке Эн, нечто подобное же происходило и с другим участником Центрального союза на противоположном конце Европы. Там, на равнинах Восточной Галиции, русские войска победоносно завершали другую великую битву, известную под названием Галицийской. Произошло это при следующих обстоятельствах.

ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА

К 18 августа 1914 года четыре русские армии стояли вдоль границы с Австро-Венгрией. Они развернулись по обширной дуге длиной более 400 километров. Войска ждали приказа вступить в Галицию (так называлась в то время часть Западной Украины), чтобы разбить здесь противника и отрезать пути его отхода. Для этой цели все четыре армии должны были нанести концентрический удар в общем направлении на Львов — главный город Галиции, находившийся примерно в 80 километрах от русской границы. Две русские ар-

мии — 3-я и 8-я — наносили главный удар с востока, а две другие армии — 4-я и 5-я — вспомогательный удар с севера, со стороны Польши. Таким образом, австрийский район около Львова и крепости Перемышль как бы сжимался тисками с двух сторон.

Но по другую сторону границы австро-венгерские войска тоже сосредоточивали свои силы. Здесь в ходе операции были развернуты также четыре армии. Им была поставлена задача — вторгнуться в Польшу и разгромить русских между реками Вислой и Бугом.

Создалась следующая обстановка: обе стороны собирались нанести друг другу главные удары как раз на противоположных концах огромного фронта. Русская и австро-венгерская разведки действовали в то время еще настолько плохо, что оба командования не имели ясного представления о расположении неприятельских сил. Так, например, австрийская разведка вовсе просмотрела сосредоточение 8-й русской армии. Это положение и придало операции очень сложный характер. Успех и неудачу, продвижение вперед и отступление, победы и поражения — все это одинаково должен был испытать каждый из борющихся противников. Чаши весов боевого счастья то и дело перетягивали то в одну, то в другую сторону.

Галицийская битва началась 23 августа встречным столкновением на северном участке 4-й русской армии с 1-й австрийской. На фронте в 75 километров развернулось ожесточенное сражение. Но исход этого сражения был уже заранее предрешен общей группировкой сил. Русская армия должна была осуществлять только вспомогательное наступление, и поэтому силы ее были ограничены. Австрийская армия, наоборот, наносила главный удар и была значительно сильнее. Если в 4-й русской армии было 110 тысяч бойцов, то в 1-й австрийской их было 230 тысяч. На каждого русского солдата приходилось по два австрийца. Помимо этого австрийскую армию поддерживала особая армейская группа Куммера и германский корпус Войрша.

Три дня выдерживали русские у городка Красник бешеный натиск врага, чуть ли не втрое превосходившего их по количеству сил. Наконец, когда противник стал угрожать обходом правого фланга, русская армия должна была отступить. Она отошла по направлению к городу Люблину, куда Ставка направила по железным дорогам подкрепления: из Ивангорода и Варшавы были посланы на помощь два корпуса и с востока один. А пока медленно осуществлялся этот железнодорожный маневр, 4-я русская армия перешла к обороне и стойко отражала все атаки австро-венгров, несмотря на то, что они охватили оба ее фланга.

Узнав о трудном положении, в каком находилась 4-я русская армия, соседняя с ней 5-я армия пошла ей на помощь. Для этого она несколько изменила свое движение с севера на юг и начала заходить своим левым крылом на запад. Но ей преградила дорогу другая сильная австрийская армия, наносившая главный удар. Это была 4-я австрийская армия. Она также намного превосходила силы русских по количеству войск. В 5-й русской армии было всего около 150 тысяч бойцов, а в австрийской — 250 тысяч. Такое соотношение сил, разумеется, ставило русских в крайне невыгодное положение. Помимо этого состояние тыловых учреждений 5-й русской армии не

отвечало движению в новом направлении, что уменьшало, естественно, ее боеспособность.

26 августа началось большое сражение между двумя армиями под Томашовым. Австро-венгры решили использовать свое численное превосходство и все время пытались охватить русских полукольцом. Они надеялись таким образом окружить большую часть 5-й армии и взять ее в плен. Однако это австрийскому командованию не удалось. Русские войска дрались с большим упорством и сами непрестанно наносили фланговые удары неприятельским корпусам и дивизиям. Так, например, части 5-го русского корпуса искусно вышли во фланг и тыл одной австрийской дивизии, разбили ее и захватили в плен более 4 тысяч австро-венгров и 22 орудия. Когда же неприятель собирался окружить и уничтожить превосходными силами 19-й русский корпус, то оказалось, что у самих австро-венгров в тылу внезапно появились донские казаки. Смелым натиском казачьи сотни обращают две австрийские дивизии в бегство, забирают много пленных и 10 орудий.

Шесть дней длилось Томашовское сражение. Шесть дней русские войска 5-й армии не только отражали непрерывные атаки многочисленного неприятеля, но и сами наносили ему чувствительные удары. Однако в конце концов пришлось все же уступить численному превосходству австро-венгров. Войска были крайне утомлены этой неравной борьбой. Сильно сказывалось также и неустройство тылов 5-й армии. После полудня 31 августа командующий армией отдал приказ об отходе на заранее намеченные рубежи. Этим отходом 5-я армия приобрела свободу маневра. Австро-венгры преследовали вяло. Они сами были достаточно потрепаны и понесли очень большие потери — до 40 тысяч бойцов, т. е. одну пятую боевого состава.

Казалось бы, что австро-венгерское командование могло праздновать победу: две русские армии оставили поле сражения и отступили. Однако участь такой крупной операции на громадной территории не могла быть решена начальным столкновением на одном участке фронта. Галицийская битва развивалась по сложному и извилистому пути. В ней все решалось общим взаимодействием всех армий, и результат ее представлял собой как бы алгебраическую сумму, в которую отдельные составные части могли входить то с положительным, то с отрицательным знаком.

Еще 30 августа австрийские летчики обнаружили, что с юго-востока на север, в тыл 4-й австрийской армии, движутся колонны русских войск. Это были пехотная и кавалерийская дивизии, которые 3-я русская армия направила на помощь своим. Эта, пока еще отдаленная угроза тылам австро-венгров уже значительно меняла положение. Она заставила австрийское командование ослабить правое крыло своей 4-й армии, которое шло в обход частям 5-й русской армии. Австро-венгры должны были оттянуть отсюда значительные силы, чтобы организовать заслон против нового врага. А это, в свою очередь, привело к тому, что русских фактически никто не преследовал и они смогли отойти в полном порядке, чтобы произвести перегруппировку и пополнить свои силы. Постепенно австро-венгры вынуждены были развернуть главные силы своей 4-й армии против

наступавших с юго-востока русских частей. Вторжение австро-венгров в Польшу становилось при таких условиях уже невозможным.

Когда две недели назад австрийское командование намеревалось вторгнуться в Польшу, оно рассчитывало, что 3-я и сосредоточивающаяся 2-я австрийские армии будут служить достаточной преградой для движения русских с востока на Львов.

Но в этом австрийское командование жестоко просчиталось. Оно не знало, что русские именно с этой стороны готовят свой главный удар.

19 августа 3-я и 8-я армии русских двинулись в наступление на Львов. 350 тысяч бойцов и более тысячи орудий развернулись на широком фронте в 100 километров.

Как раз в то время, когда австро-венгры начали оттеснять 26 августа 4-ю русскую армию на север, чтобы вторгнуться в Польшу, началось встречное сражение на реке Золотая Липа между 3-й русской армией и неприятельскими войсками, преграждавшими дорогу к Львову. На этот раз австро-венграм пришлось столкнуться с более сильным противником.

Русские части, предназначавшиеся для главного удара на Львов, были прекрасно снабжены. Они не ощущали ни малейшего недостатка в боевых средствах и припасах. Их тылы находились в хорошем состоянии, — явление весьма редкое в царской армии. Боеспособность и моральный дух русских войск были значительно выше, чем у противника. Все это немедленно сказалось на результатах первого сражения. В первый же день русские разбили наголову австрийский корпус. К концу того же дня наступление австрийских дивизий было приостановлено по всему фронту. На следующий день австро-венгры вынуждены были уже обороняться. А третий день сражения принес русским полную победу. Они нанесли жестокое поражение еще одному корпусу противника, который подошел было на выручку отходившим австро-венграм. После этого противник стал поспешно отступать по всему фронту.

Австро-венгры понесли на реке Золотая Липа большие потери. Быстрые и решительные действия русских войск произвели на них удручающее впечатление. И только некоторое промедление 8-й русской армии, фактически не принимавшей участия в этом сражении, спасло австро-венгров от полного разгрома.

Перед русскими лежала Галиция. Войска генералов Рузского и Брусилова устремились широкой волной в эту богатейшую землю. Слева тянулись отроги Карпатских гор, покрытые могучими лесами. Справа раскинулись плодородные равнины с многочисленными реками и ручьями.

Потерпев поражение на реке Золотая Липа, австро-венгры решили дать сражение главным русским силам на следующем естественном рубеже — реке Гнилая Липа. Между тем русская кавалерия уже маневрировала всего лишь в 20 километрах от Львова. Австро-венгерские войска получили от своего командования приказ защищать во что бы то ни стало этот важнейший экономический и политический центр. На подступах к городу начался ожесточенный бой.

Войска обоих противников растянулись по фронту на 120 километров. Более 700 тысяч бойцов столкнулись друг с другом. 2 ты-

сячи с лишним орудий покрывали своим грохотом все остальные шумы большого сражения.

Однако сражение на реке Гнилая Липа было для австро-венгров

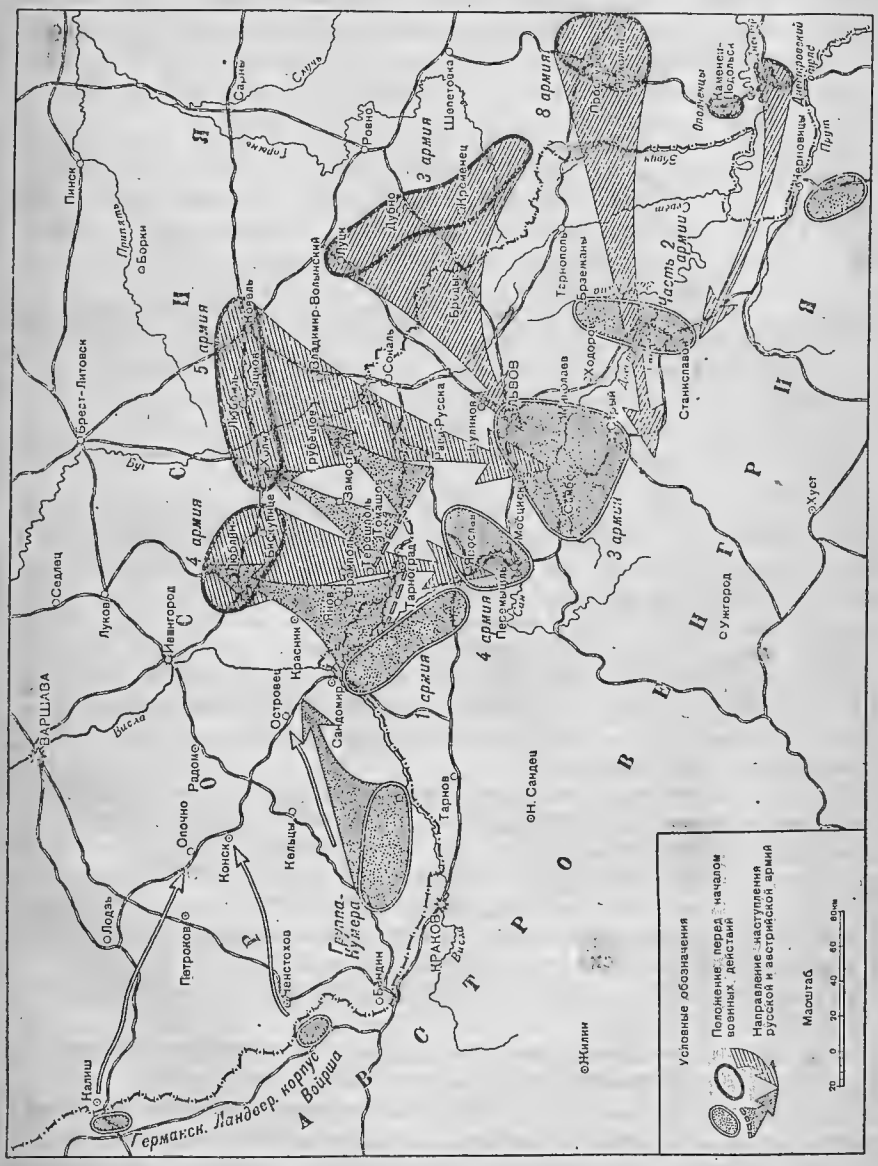


Схема 4. Галицийская битва

нисколько не удачнее, чем предыдущее. Обе реки разделяло расстояние всего лишь в один-полтора перехода — не более 30 километров. Поэтому отступавшие австро-венгры не успели оторваться от противника и произвести необходимую перегруппировку. Русские шли за

ними буквально по пятам. А недавнее поражение сильно поколебало моральную стойкость австро-венгерских войск.

Боевые действия 29 и 30 августа сопровождались новыми успехами наступающего. На решающем участке сражения, между селениями Куровице и Фирлехов, русские сумели создать значительное превосходство в силах. Здесь на каждый километр позиции приходилось со стороны австро-венгров по 3 батальона, 6 пулеметов и 9 орудий. А у русских на тот же километр было 5 батальонов, 10 пулеметов и 12 орудий и, кроме того, по 2 эскадрона конницы.

К полудню 30 августа русские прорвали фронт на участке шириной в 15 километров. В образовавшийся разрыв проскочила русская кавалерийская дивизия. Она проникла в глубь позиции противника на 12 километров, нагнала отходивший австрийский корпус и дважды в конном строю атаковала противника. Неприятель бежал, оставив русским конникам много пленных и четыре гаубицы.

Однако по нераспорядительности русского командования этот замечательный успех кавалерийской дивизии не был поддержан. Против прорванного участка стояли еще две русские кавалерийские дивизии и пять пехотных дивизий. Но они в решающий момент так и простояли на месте и не приняли никакого участия в развитии успеха. Таким образом, блестящая возможность зайти в тыл неприятелю и уничтожить его была упущена.

В свою очередь, австро-венгры настолько растерялись, что не смогли во-время закрыть прорыва. Соседний австрийский корпус стал отходить и потянул за собой и остальной фронт. К этому прибавился неуспех и южного крыла австро-венгерских армий. Здесь австрийская группа Карга, опираясь на долговременные укрепления города Галича, должна была зайти в тыл армии Брусилова. Но эта группа была сама атакована с фланга русскими и, бросив на поле боя более 30 орудий, поспешно отошла к Галичу. Сильные взрывы возвестили о том, что австро-венгры переправились через реку Днестр и разрушили за собой мосты.

31 августа австрийское командование решило начать дальнейший отход своих армий. Русские корпуса продолжали преследование отступающего противника, сбивая его арьергарды. К вечеру следующего дня русские войска 3-й армии уже были приблизительно в 15 километрах от Львова. Передовые части приступили к разведке укреплений. В лучах заходящего солнца были видны верхушки двух больших соборов и несколько высоких строений.

В это же время войска 8-й русской армии подходили к стенам покинутого Галича.

2 сентября русские войска заняли Галич и овладели передовыми позициями, возведенными перед львовскими укреплениями.

Так закончился второй этап Галицийской битвы. Разбитые австро-венгры отошли за реку Верещица примерно километров на 40 к западу от Львова. Австрийскому командованию положение рисовалось в следующем виде: 4-я и 5-я русские армии были разбиты настолько, что 5-я армия якобы уже перевозилась по железной дороге в глубь России. Питаясь такими радужными надеждами, австрийское командование решило, что для довершения «разгрома» 4-й русской армии

вполне хватит сил 1-й австрийской армии и германского корпуса Войрша. Против расположения 5-й русской армии австрийское командование оставляло в качестве заслона лишь небольшую войсковую группу Иосифа-Фердинанда. А главные силы 4-й австрийской армии должны были теперь притти с севера на помощь 2-й и 3-й армиям, потерпевшим поражение под Львовом. Одновременно с этим главнокомандующий австро-венгерскими силами Конрад фон-Гетцендорф не уставал упрашивать германский генеральный штаб о срочной присылке нескольких германских корпусов. Австрийское командование все еще лелеяло мечту о том, чтобы атаковать войска генералов Рузского и Брусилова с обоих флангов. В результате произошло так называемое Городокское сражение.

Между тем действительная обстановка на фронте далеко не соответствовала оптимистическим планам австрийского командования. 4-я и 5-я русские армии отошли, но не были разбиты. Как ни медленно осуществлялась перевозка подкреплений по бедной железнодорожной сети, все же эти подкрепления накануне Городокского сражения прибыли и весьма увеличили силы русских на северном участке фронта. Рядом с 4-й русской армией была образована новая армия — 9-я. Таким образом, на севере у обоих противников происходили как раз противоположные процессы: австро-венгры ослабляли здесь свои силы, а русские, наоборот, их значительно увеличивали. В результате, перед началом Городокского сражения русские создали на этом участке решающее превосходство сил: против 20 дивизий австро-венгров русские имели 36 дивизий. Этот северный участок фронта и стал «ахиллесовой пятой» австро-венгров в Городокском сражении.

Бои начались 5 сентября. Силы обеих сторон на главном направлении были примерно одинаковы. Армии Рузского и Брусилова сдерживали натиск врага, который с отчаянным упорством играл свою последнюю ставку. Но ошибки австрийского командования облегчили положение русских в начале сражения. 2-я австрийская армия запоздала со своим развертыванием почти на три дня. Это, конечно, сковывало ее действия. А 4-я австрийская армия значительно уклонилась к востоку и этим подставляла свой левый фланг под удар армии Рузского. Все же положение было крайне напряженным. Русские должны были отказаться от попыток взять в лоб центральную Городокскую позицию. Здесь даже образовался между русскими частями разрыв шириной в 7 километров. А на следующий день австро-венграм удалось прорвать центр 8-й русской армии. Они стали теснить ее и вынудили Брусилова перейти к обороне. Это были критические дни. Казалось, что военное счастье начало переходить на сторону австро-венгров. Но в этот момент на северном крыле и произошли события, которые решили участь Городокского сражения.

8 и 9 сентября три северные русские армии перешли в общее и решительное наступление. 9-я армия произвела удачную артиллерийскую подготовку. Интенсивный огонь трехсот орудий посеял смятение в рядах противника. Русская пехота бросилась в атаку на 45-километровом фронте и прорвала позицию австро-венгров.

Этому примеру последовала и соседняя 4-я русская армия. Она

сосредоточила огонь шестисот орудий на неприятельском участке в 26 километров. Здесь как раз расположился германский корпус Войрша. Несмотря на то, что германцы укрепились на весьма сильной позиции на высотах у села Тарнавка, русские все же их одолели. Под покровом ночи Московский и Гренадерский полки подкрались незаметно к германскому охранению, быстрым и смелым рывком сбили слабые части противника и овладели высотами. При этом они захватили 30 германских орудий. Германцы несколько раз предпринимали сильные контратаки, но безрезультатно.

На следующий день успех прорыва распространился по всему фронту 4-й русской армии. На некоторых участках австро-германцы начали отходить в беспорядке. За два дня боев русские продвинулись на 10 километров, захватив более 5 тысяч пленных.

В то же время корпуса 5-й русской армии смяли тонкий заслон группы Иосифа-Фердинанда и быстро погнали его к югу. Таким образом, основной расчет австрийского командования жестоко провалился: считая север для себя безопасным, оно как раз отсюда и получило смертельный удар. Русские северные армии угрожали теперь тылу австро-венгерских войск, ведущих напряженнейшие бои под Городком. Три русских корпуса приближались к важному тактическому пункту — станции Рава-Русская — и постепенно сдавливали здесь австро-венгров с трех сторон. Положение австро-венгров резко ухудшилось. Русские кавалерийские дивизии уже осуществляли глубокий обход 4-й австрийской армии.

В 16 часов 30 минут последовала общая директива австрийского командования об отводе всех армий за реку Сан. Это было 11 сентября — как раз в тот день, когда на другом конце Европы германские армии поспешно отступали за реку Эн.

Итак, две огромные армии Центрального союза совершали одновременно один и тот же маневр. Немцы отходили на укрепленные позиции за реку Эн, чтобы приостановить наступление англо-французов и перегруппировать свои силы. Австрийцы с той же целью искали точку опоры за рекой Сан. Эта река находится примерно в 100 километрах на запад от Львова. Она протекает от Карпат к северу до самой Вислы. Таким образом, она смогла служить прекрасным естественным барьером. Оба фланга австро-венгерских армий, стоявших за Саном, были прикрыты на юге Карпатами, на севере — широкой и глубоководной Вислой. Позиция на Сане была сильной не только по естественным условиям. В центре ее находились две большие крепости с сильными фортами — Ярослав и Перемышль.

Однако, что удалось немцам на реке Эн, того не смогли выполнить их союзники. Полевая австро-венгерская армия была настолько потрясена и расшатана непрерывными поражениями, что ее отступление было теперь почти стихийным. Она откатывалась перед русскими подобно огромной бочке, пущенной вниз под гору. Это отчаянное бегство как бы символизировало собою распадение «лоскутной империи» Габсбургов на ее плохо склеенные отдельные части. Австро-венгерская армия, составленная из множества угнетенных национальных меньшинств, не могла иметь внутренней спайки и рассыпалась при первом же сильном ударе.

Чехам, украинцам, хорватам, словакам, отступавшим под натиском русских войск, незачем было проявлять особенное упорство и мужество. Их не воодушевлял лозунг «защиты отечества», которым буржуазия пыталась обмануть народные массы, ибо у них не было своего отечества.

Между тем русское командование даже не организовало преследование отступающего противника. Богатые возможности для отрезывания путей отхода и окончательного уничтожения австро-венгерских войск не были использованы. Печатью нерешительности и излишней осторожности были отмечены действия русского командования в эти дни. Все дело ограничилось тем, что русские войска медленно следовали за неприятелем и постепенно вытесняли его с одной позиции на другую.

Боевой состав австро-венгерских армий уменьшился почти наполовину — так велики были потери. 100 тысяч пленных, 400 орудий, огромное количество припасов и амуниции достались в руки победителям. Русская армия открыла себе проходы через Карпаты в Венгерскую равнину. Отдельные части донских казаков показывались даже по другую сторону горных перевалов.

Деморализованная и потерявшая боеспособность армия австро-венгров не могла оказать сопротивления на реке Сан. 17 сентября она уже отходит дальше, к следующей естественной преграде — реке Дунаец. Теперь уже был близок Краков, стоявший как раз на стыке трех границ — Польши, Германии и Австро-Венгрии.

Краков был скорее сторожевым постом Германской Силезии, нежели Венгрии. Теперь дальнейшее продвижение войск Юго-западного фронта могло угрожать уже непосредственно германской территории. Немцы спешно перебрасывают в Силезию четыре корпуса и одну кавалерийскую дивизию; на левом берегу Вислы формируется новая германская армия под командой Гинденбурга. К этой 9-й германской армии присоединяется и корпус Войрша, участвовавший в Галицийской битве.

Русские продолжают двигаться в глубь вражеской страны. Быстро падает под ударами тяжелой русской артиллерии крепость Ярослав. Войска Рузского и Брусилова постепенно обкладывают со всех сторон Перемышль, чтобы спустя несколько месяцев взять этот сильнейший укрепленный пункт с его шестьюдесятью фортами, тысячью орудий и стотысячным гарнизоном. Армейская конница приближается к реке Дунаец...

Но слабо развитая сеть железных дорог не позволяла русским войскам отрываться далеко от немногих узловых пунктов. Подвоз резервов осуществлялся крайне медленно, и убыль в людском составе почти не пополнялась. Снабжение продовольствием и припасами было поставлено из рук вон плохо. Войска терпели недостаток даже в хлебе. Эвакуация огромного числа раненых и больных не была налажена. В последние дни боев начал ощущаться также острый недостаток в боевых припасах — первый грозный признак будущего катастрофического кризиса снабжения царской армии, который привел к роковому исходу всю кампанию на русском фронте в 1915 году.

В телеграмме 21 сентября 1914 года верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич доносил царю: «Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских патронов. Сейчас генерал-адъютант Иванов (командующий Юго-западным фронтом) доносит, что он приостановит операцию на Перемышль и на всем фронте, пока патроны не будут доведены в местных парках хотя бы до 100 на орудие. Теперь имеется только по 25...»

У русских нехватило сил, чтобы окончательно добить разгромленного врага. В конце сентября русские армии остановились в виду Кракова, примерно на линии реки Вислока. До древней польской столицы оставалось всего 80—90 километров. Здесь русским пришлось прервать операцию и ждать, пока более или менее наладится тыл и накопятся необходимые материально-технические средства.

На этом 33-дневная Галицийская битва и закончилась. Результаты ее были огромны. Она заставила немцев ослабить свои действия на французском фронте. Австро-венгерская армия надолго потеряла боеспособность и, пожалуй, на все время войны сохранила некоторую долю страха перед русским бойцом, несмотря ни на какое цементирование ее германскими частями. После Галицийской битвы и Марнского сражения правительство Вильгельма должно было спешно искать новых союзников, чтобы влить свежие силы в Центральный союз.

БЛЕСТЯЩАЯ РОКИРОВКА

Крупная победа, которую одержали русские в Галицийской битве, серьезно встревожила германское командование. Русские войска переполнили все пространство между рекой Вислой и городом Львовом и угрожали теперь вторжением в глубь Германии, и в первую очередь в ее важнейшую военно-промышленную область — Верхнюю Силезию. 17 сентября Гинденбург получил директиву от Фалькенгайна: «9-я армия должна самостоятельно, но действуя в контакте с австрийцами, атаковать во фланг и тыл ближайшие русские войска, преследующие австрийцев».

Одновременно Гинденбург назначался командующим 9-й армией и всем Восточным фронтом.

Гинденбург спешно посылает начальника своего штаба Людендорфа в Новый Сандец, где находилась тогда австро-венгерская Ставка. После длительных переговоров австрийское командование соглашается наконец на предложение немцев. Для содействия 9-й германской армии передается 1-я австрийская армия, а остальные австро-венгерские силы должны были наступать на реку Сан, чтобы приковать сюда возможно больше русских войск. В то время как русские будут увлечены здесь боями, Гинденбург и надеялся ударить им во фланг и тыл.

Однако русское командование своевременно разгадало намерение Гинденбурга. Оно оставляет против австро-венгров всего две армии, а 4-ю, 5-ю и 9-ю перебрасывает на север, в район Варшавы и Ивангорода. Помимо этого со стороны Нарева к Варшаве подтягивается и 2-я русская армия.

Быстрая и удачная переброска почти одновременно трех армий, несомненно, является одним из замечательных примеров руководства огромными массами войск. Всем играющим в шахматы хорошо известен ход, именуемый рокировкой: короля переставляют через одно поле по направлению к ладье, а затем ладью переносят через короля. Так обычно одним ходом ладья выводится из закрытого угла в середину, «на боевую линию», а король отводится в более безопасное место. Нечто подобное и проделали русские в начале октября. Их искусный маневр так и называется в военной литературе — рокировкой.

Театр военных действий не был подготовлен для такой огромной переброски войск. Слабо развитая железнодорожная сеть не могла пропустить в столь короткий срок ту гигантскую массу людей, орудий, снаряжения, парков и обозов, которая составляет современную армию. А их было целых три. Но русские вышли с честью из этого крайне трудного положения. Чтобы сократить эшелоны, был отдан приказ: перевозка по железной дороге только для пехоты; артиллерия, дивизионные и корпусные транспорты должны следовать походным порядком. Но и пехоте приходилось покрывать большие расстояния пешком. Так, например, 4-я армия большую часть пути шла походным порядком. Корпуса выводились прямо из боя с австро-венграми, и их переброска прикрывалась лишь слабыми частями, которым приходилось выдерживать натиск превосходных сил врага.

Так в течение каких-нибудь двух недель три русские армии были переброшены из Галиции в левобережную Польшу. 5-й армии, например, пришлось пройти за это время более 300 километров. Русский солдат еще раз доказал свою необычайную выдержку и способность сохранять боевые качества даже в самых тяжелых условиях.

Это была поистине замечательная рокировка. Она не только устранила угрозу флангового охвата со стороны противника, но и создала для русских возможность ударить в левый фланг армии Гинденбурга. Если в начале операции значительное превосходство в силах было на стороне немцев, то теперь, после рокировки, русские имели в полтора раза больше пехоты и артиллерии, а конницы даже в два раза больше, чем немцы.

В то же время австро-венгры оказались неспособными хоть сколько-нибудь оттеснить даже те две русские армии, которые были оставлены в Галиции. Уже к 9 октября стало ясно, что намерение германского командования разгромить русских потерпело полный провал.

Тогда Гинденбург решает быстрым налетом овладеть Варшавой. К тому времени 5-я русская армия еще не успела подойти к Варшаве, так как она совершала рокировку последней. Для наступления на Варшаву была образована особая группа из трех германских корпусов. Во главе этой группы был поставлен генерал Макензен, который уже раз испытал на себе силу русского оружия под Гумбиненом, в Восточной Пруссии.

Макензен предпринял свой марш-маневр 9 октября. Но в этот же день начали наступать и русские. Боевые столкновения носили весьма упорный характер. Войскам Макензена приходилось продви-

гаться к Варшаве ценой больших усилий. Малейшая задержка была для них губительна, так как с каждым часом 5-я русская армия подходила все ближе и ближе. Только к 12 октября немцам удалось приблизиться к линии упраздненных фортов. Но силы их выдыхались. Напрасно в местечке Блоне, около Варшавы, приехал сам кайзер Вильгельм, чтобы лично воодушевить свои войска в наиболее критический момент боя. Ничего не помогло: русские отбивали все атаки.

14 октября к Варшаве подошла форсированным маршем 5-я русская армия. На следующий день Макензен уже с трудом отбивался. А спустя еще два дня для него выяснилась полная необходимость начать отход.

В результате общего наступления русских по всей линии средней Вислы германцы были отброшены далеко на запад от этой реки. В конце октября группа Макензена отскочила от Варшавы уже почти на 100 километров. Так же успешно продвигались русские и в Галиции.

Однако русская Ставка допустила в этот момент крупнейшую ошибку. На удачной рокировке трех армий и закончился проблеск ее оперативного творчества. А затем, в самый критический час, Ставка проявила свою обычную нерешительность и неспособность противостоять центробежным стремлениям, которые постоянно возникали у командующих отдельными фронтами.

Людендорф, не скрывая, рисовал положение австро-германцев в очень мрачных красках: «Положение было исключительно критическое... Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию». И как раз в этот момент русская Ставка соглашается с командующим Юго-западным фронтом Ивановым, настаивающим на переносе главного удара против австро-венгров. Такое решение сдвигает усилия русских армий к югу и, естественно, ослабляет темпы в преследовании германцев. По пятам германцев шли только небольшие авангарды и конница. Благодаря этому Гинденбургу удалось ускользнуть от окружения и окончательного разгрома.

Отступая, Гинденбург разрушал за собой все пути сообщения. Он приказал портить полотно дорог и шоссе, взрывать мосты, железнодорожные линии и важнейшие станционные сооружения. Все это еще больше затрудняло для русских преследование. Помимо этого, у русских не был организован тыл, прекратился подвоз хлеба, войска оторвались до двухсот километров от своих баз. Спустя несколько дней русским пришлось остановиться.

Однако царское правительство не бросало мысли о глубоком вторжении в Германию. «Поход на Берлин» был необходим не только потому, что его все время требовали Англия и Франция: боязнь внутренних политических осложнений в случае затяжной войны толкала на это царское правительство.

Гинденбургу удалось оторваться от преследовавшего его противника, но ему нужно было во что бы то ни стало парировать наме-

чавшийся удар русских в глубь Германии. 11 ноября германское командование получает перехваченную русскую радиограмму: «После 120-верстного преследования наступило время передать преследование кавалерии, пехота утомлена, подвоз затруднен». Воспользовавшись этой заминкой, Гинденбург вместе с Людендорфом разрабатывают план новой операции. Из частей 9-й и 8-й германских армий создается сильный кулак под командованием Макензена. Эта группа перебрасывается на север с таким расчетом, чтобы отсюда ударить по направлению на Лодзь, в правый фланг русских армий, находящихся в левобережной Польше. Южнее, в районе Ченстохова, оставляется только небольшой отряд под командованием генерала Войрша.

Идея германского командования была такова: сковать русских незначительными силами с фронта, а ударом сильной маневренной группы глубоко во фланг и тыл наступающих русских армий «сбить в кучу» сначала 2-ю армию, а затем, «если все хорошо пойдет», расстроить и остальные части русского фронта.

Так мечтали Гинденбург с Людендорфом, составляя свой план Лодзинской операции. Но все пошло далеко не так «хорошо». Уже с самого начала операции германских генералов постигла крупная неудача. Опасаясь, что русские разведают положение его группы, Макензен не стал дожидаться сосредоточения всех своих корпусов и 11 ноября перешел в наступление. Эти преждевременные действия Макензена раскрыли карты германского командования. Русские почувствовали угрозу своему правому флангу и начали перебрасывать сюда подкрепления.

14 ноября германская армия подошла к местечку Кутно. Здесь Макензен надеялся встретить лишь один корпус русских, но натолкнулся на сосредоточенные силы двух с половиной корпусов. Завязался ожесточенный бой. А между тем вся 2-я русская армия стягивалась постепенно на север, навстречу немцам. Подходили также и части 1-й русской армии Ренненкампфа.

В результате последующих боевых столкновений ударная германская группа была разорвана на две части. Макензену все время приходилось разбрасывать свои войска на сильно растянутом фронте, что, естественно, ослабляло намечавшуюся силу сосредоточенного удара.

У Лодзи повторилось то же, что было под Варшавой. Германские полководцы, мечтавшие о захождении в тыл русским, были сами окружены последними. В кольцо русского окружения попала войсковая группа Шеффера. И только бездарность генерала Ренненкампфа, который в последнюю минуту направил свои дивизии не в ту сторону помогла Шефферу выскочить из готовых замкнуться железных тисков. На поле боя войска Макензена оставили до 40 тысяч убитых.

В результате всех больших сражений в Восточной Пруссии, в левобережной Польше, в Галиции и Карпатах обе стороны обессилели. Пехота была крайне утомлена, боевые запасы иссякли, а надвигавшаяся ранняя зима сковывала боевые действия своим ледяным дыханием. Везде войска рыли землю и готовились пережидать зимнее время в окопах.

БЕГ К МОРЮ

Мы оставили французов в тот момент, когда они безуспешно пытались атаковать сильно укрепленные позиции немцев на реке Эн. На этом участке и далее на восток война стала принимать постепенно позиционный характер. С каждым днем росли траншеи и окопы на боевых линиях. Все гуще становились проволочные заграждения. Ни один из противников не мог продвинуться вперед. Германцы и союзники стояли лицом к лицу, привязанные мертвой петлей к позициям, обстреливаемым огнем тяжелой артиллерии.

Скоро стало очевидным, что либо союзники, либо немцы должны предпринять какой-то новый маневр, если они желают разорвать эту мертвую петлю. Почин был сделан французами.

Если на востоке фронт был заперт позиционным окостенением, то фланги обоих противников на западе, по направлению к Северному морю, были еще открыты. Французы и решили воспользоваться этим свободным пространством, чтобы зайти немцам в тыл с запада. Они бросают сюда кавалерийский корпус и одну пехотную дивизию из 6-й армии. Затем к ним присоединяются территориальные части генерала д'Амада и, наконец, спешно перебрасывается один корпус из Лотарингии.

Однако навстречу им с германской стороны уже шли кавалерийская дивизия и резервный корпус. 16 сентября противники завязали встречный бой, продолжавшийся два дня. За это время французы спешно создали еще дальше на северо-западе новую армейскую группу, чтобы опять обойти правый фланг подошедших германских частей. Но немцы сами стремились к той же цели — выиграть фланг у противника. Так начался знаменитый «бег к морю».

В течение целого месяца союзники и немцы вели самые напряженные операции, пытаясь опередить друг друга в обходном маневре. Фронт, застывший в позиционном окостенении, давал им возможность перебрасывать крупные войсковые массы на северо-запад. Эти новые массы войск последовательно набегали друг на друга с обеих сторон, вступали в горячие, но короткие схватки, чтобы затем с потухшей энергией перейти постепенно также к обороне на укрепленных позициях. Так как немцы и французы вводили в действие новые части одинаково мелкими «порциями», то никто из них не мог добиться подавляющего перевеса сил, чтобы достичь решительного результата.

Линия позиционного фронта все росла и тянулась на северо-запад, к берегам Ламанша. В этом историческом «беге к морю» огромную роль сыграли действия конницы и железнодорожные перевозки. Почти вся кавалерия обоих противников была сосредоточена на флангах и выполняла самые ответственные задачи. Конница первой появлялась на крайних флангах и часто не только опиралась на пехоту, но и сама являлась опорой и прикрытием для пехотных частей, постепенно выходивших на фронт. Железные дороги были теми основными артериями, по которым командование обеих сторон перекачивало свои силы с востока на северо-запад. За все время операции германцы перебросили по железным дорогам 22 корпуса и три

армейских управления, а союзники — 38 дивизий и также три армейских управления.

Наконец, в середине октября линия фронта подкралась к заливным лугам Фландрии — богатейшей провинции Бельгии в прибрежной полосе Северного моря. Сюда только что отошла бельгийская армия после того, как германцы бомбардировали из тяжелых батарей крепость Антверпен.

Германское командование предпринимает последнюю крупную и решительную операцию во Фландрии. С огромной энергией формируется новая, 4-я армия и направляется в Западную Бельгию. 14 октября в Гент прибывает кайзер Вильгельм. Он обращается к войскам 4-й армии с особым воззванием. В нем германский император выражает уверенность, что его солдаты помогут ему достичь важнейшей стратегической цели и добьются победы. А цель эта была действительно очень важной: надо было захватить побережье Ламанша, чтобы отрезать британским войскам кратчайший путь из Англии во Францию.

Силы обеих сторон во Фландрии непрерывно увеличивались. Их столкновение привело к огромному сражению, которое длилось почти целый месяц. 20 октября немцы бросили свои дивизии в решительное наступление. Их натиск был настолько энергичным, что союзникам пришлось перейти к обороне и отстаивать последний клочок бельгийской территории, оставшийся в их руках.

Но 25 октября бельгийское командование принимает решение: открыть шлюзы у Ньюпора. На германцев надвигается новый враг — вода. К 31 октября наводнение распространилось на протяжении 12 километров. Целая река до 5 километров ширины и в 1 метр глубиной преградила дорогу войскам Вильгельма и заставила их отступить. После этого узел борьбы передвигается несколько южнее, к Ипру.

В начале ноября во Фландрии наступила пора, крайне неблагоприятная для ведения боевых операций: пошли проливные дожди, стояли густые туманы, почва превратилась в сплошное болото. Продвигаться войскам не было почти никакой возможности. Истощенные и обессиленные противники начали закрепляться на занимаемых позициях и подготовлять их для долгого зимнего стояния. Позиционное выжидание и здесь сковало линию фронта.

Так кончился 1914 год, год великих битв и крупнейших в истории маневренных действий миллионных армий.

ГОД ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

В начале 1915 года германское командование решает под давлением Гинденбурга и Людендорфа перенести свой главный удар на Восток, против России. Это было второй частью плана Шлиффена. Но действительность оказалась весьма далекой от этого плана. С начала войны прошло не шесть недель, а добрых шесть месяцев. Франция не была разбита, и почетный для германского оружия мир не был подписан.

В начале 1915 года Фалькенгайн стал перебрасывать весьма внушительные силы на Восточный фронт. Четыре свежих корпуса, только что сформированных в Германии, направляются на Восток. Создается специальный стратегический резерв. Некоторые германские части перевозятся из Франции против России. Вся германская армия подвергается усиленной организационной перестройке и увеличению своего состава. Так, например, германская дивизия состояла из трех полков, а все четвертые полки были использованы в качестве основного костяка, вокруг которого образовались новые дивизии.

На Восточном фронте появляются новые армейские соединения германцев. В северных районах Восточной Пруссии начинает действовать новая, 10-я армия Эйгорна, а южнее — особая армейская группа Гальвица.

Так же усиленно укрепляет германское командование и фронт своих главных союзников—австро-венгров, потрепанных и деморализованных сокрушительными ударами русских. Немцы не только вливают свои войска в большинство австро-венгерских частей, но и создают даже отдельную армию Линзигена, состоящую из трех германских и нескольких австрийских дивизий. Эта армия была образована на правом фланге австро-венгерского фронта для действий против русских в Карпатах.

В течение 1915 года австро-германские войска на русском фронте были увеличены почти в два с половиной раза. Теперь Россия притягивает на себя более половины всех сил Центрального союза.

Между тем русская армия после первых пяти месяцев борьбы, после дорого доставшихся побед над австро-венграми была весьма ослаблена. Царской армии нехватало примерно полмиллиона людей. В некоторых частях пехоты осталась лишь треть штатного состава. Были такие роты и полки, в которых все унтер-офицеры были перебиты, а кадровые офицеры сохранились только единицами.

В то же время у русских прибавилась еще одна забота. В ноябре 1914 года Турция вступила в войну на стороне Германии. Сухопутная русско-турецкая граница на Кавказе длиной более 600 километров потребовала отвлечения сюда значительных сил русских с австро-германского фронта. С самого же начала здесь завязались крупные активные действия. В конце декабря кавказская армия разгромила несколько турецких корпусов под Сарыкамышем. Затем русские заняли в упорных боях огромную территорию противника и дошли до самого озера Ван.

Вновь образовавшийся Кавказский фронт требовал теперь от царской Ставки значительных сил. А их и без того нехватало на главном театре военных действий. Но еще не в этом была главная тяжесть.

В тот момент, когда Германия повернулась на Восток, на долю русской армии выпало одно из самых тяжелых испытаний, какие ей довелось перенести за время мировой войны. Это был настоящий военно-технический голод.

Чтобы питать такую грандиозную войну, какой была империалистическая война 1914—1918 годов, необходимо было иметь колоссальное, неслыханное количество материальных средств. Ежедневно,

ежечасно фронт проглатывал тысячи тонн стали, горы строительных материалов, целые склады военной амуниции и снаряжения. Достаточно сказать, что в 1914 году для обеспечения союзных войск во Франции необходимо было каждые сутки доставлять в действующую армию 80 поездов с продовольствием, 40 поездов с огнестрельными припасами, 32 поезда с инженерным, санитарным и авиационным имуществом, 16 поездов с грузами для железных дорог и 25 поездов с людскими пополнениями. Если соединить все это в одно целое, то мы получили бы гигантский железнодорожный состав в 30 тысяч вагонов. А в периоды напряженных боевых действий «аппетиты» фронта сильно повышались.

После больших битв 1914 года все армии страдали от кризиса боевого снабжения. Иссякли мобилизационные запасы снарядов, патронов, винтовок... Особенно острый недостаток ощущался в снарядах, так как никогда мощь и значение артиллерии не были так велики, как в мировую войну. В Англии, например, даже в палате лордов обсуждался «великий скандал со снарядами».

Но в царской России недостаток в боевых средствах к концу 1914 года принял катастрофический характер. Отсталая и слабая российская промышленность не могла справиться с теми новыми, ответственными задачами, которые поставила перед ней мировая империалистическая война. Многих видов оружия царская промышленность вообще не могла изготовлять, и их приходилось заказывать иностранным фирмам и заводам. А уже в грозные дни боевых испытаний производство трудно было перевести на военный лад. Россия была не в состоянии мобилизовать свою промышленность так быстро и в таких крупных масштабах, как это сделали другие государства, имеющие мощную индустрию. Когда Германия стала ощущать недостаток в ручном оружии, то она, пользуясь своей развитой техникой, быстро оборудовала для этого два новых завода. Вслед за приспособлением всех правительственных металлургических заводов для военных целей Германия мобилизовала 3 750 частных фабрик для изготовления оружия.

Все это царской России было недоступно. Недостаток в снарядах превратился для русской армии в «снарядный голод». Нехватало и винтовок. Сплошь и рядом на двух солдат приходилась одна винтовка.

Начальник штаба главнокомандующего генерал Янушкевич забрасывал военное министерство письмами и телеграммами с просьбой прислать поскорее хоть сколько-нибудь снарядов. Так, уже 2 ноября 1914 года он писал военному министру Сухомлинову: «Буду бесконечно вам благодарен за армию, если признаете возможным подтянуть Рузского для скорейшей выделки снарядов. Это мой кошмар. С уменьшением числа орудий и числа патронов стали выбывать из строя на 50—60% больше... Нельзя ли сверх того увеличить число гранат (трубок не надо, а выстрелы будут). Все же будет поддержан дух войск (утопающий хватается за соломинку)».

На это ему Сухомлинов отвечал: «Сам езжу по заводам и понукаю, но натыкаюсь на забастовки, отсутствие угля, недоставку станков из-за границы — у нас их нет». Обо всем упомянул Сухомлинов,

что срывало снабжение армии, только об одном обстоятельстве он скромно умолчал. Сам военный министр был связан с немецкими шпионами и довершал своей предательской деятельностью общий развал в боевом снабжении русской армии. Даже те боевые припасы, которые могла выработать царская промышленность, часто терялись в недрах огромного тыла. «...Сухомлинов выполнял задание немецкой разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок...» [1].

Вот в каких условиях находилась русская армия, когда Вильгельм и его генералы двинули на Восток свои лучшие, испытанные корпуса, все новые формирования, свою тяжелую артиллерию и всю мощь военной техники.

Яркую картину этой неравной борьбы дает хотя бы известный Горлицкий прорыв, осуществленный германским командованием.

Весной 1915 года Фалькенгайн решил общими усилиями с австро-венграми прорвать русский фронт в Галиции, на участке Горлица—Громник, шириной в 35 километров. Для ведения операции была сформирована особая 11-я германская армия под командованием уже хорошо знакомого нам Макензена. Он получил самые закаленные войска, снятые с французского фронта. Среди них находились, например, прусская гвардия и баварские дивизии. Помимо этого Макензену была передана в подчинение еще 4-я австрийская армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Таким образом, австро-германцы собрали мощный кулак в 16 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. Непосредственно прорыв осуществляли 10 дивизий; остальные были в резерве. А с русской стороны было всего 5 пехотных дивизий.

Но важнее всего было то, что австро-германцы были обильно снабжены артиллерией до самых крупных калибров, минометами и неограниченным количеством снарядов. У них было сосредоточено на небольшом участке 624 орудия. 168 орудий составляли тяжелую артиллерию. Здесь было 106 гаубиц калибром в 15 сантиметров, 16 гаубиц калибром в 21 сантиметр и даже 12 огромных мортир калибром в 30,5 сантиметра. Сверх того в распоряжении австро-германцев имелось еще 70 мощных минометов, которые выбрасывали мины потрясающей силы.

У Макензена пехоты было вдвое больше, чем у русских, всей артиллерии в 6 раз больше, а тяжелой артиллерии в 40 раз больше. Огонь всей этой артиллерийской массы и был обрушен на русские войска, находившиеся на слабо укрепленных позициях.

В течение нескольких часов немцы выпустили огромное число снарядов. Каждое легкое орудие сделало до 700 выстрелов, а каждое тяжелое орудие — по 250. Что могла противопоставить этой стальной лавине русская артиллерия, когда под угрозой полевого суда командир гаубичной батареи не имел права расходовать более 10 снарядов за целый день. Это был как раз тот период, о котором Янушкевич писал с такой трагичностью: «По два-три раза в день фронты просят патронов, а их нет. Жутко на душе...»

Но даже и при таких условиях Макензену нелегко было одолеть

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 167.

русских. В первый день прорыва «таран» Макензена продвинулся всего на 2—5 километров.

Все же русские войска должны были уступить в конце концов вооруженному до зубов противнику. Энгельс в своей работе «Анти-Дюринг» писал: «Вся организация армии и способа борьбы, а вместе с ними победы и поражения оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий, от свойств людей и оружия...». Эти условия сложились не в пользу русской армии 1915 года. Армия осталась без оружия, армия ощущала острый недостаток в бойцах и опытных командирах, дух армии постепенно падал. Солдаты были совершенно измучены непрерывным отступлением каждую ночь и рытьем окопов каждое утро. Каждый день они вновь и вновь подвергались артиллерийскому обстрелу, на который едва могли отвечать. Потери убитыми и ранеными все увеличивались.

В таких случаях армия либо отступает, либо гибнет. Русская армия отступала, насколько возможно сдерживая неприятеля. В феврале и марте русские войска ведут еще активные операции в Восточной Пруссии и лишь под давлением превосходных сил противника очищают германскую территорию. В то же время мы видим русские войска и в Карпатах. При сильнейших морозах и туманах они ведут на вершинах упорные бои с австро-германцами. В течение двух месяцев, предпринимая непрестанные контрудары, медленно отходит русская армия из Галиции. Летом русская армия оставляет Польшу и Прибалтийские области.

Что же делали в эти тяжелейшие дни союзники царской России? Чем поддержала русского солдата Англия? Какую помощь оказала ему Франция в благодарность хотя бы за собственное спасение накануне Марны?

На это лучше всего ответить словами Ллойд-Джорджа, одного из виднейших деятелей Великобритании того времени. В своих военных мемуарах он пишет: «История предъявит свой счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе. Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы бо́льшую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии».

Союзники ограничились лишь тем, что предприняли в 1915 году на Западном фронте несколько частных и разрозненных наступлений, которые немцы сдержали без особого труда, опираясь на свои сильно укрепленные позиции. Между тем Ллойд-Джордж вполне конкретно указывает на ту реальную помощь, которую англо-французы могли бы оказать в этот момент России: «Пока русские армии, — пишет Ллойд-Джордж, — шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды, как будто это было золото, и с гордостью указывали на огромные запасы снарядов, готовых к отправке на фронт...

Французские генералы со всей гордостью собственников, достигших зенита своего богатства, с увлечением приводили статистические данные о накопленных ими миллионах снарядов... Английские генералы рассматривали производство военного снаряжения с такой точки зрения, как будто речь шла о большом состязании или скачках и было необходимо, чтобы Англия была снабжена одинаково, а если возможно, то и лучше всякого другого участника состязания. Военные руководители Англии и Франции, казалось, не понимали самого важного — что они участвовали совместно с Россией в общем предприятии и что для достижения общей цели необходимо было объединить их ресурсы...»

Итак, русские войска отступали в глубь своей страны. И в этом отступлении была высшая стратегическая цель: не дать врагу уничтожить себя.

Фалькенгайн попытался теперь сделать на Востоке то, что не удалось его предшественнику, Мольтке, на Западе: устроить шлиффеновские «Канны». Германское командование, оттеснив русских на севере, в Прибалтийской области, и на юге, в Галиции, вознамерилось сжать русские войска в «польском мешке». Но русские разгадали этот план противника и спокойно отошли на правый берег Вислы, уклонившись от охватывающего удара.

Генералам кайзера Вильгельма никак не удавалось осуществить идеи Шлиффена даже в столь благоприятной для них обстановке. Русские войска предотвращают охват своего правого фланга со стороны Немана, ускользают от ловушки у Брест-Литовска, всюду «Канны» терпят неудачу.

За это время в русском командовании произошли значительные изменения. Великий князь Николай Николаевич был отставлен от общего руководства русскими армиями и назначен на Кавказ. Верховное командование принял на себя Николай II, надеясь будущими победами поддержать колеблющийся трон. Начальником штаба верховного главнокомандующего стал генерал Алексеев — фактический руководитель военными действиями. И надо отдать справедливость Алексееву, что он сумел примениться к формам германского оперативного маневра, который неизменно выражался в попытках охватить фланги русских при одновременном прорыве на фронте с участием мощной артиллерии.

К осени 1915 г. русские войска отошли от своих границ до болот Полесья, за реку Стоход. Однако все это не приблизило Германию ни на шаг к окончанию войны. «Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу», — писал Клаузевиц о главной цели войны. Но русские армии не были уничтожены. Они сохранили в себе еще достаточно сил, чтобы нанести летом следующего года непоправимый удар австро-венграм. С русским фронтом не было покончено. Грозный призрак долголетней войны становился для империи кайзера страшной действительностью.

Это трагическое положение вполне сознавали и верхи германского командования. Фалькенгайн дважды возбуждал вопрос перед правительством о заключении сепаратного мира с Россией. В июле 1915 г.

имперский канцлер Бетман-Гольвег предпринял в этом направлении некоторые дипломатические шаги. Но русский царизм, находившийся в кабале у англо-французского капитала, не посмел установить мирные отношения с германским народом и отказался от предложений Германии. Так были окончательно разрушены «мосты к Востоку».

Не имея больше сил, чтобы нанести решительный удар русским армиям, германское командование обратилось к операции против Сербии. Фалькенгайн решил смести тонкую прослойку сербской армии, чтобы установить прямой путь из Берлина в Константинополь. И единственным, кто быстро пошел на помощь Сербии, была русская армия, которая, несмотря на все тяжелые испытания, нашла в себе мужество и силу, чтобы своим энергичным наступлением на реке Стрыпе оттянуть сюда австро-германцев.

Глубокой осенью 1915 года на русском фронте наступила распутица и бездорожье. Истощив свои силы и не добившись никаких решительных результатов, немцы, как и русские, начали возводить повсюду укрепленные позиции, рыть окопы и оплетать их колючей проволокой. К концу года позиционная война сковала своей неподвижностью весь фронт от Балтийского моря до границ Румынии.

III. В ПОЗИЦИОННОМ ТУПИКЕ

КОЛЬЦО ФРОНТОВ

Если бы можно было посмотреть с птичьего полета на поверхность Европы 1916 года, то глазам такого наблюдателя представилась бы следующая картина. Черная, извилистая линия охватывала почти весь европейский материк широкой дугой, упираясь своими концами в два северных моря. Она начиналась у северного морского берега Франции, перерезала французскую территорию в направлении на юго-восток и подходила к границе Швейцарии. Исчезая как бы под горными массивами Швейцарских Альп, она вновь появлялась у их южного подножья и, опоясав Апеннинский полуостров по границе Италии с Австро-Венгрией, поворачивала к берегам Адриатического моря. Затем эта темная линия перекидывалась на Балканский полуостров и подходила к Черному морю. Отсюда она шла на север по огромному пространству Западной России и, наконец, обрывалась у берегов Балтики.

На три тысячи километров растянулась эта черная линия, охватывая важнейшие государства Европы. Это был позиционный фронт мировой империалистической войны: пятьсот-восемьсот метров «ничьей земли» и по обе стороны ее — густая сеть проволочных заграждений, позади которых — целый лабиринт окопов, траншей, ходов сообщений с различными подземными убежищами, блиндажами, бетонированными покрытиями.

Эта сплошная цепь укрепленных позиций представляла собой невиданную еще в истории линию своеобразной гигантской крепостной войны, в которой армии Антанты осаждали фронт центральных держав. Борьба велась за каждый десяток метров. Каждый шаг вперед стоил огромных усилий, многих тонн металла и неслыханного количества человеческих жизней.

Линия позиционного фронта делала иногда то в одном, то в другом месте легкий изгиб, то слегка выступала вперед, то вдавалась назад, то разрывалась где-нибудь на коротком участке, чтобы затем тотчас же вновь сомкнуться. А общий ее ход оставался все время почти без изменений. Четыре года армии всех воюющих государств делали отчаянные попытки преодолеть неподвижность войны, разорвать железные оковы позиционного стояния и выйти на маневренный простор решающих сражений. Но все попытки были тщетны.

Отчего же возникла неподвижная, позиционная война, которая так безжалостно разрушила все эффектные замыслы и планы полко-

водцев и заставила сдать в архив истории развевающиеся знамена, барабанную дробь и красивые построения атакующей пехоты?

Причин этому было много.

Империалистический характер войны 1914—1918 годов наложил на способы ее ведения глубочайший отпечаток. Речь шла не о переделе какой-либо одной страны, а о переделе всего мира. Когда стоял вопрос о мировом могуществе целых групп государств, о господстве на морских и океанских путях, когда шла ожесточенная борьба за право распоряжаться в богатейших колониях Азии и Африки, за огромные источники сырья и рынки сбыта, когда армии воевали не за Францию или Германию, а за мировое монополистическое соперничество английских банков Сити с «Немецким банком» или французского металлургического концерна с германским концерном Стиннеса, — тогда, естественно, к столкновению были вызваны такие колоссальные силы, которые нельзя было ни сломить, ни уничтожить в короткое время, и тем более одним ударом. В таких условиях борьба между противниками шла не на жизнь, а на смерть, с огромным напряжением всех сил экономики, промышленности, технических средств и людских масс. Война неизбежно становилась длительной, упорной, вплоть до окончательного истощения и разгрома противной стороны.

Наличие у воюющих стран миллионных армий также стало одной из причин позиционной войны. Никогда поля сражений не видели такого огромного количества войск, какое появилось с первых же дней мировой войны. Когда 24 июня 1812 года Наполеон стоял на берегу Немана, готовясь к вторжению в великую русскую землю, его армия, состоявшая из войск чуть ли не всех европейских государств, насчитывала всего 400 тысяч человек. А Россия могла противопоставить этому нашествию армию только в 150 тысяч человек. Во время франко-прусской войны 1870—1871 годов немцы сосредоточили на границе Франции 484 тысячи солдат и полторы тысячи орудий; а французы выставили 262 тысячи солдат и около тысячи орудий. Для ведения войны 1904—1905 годов в Манчжурии Япония призвала под ружье 1 185 тысяч человек. Россия же сумела сосредоточить на Дальнем Востоке миллионную армию.

Но вот грянула мировая империалистическая война 1914—1918 годов, и в движение пришли огромные вооруженные массы. Перед своим наступлением на Париж немцы развернули на границе Франции 7 армий численностью около 1 600 тысяч человек и более пяти тысяч орудий. Общие силы французов, англичан и бельгийцев достигали в то время полутора миллионов человек и почти четырех с половиной тысяч орудий. Два с половиной миллиона русских солдат гигантской лавиной двинулись по пыльным дорогам царской России. С каждым месяцем войны количество войск все увеличивалось. В России за время войны было мобилизовано 19 миллионов человек, в Англии — почти 10 миллионов, во Франции — около восьми. Государства, участвовавшие на стороне Германии, послали на войну более 22 миллионов человек.

Войскам становилось «тесно» на поле битвы. Они все больше растягивались по фронту, обнимая сплошным боевым порядком

огромные пространства. Армии XIX столетия развертывались для решительного сражения по фронту не более двух десятков километров и заканчивали бой в течение одного дня. На заре XX столетия, в русско-японскую войну, некоторые операции происходили на протяжении уже более ста километров, и знаменитое Мукденское сражение длилось 21 день. А при первом столкновении французов с германцами во время мировой войны в Эльзас-Лотарингии фронт сражения достигал уже 175 километров. Битва на Марне происходила на протяжении 260 километров. И наконец, 33-дневная Галицийская битва развернулась на фронте в 320 километров.

Излюбленным оперативным маневром в начале мировой войны был обход противника с фланга или охват его с двух сторон. В поисках флангов противника полководцы мировой войны вынуждены были еще больше растягивать фронт своих армий. И миллионные вооруженные массы позволяли им устанавливать сплошную цепь полков и дивизий на многие сотни километров. Так было, например, во время известного «бега к морю» на западно-европейском театре войны, пока, наконец, войска обоих противников не уперлись в естественную водную преграду и на протяжении 700 километров, до самых Швейцарских гор, не установился один сплошной фронт. То же случилось, но несколько позже, и на русском театре войны, когда войска заняли все пространство от Балтийского моря до границ Румынии, а впоследствии от моря и до моря.

Флангов больше не стало. Классическая тактика обходов и охватов должна была уступить свое место фронтальному удару, удару в лоб противнику. Но чтобы нанести прямой массовый удар и прорвать неприятельский фронт, необходимо иметь в месте прорыва решающее превосходство сил. А такого превосходства не сумела создать ни одна из воюющих сторон. И это бессилие породило неподвижность войны и устойчивость линий фронта.

Новейшая боевая техника увеличила те трудности, которые связаны с нанесением фронтального удара неприятелю. В магазинном оружии и скорострельной легкой артиллерии оборона получила надежную помощь. В начале мировой войны пехота была вооружена винтовками, из которых можно было легко делать до 5—6 прицельных выстрелов в минуту. Но магазинная винтовка была далеко не самым мощным огнестрельным оружием. На атакующего обрушивалась стальная лавина снарядов. Легкие скорострельные пушки наносили страшное поражение наступающему противнику, который должен волей-неволей двигаться по открытому месту. Например, русская 76-миллиметровая пушка могла посылать по одному снаряду через каждые три-четыре секунды. Одна батарея таких пушек давала возможность в несколько минут буквально уничтожить неосторожно открывшийся батальон пехоты или даже целый полк кавалерии. Недаром русскую 76-миллиметровую пушку прозвали во время мировой войны «косой смерти». Такой же огромной силой огня обладала и французская 75-миллиметровая скорострельная пушка. Атакующего хлестал также нещадно огонь пулеметов, которые во время мировой войны делали более 500 выстрелов в минуту. Пулемет был истинным властелином той «ничьей земли», которую надо было пройти, чтобы

достичь неприятельских позиций. Его смертоносный огонь немедленно уничтожал каждого незащищенного бойца. Наконец, атакующего встречала железная стена колючей проволоки, которая еще больше увеличивала сопротивление обороны и надежно укрывала ее от внезапного нападения. Перед этим грозным валом огня и стали человек чувствовал себя бессильным и беспомощным. Ему оставалось единственное прибежище — земля. Сперва он приникал к земле, затем отрывал небольшой одиночный окоп и, наконец, рыл в земле глубокие траншеи с убежищами, оплетал их колючей проволокой, переходя также к позиционному выжиданию и неподвижности. Так возросшая мощь боевой техники способствовала установлению позиционной войны.

Был в истории мировой войны такой момент, когда давление суровой необходимости заставило обе стороны перейти к позиционной войне. После крупных сражений маневренного периода армии обеих сторон почувствовали себя обессиленными. Операция в Восточной Пруссии, сражение на Марне, Галицийская битва стоили огромных человеческих жертв. Запасы боевых средств иссякли. Пожалуй, без особого преувеличения можно сказать, что на рубеже 1914 и 1915 годов ружья и пушки сами собой перестали стрелять — нехватило патронов и снарядов.

А судьба войны не была еще решена. До конечных результатов было еще далеко. Невольно произошла пауза. Обе стороны вынуждены были постепенно переходить к обороне, чтобы воспользоваться перерывом в активных действиях для накопления новых сил и боевых запасов. Приходилось перестраивать для нужд войны весь государственный механизм и мобилизовать все народное хозяйство. Война неизбежно должна была затянуться на несколько лет и принять характер длительной и упорной борьбы, совсем не похожей на вооруженные столкновения прошлых веков. Война превращалась в гигантское соревнование материальных средств враждующих сторон.

Изменилась и основная движущая сила войны — люди. Основной костяк старых кадровых армий был истреблен. На полях сражений появился боец, у которого человеческие чувства не были подавлены длительной казарменной муштрой и непререкаемым авторитетом фельдфебеля,—в том числе и чувство протеста против бессмысленного убийства. И это обстоятельство наложило глубочайший отпечаток не только на дальнейшие способы ведения войны, но и на ее судьбы.

Позиционная «передышка» давала в руки союзникам неоспоримое преимущество — выигрыш времени. Время, которое Шлиффен считал одним из наиболее опасных противников Германии, было на стороне союзников. Они получили возможность накопить огнестрельные припасы, снабдить войска большим количеством новых орудий, пулеметов, винтовок, поставить в широких масштабах производство авиационных, автомобильных и железнодорожных средств. Германия сумела вначале лучше, чем другие страны, снабдить свою армию тяжелой артиллерией и разнообразными видами боевой техники. В первых боях техническое превосходство германских войск было весьма ощутимым. Но время, которое выиграла Антанта при переходе к обороне, перетянуло чашу весов в другую сторону. Уже к концу 1915 года

в снабжении армий техническими средствами борьбы и особенно снарядами тяжелой артиллерии Антанта сравнялась с Германией, а в дальнейшем даже стала превосходить ее. Этот новый фактор времени сыграл решающую роль в исходе мировой войны.

Таким образом, позиционная война не явилась результатом какого-то сознательного стратегического замысла, рожденного в тиши штабного кабинета. Она возникла закономерно — в силу целого ряда причин и исторических условий, которые так кратко и ясно сформулировал крупнейший полководец и теоретик военного искусства М. В. Фрунзе: «Позиционность создалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в виде ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика, с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линий фронта».

Первые провозвестники позиционной войны появились еще задолго до кровавых событий 1914—1918 годов. На рубеже XX столетия английский империализм протянул свою руку к золотым и алмазным россыпям Южной Африки; в результате возникла Англо-бурская война. Силы буров были очень незначительны. Они не могли вести широких наступательных операций против англичан и поэтому вынуждены были перейти к оборонительным действиям. Но буры были превосходными стрелками. И это свое превосходство в огнестрельном бою защитники Трансвааля широко использовали. Они занимали сравнительно широкие боевые фронты и прятались в узких и глубоких окопах, отбивая метким ружейным огнем атаки англичан.

Еще более широкое применение получили укрепленные позиции в русско-японскую войну. Многодневные сражения в Манчжурии часто истощали обе стороны. Поэтому приходилось прибегать к позиционной борьбе, чтобы выждать время, необходимое для сосредоточения новых сил. Такому образу действий способствовала и сила огнестрельного огня, при которой уже трудно было наносить противнику фронтальный удар. Ведь тогда уже появились скорострельные пушки, магазинное ружье и пулеметы. И мы видим периодически возникающие укрепленные позиции на реке Шахэ, у Порт-Артура, под Мукденом. Здесь уже были окопы с брустверами и блиндажами, проволочные заграждения и другие искусственные препятствия. Русские войска даже устраивали иногда несколько линий окопов с ходами сообщений между ними.

Но в мировую империалистическую войну позиционные укрепления приняли грандиозные масштабы, как и все грандиозно было в этой войне — количество участвующих в ней государств, миллионные армии, колоссальные материальные средства.

ПОПЫТКИ ПРОРЫВА

Прошло несколько месяцев позиционного топтания на месте, и перед буржуазным военным искусством встал зловещий вопрос: что же дальше?

Выдающийся военный мыслитель Клаузевиц писал: «...Оборона легче, чем наступление, но... оборона преследует негативную цель, у д е р ж а н и е, а наступление — цель позитивную, з а в о е в а н и е...

Раз оборона — более сильная форма ведения войны, но преследующая негативную цель, то из этого следует само собой, что ею должно пользоваться лишь в течение того промежутка времени, пока в ней нуждаются вследствие своей слабости, и от нее надо отказаться, раз только налицо будет достаточная сила, чтобы поставить себе позитивную цель...» [1].

Сама логика вооруженной борьбы подсказывала полководцам 1914—1918 годов, что бесконечное позиционное стояние не может решить исход войны, что для этого надо перейти к активным действиям и нанести чувствительный удар неприятелю. А для этого необходимо было решительным прямым ударом прорвать фронт противника, зайти ему в тыл и здесь уже смелым маневром нанести ему серьезное поражение. Если при установлении позиционного фронта не стало больше флангов, то их надо было создавать искусственно, пробивая брешь в стене огня, земли и бетона неприятельской укрепленной полосы.

В продолжение нескольких лет бессильно билась буржуазная военная мысль, зажатая в тисках позиционной войны. Генеральные штабы придумали не мало эффектных вариантов быстрого и смелого сокрушения противника в маневренных операциях, но они ничего не оставили на тот случай, если возникнет позиционная борьба. Они к ней не готовились. Больше того — они ее боялись. И вот теперь пришлось изыскивать способы ее преодоления и возврата к подвижной маневренной войне.

Первой крупной попыткой прорвать неприятельский фронт была операция англо-французов в Шампани и Артуа осенью 1915 года. Французы атаковали немецкие позиции в Шампани на участке шириной в 25 километров. В течение семи дней длилась артиллерийская подготовка. Две тысячи с лишним орудий выбросили на германские позиции более полутора миллионов снарядов. Затем, 25 сентября, французская пехота хлынула густыми волнами на штурм и сразу взяла первую полосу германских позиций, углубившись на 2—3 километра. Но затем цепи атакующих натолкнулись на вторую полосу германских позиций. Эти позиции были устроены или на обратных скатах возвышенностей или же в лесистых местах. Поэтому они явились для атакующих французов полной неожиданностью и не были разрушены огнем французской артиллерии. Все попытки прорвать эту укрепленную полосу живой силой потерпели кровавую неудачу. Лавина пехоты не смогла пробить себе выход из пространства, запертого неразрушенными оборонительными сооружениями. 150 тысяч французов полегло на поле битвы. Примерно такая же картина была и на участке английской атаки в Артуа.

Такой дорогой ценой пришлось заплатить за намерение вести борьбу старыми методами и протаранить позиционный фронт людской массой. Накануне сражения в Шампани французское главное командование издало приказ, в котором говорилось: «Французская пехота

[1] К л а у з е в и ц, О войне, т. II, стр. 7.

пойдет в атаку с музыкой и развернутыми знаменами». После этого сражения в боевых приказах о музыке и развернутых знаменах больше не упоминалось. Начались долгие и мучительные поиски новых способов наступления и новых технических средств, которые помогли бы прогрызть неподвижную стену позиционного фронта.

Противники попробовали заменить смертоносную сталь коварными частицами отравляющих газов, которые всюду проникают и поражают все живое. В этом пытались найти ключ, которым можно было бы отпереть цепь окопов и выйти в открытое поле. Еще в октябре 1914 года германцы обстреляли участок Нев-Шапель на французском фронте шрапнельными снарядами, которые были начинены вместе с пулями слезоточивыми и чихательными газами. Было выпущено около трех тысяч таких снарядов. Однако действие этой газовой атаки оказалось настолько слабым, что никто на нее не обратил внимания, и самый факт стал известен лишь по окончании войны, когда немцы опубликовали материалы о нем. Спустя несколько месяцев немцы сделали вторую попытку применить отравляющие вещества в боевой обстановке. В январе 1915 года, во время частного наступления в Польше, германцы попробовали применить снаряды, начиненные более усовершенствованными слезоточивыми газами. Однако и этот опыт не удался: сильный мороз уничтожил вредное действие газа.

«Химическая война» родилась 22 апреля 1915 года. В этот день под небольшим городком Ипр во Фландрии новое оружие получило первое настоящее боевое крещение. Сюда со строжайшими предосторожностями немцы привезли многочисленные баллоны и расставили их на фронте в шесть километров. В баллонах находился удушливый газ — хлор. 180 тысяч килограммов хлора потребовалось для наполнения всех баллонов, предназначенных для атаки. Дождавшись благоприятного ветра, дувшего в сторону позиций англо-французов, немцы открыли на рассвете 22 апреля интенсивный артиллерийский огонь по селениям, расположенным в ближайшем тылу противника. Снаряды эти содержали отравляющие вещества. Затем в 5 часов утра специально приставленные германские офицеры повернули краны у газовых баллонов, а сами надели предохранительные маски или, как их тогда называли, респираторы. Такими же респираторами были снабжены и все германские войска, находившиеся в районе атаки. Из баллонов медленно стал ползти по полю зеленовато-желтый туман, который растворялся потом в синевато-белое облако. Выход газовой волны продолжался пять минут.

Союзники, не ждавшие такого нападения, были совершенно беззащитны против нового оружия. 15 тысяч человек было отравлено газом; 5 тысяч из них умерло. Английские и французские полки, стоявшие в этом месте, поспешно отступили. Участок шириной около 10 километров оказался совершенно свободным.

Но германцы не сумели использовать первоначальный успех. У них не было собрано достаточно сил, чтобы влить их в образовавшуюся брешь и расширить ее до размеров оперативного значения. Первая в истории газовая атака оказалась недостаточно подготовленной. Подоспевшие подкрепления англо-французов быстро замкнули образовавшийся было выход в открытое поле. Спустя двое суток

участок фронта под Ипром вновь принял неподвижный и устойчивый характер. Черная линия позиционного фронта сделала едва заметный изгиб и снова замерла на долгое время.

Германское командование безвозвратно потеряло при этом огромный шанс на решительный успех — элемент внезапности. В химических лабораториях стран Антанты лихорадочно заработали сотни специалистов. Появились сначала примитивные респираторы, затем более усовершенствованные газовые маски. Началась борьба газа с противогазом. А в сентябре 1915 года в сражении у Лоос англичане выпустили на германские позиции удушливые газы. Около 150 тонн отравляющих веществ содержалось в пяти тысячах газобаллонов, расставленных англичанами вдоль атакуемого участка. В этом же сражении англичане применили первую дымовую завесу, под прикрытием которой пехота должна была атаковать германские окопы. Но и эта химическая атака англичан не дала решительных результатов.

С тех пор удушливые газы и химические снаряды стали применяться обоими противниками постепенно во всех сражениях. Ни одна более или менее крупная попытка наступления, прорыва неприятельского фронта не проходила без газовой атаки. Химическое оружие прочно вошло в арсенал современной войны. Однако оно не дало выхода из позиционного тупика и не могло решить исхода войны, как мечтали об этом военные специалисты, готовя в строжайшем секрете первые килограммы смертоносных веществ.

Наполеону приписывают следующую фразу: «Артиллерия — это молот, кующий судьбу народов». Выражение «судьбу народов» Наполеон употребил, конечно, для большего эффекта, но судьбы многих сражений, безусловно, ковались артиллерийским молотом. И никогда еще этот молот не был таким тяжелым и мощным, как в мировую войну; никогда его удары не потрясали так сильно прочнейшие укрепления и сердца людей, как в мировую войну.

Роль артиллерии росла с каждым месяцем войны. Количество орудий в сражениях непрерывно увеличивалось. Особенно велика стала роль артиллерии с развитием позиционной борьбы. Ни один шаг вперед не был возможен без основательной артиллерийской подготовки. В некоторых боях выпускалось за один день снарядов больше, чем их было израсходовано за всю русско-японскую войну. Артиллерия была тем основным тараном, с помощью которого обе стороны долбили непроходимую стену заграждений и окопов. Теперь огромные массы артиллерии сосредоточивались на небольших участках прорыва. Если в маневренный период на каждый километр фронта атаки обычно приходилось не более пяти-десяти орудий, то уже в Шампани их было 50, а спустя два года на тот же километр орудий приходилось в три раза больше. Иногда скопление артиллерии было настолько велико, что одно орудие отстояло от другого всего на несколько метров. А плотность артиллерийского огня высчитывалась по количеству тонн металла, приходившихся на каждый метр фронта.

В больших сражениях позиционного периода над всем властвовал оглушающий грохот мощных мортир и дальнобойных пушек. Тяжелая артиллерия переживала в эти годы подлинный триумф своего

развития. В позиционный период артиллерии пришлось вступить в ожесточенную борьбу с полевой фортификацией. Надо было разрушать земляные укрепления, пробивать прочные бетонированные убежища и бронированные башни, рвать проволочные заграждения, громить каменные постройки и различные укрытия в глубоком тылу противника. Все это можно было делать только с помощью тяжелых орудий, стреляющих мощными снарядами большой разрывной силы. На полях сражений с каждым месяцем появляется все больше и больше тяжелых гаубиц, мортир осадного типа, дальнобойных пушек. За время войны тяжелая артиллерия во Франции выросла почти в двадцать раз. Тяжелых орудий стало даже больше, чем легких. В начале 1917 года в русской армии было уже почти полторы тысячи тяжелых орудий.

Развитие артиллерии шло, однако, не только по пути увеличения калибров. Наряду с орудиями-гигантами заводы выпускали большое количество и «карликовых» пушек.

Траншейная война породила и так называемую траншейную артиллерию. Уже во время русско-японской войны войска сами начали делать короткие доморощенные орудия, которые посылали снаряды по крутой траектории. Орудия эти стреляли на очень близкое расстояние, но снаряды их обладали большой разрывной силой. Таким образом, они оказались весьма удобными для обстрела неприятельских полевых укреплений в условиях ближнего боя. Это были первые минометы и бомбометы. В мировую войну стрельба бомбометов была настоящей грозой для окопов противника. Крупные и легкие минометы насчитывались тысячами в воюющих армиях.

С каждым днем войны перед артиллерией ставились все более и более разнообразные и сложные задачи. Даже отравляющие вещества стали засылаться на территорию противника с помощью артиллерии; после соответствующих усовершенствований обстрел химическими снарядами оказался куда более действенным, чем простая газобаллонная атака. Многие сражения мировой войны можно назвать в то же время и «артиллерийскими сражениями». Артиллерия расчищала дорогу своей пехоте и артиллерия же преграждала путь наступающему противнику.

Такими «артиллерийскими сражениями» были крупнейшие операции 1916 года, вошедшие в историю под названиями: «Верден», «Брусиловский прорыв», «Сомма».

«ВЕРДЕНСКАЯ МЯСОРУБКА»

В Северо-восточной части Франции, недалеко от германской границы расположен город-крепость Верден. Его многочисленные укрепления раскинулись вокруг основной цитадели среди лесистых долин и высоких холмов. Река Маас омывает эту крепость наподобие средневекового рва и делит весь укрепленный район на две части: одна — на левом берегу, другая — на правом. Сюда в начале 1916 года и было приковано внимание германского верховного командования.

Германскому командованию стало совершенно очевидным, что затягивание войны ведет Германию к неизбежной катастрофе. Внутри страны уже глухо бродило недовольство.

Тяготы войны, лишения, вызванные блокадой, ложились на плечи германского народа. Среди германских рабочих с каждым днем пользовались все более широкой популярностью лозунги, осуждавшие империалистическую войну. Германское правительство понимало, что надо спешить.

Но где нанести Антанте чувствительный удар? Истекший год показал, что на Востоке нельзя найти решения войны: на стороне России всегда оставалось преимущество пространства и времени. Если бы германские войска рискнули оторваться от своей густой сети железных дорог и углубиться в дебри огромных пространств русской земли, то история могла бы повторить знаменательный 1709 год, когда солдаты Петра I разгромили лучшую армию Европы — шведскую, или же 1812 год, закончившийся жестоким разгромом «непобедимой» наполеоновской армии. К тому же кризис снабжения русских войск постепенно проходил, и боеспособность России сильно возрастала. Германия была вынуждена вновь повернуться на Запад. Для осуществления общей операции на всем фронте у Германии уже не было сил. Начальник штаба верховного главнокомандующего Фалькенгайн решает осуществить такое наступление, которое наносило бы удар в одно из наиболее чувствительных мест французов. При этом германское командование надеялось поразить и самого опасного для себя противника — Англию, выбив из ее рук французский меч.

Таким местом, где Фалькенгайн намеревался прорвать неприятельский фронт, был Верден. Верденский укрепленный район вдавался клином в линию германского фронта и был серьезной угрозой для путей сообщения немцев; он был также удобным плацдармом, откуда французская армия могла развивать наступательные операции. В свою очередь, германцы в случае успешной атаки могли бы перерезать важнейшие рельсовые пути вдоль неприятельского фронта и сорвать этим быструю переброску французских войск на правый фланг их армий.

Стены Вердена были овеяны романтикой давно прошедших исторических событий. Здесь в 843 году внуки Карла Великого делили между собой обширную империю франков. Спустя восемь веков, по окончании Тридцатилетней войны, Верден отошел к Франции. Знаменитый инженер Вобан оградил его сильными укреплениями, которые в 1870 году с большим упорством осаждались германскими войсками.

В последующие годы вокруг крепости был создан широкий пояс отдельных фортов. Появились бетонированные убежища и бронированные батареи. Затем были внесены новые усовершенствования. Своды сооружений были усилены железобетоном; выросли бронированные башни; позади линии обороны были вырыты подземные убежища и склады боеприпасов... Вплоть до самой мировой войны фортификационные сооружения Вердена непрерывно совершенствовались и дополнялись новыми укреплениями. Однако в конце 1915 года, по декрету французского правительства, форты Вердена были в значительной степени разоружены. Это объясняется тем, что после быстрого падения нескольких крепостей в начале войны в военных кругах начали делать слишком поспешные выводы о ненужности долговременных укреплений. К началу 1916 года Верден был лишен боль-

шей части своих боевых средств. Его тяжелая артиллерия была предоставлена в распоряжение полевых армий. Крепость Верден превращалась в «укрепленный район Вердена». Главная тяжесть обороны переносилась теперь с долговременных укреплений на оборонительные сооружения полевого типа. Полевые позиции были вынесены далеко вперед от крепости и ее фортов. Новая система обороны должна была состоять из нескольких полос, отстоящих на расстоянии трех километров одна от другой. Эта система уже с успехом применялась русскими в 1915 году под Двинском.

Первая оборонительная полоса Вердена проходила большей частью по местности, покрытой лесами. Вторая и третья полосы были расположены на высотах и их отрогах. Позиции имели хорошо оборудованные окопы, проволочные заграждения, иногда из проволоки толщиной в палец, прочные оборонительные сооружения-редюиты, бетонированные укрытия. Многочисленные селения, входившие во вторую и третью полосы, имели хорошие каменные постройки, которые были превращены в надежные опорные пункты. Все это делало позиции французов достаточно сильными. Однако к началу наступления германцев полностью была закончена только первая полоса новых позиций. Остальное достраивалось уже в самый разгар боев за Верден.

В общем «укрепленный район Вердена» представлял собой весьма грозный оборонительный организм. Он служил важнейшей опорой французского фронта. Падение такой крепости произвело бы на Францию удручающее впечатление.

Антанта также имела свои планы на 1916 год. Истекший период мировой войны показал основной недостаток в ведении операций — отсутствие согласованности в военных действиях и преследование каждым государством своих частных интересов. Эта разрозненность усилий различных держав позволяла германцам использовать свои резервы для нанесения ударов то на одном, то на другом фронте. Поэтому в конце 1915 года генерал Жоффр, получивший верховное командование всеми французскими армиями, настойчиво добивается хотя бы некоторого объединения в дальнейших действиях со своими союзниками. 6 декабря 1915 года в тихий городок Шантильи, находящийся недалеко от Парижа, прибыли представители от союзных армий и государств. Здесь, в главной квартире французского командования, состоялась конференция, на которой Жоффр от имени Франции предложил выработать единый оперативный план на предстоящий год. Было решено начать летом 1916 года общее наступление войск Антанты на западно-европейском и восточном театрах. При этом действия на разных фронтах должны быть так согласованы между собой, чтобы одно наступление поддерживало бы другое и лишало бы австро-германцев возможности сосредоточивать главные силы в каком-либо одном месте. Но более конкретного плана военных действий выработано не было. Согласованность ограничилась одними пожеланиями.

Итак, обе стороны возлагали большие надежды на 1916 год, готовились к крупным операциям и одинаково мечтали о выходе из позиционного тупика и победоносном окончании войны.

Немцы начали готовиться к наступлению на Верден в обстановке величайшей скрытности. Штурмовать Верден должна была ударная группа 5-й немецкой армии, которой командовал германский кронпринц. Начиная с января с различных участков германского фронта постепенно снимались дивизии, назначенные в ударную группу. Они незаметно отводились в тыл и размещались в особых лагерях, где подвергались обучению и дополнительному комплектованию. Чтобы оградить себя от иностранных шпионов, немцы закрыли голландскую и швейцарскую границы. Ни один человек не мог выехать из Германии в нейтральные страны. Артиллерия подвозилась немцами к Вердену исключительно по ночам. Был издан специальный приказ: не отвечать на огонь французской артиллерии, чтобы не раскрывать своего расположения. Все подготовительные работы тщательно маскировались. Так, например, в некоторых местах немцы прикрыли вновь построенные железнодорожные станции проволочными сетями, растянутыми в воздухе. На сети были уложены ветки и дерн. Поэтому французские летчики не могли заметить сверху вагоны с боеприпасами и платформы, на которых покоились под брезентовыми полотнищами мощные мортиры и пушки. На многих участках ближайшего германского тыла были расставлены огромные экраны из тростникового плетня. Эти экраны затрудняли французским наблюдателям на привязных аэростатах следить за передвижением германских войск. Леса вокруг Вердена помогали немцам скрывать подготовительные работы и сосредоточение дивизий. Немецкая разведка организовала, помимо всего, целую компанию ложных слухов, которые должны были отвлечь внимание французского командования от Вердена. С этой целью германский кронпринц даже выезжал далеко в Верхний Эльзас в город Мюльхаузен, чтобы производить там смотр войск, предназначавшихся якобы для наступления в том районе.

Однако кое-что французы все-таки узнали. Несмотря на крепкий засов, которым Германия заперла себя от нейтральных стран, французские разведчики донесли о передвижениях германских корпусов в район Вердена. У пленных немецких солдат были найдены письма, в которых они сообщали своим родным о скором наступлении 5-й армии кронпринца, о том, что кайзер Вильгельм примет торжественный парад на месте сражения у Вердена, и о том, что скоро наступит мир...

Но сведения эти были настолько противоречивы и отрывисты, что французское главное командование не подозревало о том грандиозном масштабе, какой должны были принять бои за Верден. Можно было предполагать, что немцы могут развернуть операцию и западнее Вердена — в Шампани, и юго-восточнее его — в Лотарингии. Поэтому французы укрепляли оборону Вердена недостаточно сильно, считая, что здесь немцы готовят лишь атаку местного значения.

Между тем немцы закончили в основном свои подготовительные работы. Позади первой линии окопов появились глубокие убежища-укрытия для атакующих эшелонов. Были устроены специальные площадки для тяжелых орудий. Новые дороги и узкоколейные пути перерезали в различных направлениях местность, расположенную в ближайшем тылу германцев. Была протянута сложная паутина теле-

фонных и телеграфных проводов. Три ударных германских корпуса были готовы атаковать французов на узком участке прорыва в 15 километров. Один корпус наносил вспомогательный удар, и еще один корпус должен был оставаться на своих позициях, сковывая находящиеся против него французские части. Немцы имели подавляющее численное превосходство. Но главные надежды они возлагали на свою артиллерийскую подготовку. Для атаки Вердена они собрали небывалое по тем временам количество артиллерии. 1 225 германских орудий различных калибров ждали того момента, когда будет дан сигнал: открыть огонь! Среди них было более 600 тяжелых орудий и 27 большой мощности — калибром в 38 и 42 сантиметра. Эту огромную артиллерийскую массу усиливали еще и минометы: 152 тяжелых, средних и легких миномета были расставлены в передовых германских окопах.

Германцы решили атаковать сначала французские позиции, находившиеся на правом берегу Мааса. Атака была назначена на 12 февраля. К этому дню германский кронпринц объявил приказ по своей армии. «Мы должны доказать врагу, что немецкая армия там, где она ведет наступление, преодолевает все препятствия», — писал кронпринц. Но всю ночь с 11 на 12 февраля шел дождь. Когда на рассвете следующего дня он наконец прекратился, размякшая земля окуталась густым туманом. В такой обстановке никакое артиллерийское наблюдение не было возможно. Наступление было отложено на сутки. В страшном напряжении и неведении о дальнейшем находились германские части, приготовленные для атаки. В тесноте переполненных убежищ сидели на корточках или стояли немецкие солдаты. Они ждали так весь долгий день и еще более долгую ночь. С потолка капала однотонно вода, а снизу поднималась грунтовая жидкая масса. Многие убежища вскоре были затоплены. В следующие дни погода стала еще хуже. Проливные дожди сменились снежными бурями. Все небо затянуло серой беспросветной пеленой. Германское командование вынуждено было отложить наступление на более длительный срок. В шифрованных приказах говорилось: «Скандал откладывается...»

Благоприятный момент для атаки был упущен. Германское командование раскрыло свои карты. Французы получили время, чтобы еще более усилить свою оборону. Если 12 февраля на всем участке Верденского фронта от Орна до Бетинкура находилась лишь одна французская пехотная дивизия, то к 20 февраля их было уже восемь на фронте и три в резерве. Французам удалось также подвезти и некоторое количество артиллерии.

Наконец, с утра 21 февраля небо стало совсем чистым, светило яркое солнце. Стояла настоящая «артиллерийская погода». В 8 часов 10 минут неслыханный рев и грохот потряс все окрестности Вердена на многие километры вокруг. Это по приказу германского кронпринца немецкие орудия открыли одновременно ураганный огонь. Крупнейшее сражение мировой войны началось.

По окопам первой французской линии стреляли полевые германские батареи и часть 21-сантиметровых мортир. Вторую линию окопов бомбардировали преимущественно тяжелые гаубицы. А более отдаленные пункты, которые могли быть центрами сопротивления

французов, обстреливались орудиями большой мощности. Огромные мортиры калибром в 30,5 и 42 сантиметра, тяжелые дальнобойные пушки забрасывали своими бомбами и снарядами селения, ближайшие форты и различные укрепления Вердена. Германские батареи, выделенные для борьбы с французской артиллерией, вели стрельбу химическими снарядами. Это нейтрализовало огонь многих французских орудий. Каждый германский корпус имел свой авиационный отряд, который наблюдал за результатами бомбардировки и корректировал стрельбу немецких батарей. Стрельбой по очень удаленным целям руководили с привязных аэростатов. 14 огромных «колбас» висело в воздухе над ближайшим тылом германцев. Наконец, эскадрильи германских самолетов сбросили бомбы на целый ряд французских железнодорожных станций.

Артиллерийскую подготовку германцы вели на фронте в 40 километров. Поэтому трудно было предугадать, где именно они наметили место прорыва. После полудня открыли огонь германские минометы. Они вызвали огромные разрушения на передовых позициях французов. Густые облака дыма и пыли застлали все непроницаемой пеленой.

Артиллерийская подготовка продолжалась недолго — всего девять часов. В 17 часов германская артиллерия перенесла огонь в глубину, и немецкая пехота пошла в атаку. Впереди главных масс пехоты шли сильные патрули человек по 50. Они должны были удостовериться, что французские окопы полностью разрушены. За ними следовали серые цепи германских солдат. В первой линии наступающих волн шли в большом числе гренадеры с ручными гранатами. Их сопровождали саперы, которые должны были резать уцелевшие проволочные заграждения. Затем шли специальные команды. Они несли большие металлические баллоны, из которых вырывались струи горящей жидкости длиной в несколько десятков метров... Это было новое оружие войны — огнеметы.

К концу первого дня атаки немецкая пехота достигла передовой линии французских окопов и здесь остановилась. На 22 февраля было назначено общее наступление германских войск. Были отменены всякие ограничения в наступлении; части получили приказ продвигаться как можно дальше. Ночью германская артиллерия продолжала свое непрерывное «трамбование». Два миллиона снарядов упало на французские позиции...

Казалось, что артиллерийская подготовка уничтожила все препятствия. Многие селения были совершенно разрушены, на месте лесов осталось лишь хаотическое нагромождение стволов и ветвей, окопы были совершенно развороченны, а во многих местах буквально сравнены с землей. Казалось, ничто не может препятствовать германской пехоте свободно итти вперед. Но словно из-под земли вырастали небольшие группы французских стрелков, они укрывались в снарядных воронках, в полуразрушенных подземных убежищах, среди развалин полевых укреплений.

Особенно большую роль сыграли в боях за Верден воронки от снарядов. Снаряды почти никогда не попадают дважды в одно и то же место. Уже одно это соображение заставляет бойца искать в во-

ронках убежища и дает ему чувство относительной безопасности. Воронки быстро превращались в «узелки» сопротивления. В них прятались группы пехотинцев по 8—10 человек; иногда здесь же был и пулемет. Атакующего внезапно встречал интенсивный огонь, направленный из множества подобных импровизированных точек обороны. Используя воронки, пехотинцы быстро создавали во время самого боя простейшие стрелковые окопы, которые часто останавливали неприятеля значительно успешнее, чем маленькие полевые форты-редюиты.

Однако, несмотря на все попытки защищать свои передовые позиции, французы должны были все же уступить противнику. После четырехдневных упорных боев они оставили две первые полосы своей обороны.

Французское главное командование принимает спешные меры к защите Вердена. Уже к 24 февраля в район боев прибывает 20-й французский корпус и развертывается на высотах одного из важнейших фортов — Дуомона. Одновременно с этим еще четыре корпуса были направлены к Вердену с северного участка фронта. Из всех частей, предназначенных для защиты Вердена, организуется 2-я французская армия под командованием генерала Петэна, с подчинением его непосредственно главнокомандующему Жоффру.

Прежде всего Петэн установил так называемую единую «позицию сопротивления». Были точно указаны те пункты, которые необходимо было защищать всеми имевшимися средствами. Эта мера имела большое моральное значение. Каждый командир и каждый солдат знал теперь тот рубеж, который он должен был отстаивать до последнего патрона, до последней капли крови.

«СВЯЩЕННЫЙ ПУТЬ»

Французы любят говорить, что Верден был спасен автомобилем. И в этом есть большая доля правды. К Вердену из тыла подходили всего четыре пути: два железнодорожных, одна узкоколейка и шоссейная дорога. Один железнодорожный путь был непригоден для пользования, так как проходил через городок Сен-Миель, находившийся в руках германцев. По другому пути можно было перевозить лишь часть инженерного имущества, потому что он подвергался на одном участке обстрелу немецких батарей. Узкоколейка могла пропускать главным образом лишь транспорты с продовольствием. Для перевозок основной массы войск оставалась только шоссейная дорога, которая вела к Вердену из крупного тылового пункта Бар-ле-Дюк.

Французское командование сумело найти выход из этого затруднения. Дорога из Бар-ле-Дюк была предоставлена исключительно для автотранспорта. Ее ширина давала возможность организовать два потока автомобилей: один — в направлении к Вердену и другой — в обратную сторону. За боковыми дорогами было установлено специальное наблюдение, чтобы не позволять обозам и войскам вклиниваться в автомобильное движение.

Наступившая оттепель угрожала сделать дорогу непроходимой. Встал серьезный вопрос: как поддерживать шоссе в хорошем состоя-

нии? Это был вопрос жизни и смерти. Тогда командование 2-й французской армией решило использовать многочисленные каменоломни, разбросанные между Бар-ле-Дюком и Верденом. Специальные бригады добывали из этих каменоломен строительный материал, другие разбрасывали его по шоссе, а вереница грузовиков выполняла своими

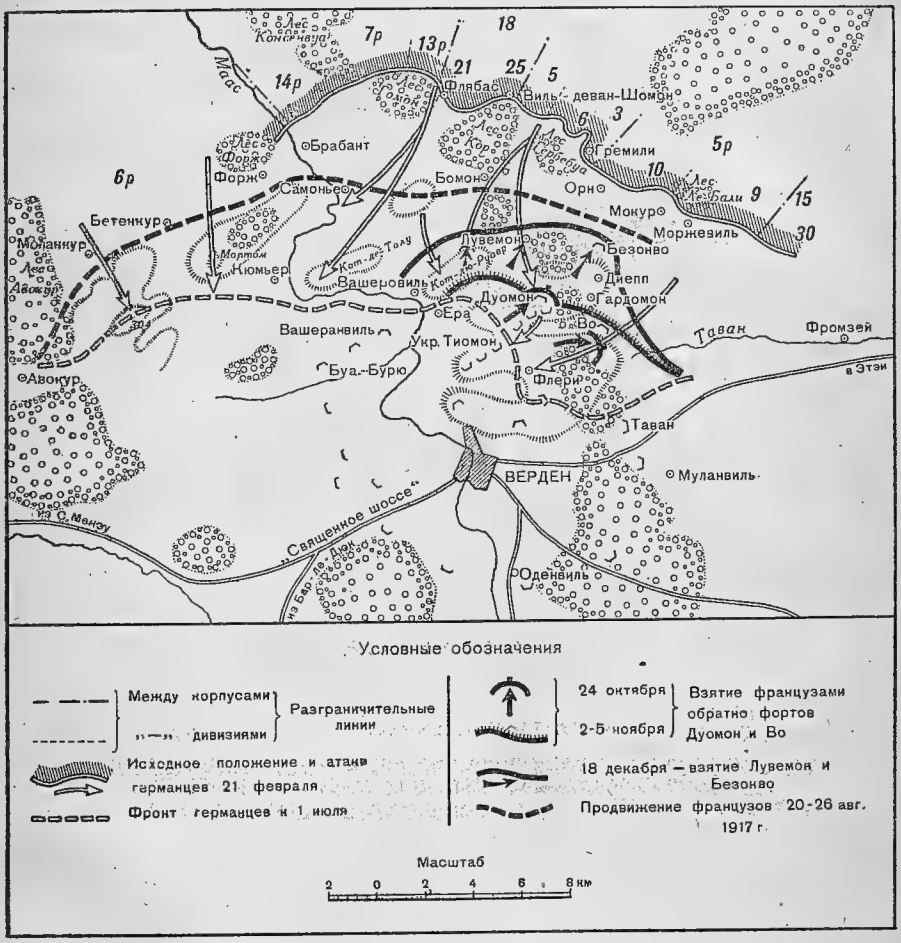


Схема 5. Верденская операция

колесами работу катков. А затем появились специальные автомобильные парки, ремонтные базы с полным техническим оборудованием.

Вначале для перевозок войск было мобилизовано около трех тысяч машин. В дальнейшем число автомобилей дошло до восьми тысяч. Движение шло днем и ночью. Оно было организовано подобно службе на железнодорожном транспорте. Вся дорога длиной в 50 километров была разделена на отдельные участки-кантоны. Была

устроена система блокировки, примерно такая же, как и на железных дорогах. Каждый кантон имел в своем распоряжении все необходимые средства связи, наблюдения и регулирования автомобильных потоков. Специальные команды устраняли все аварии. Таким образом устанавливалось бесперебойное движение. Машины шли непрерывной цепью одна за другой. Грузовики могли следовать один за другим через каждые 14 секунд, а в период наиболее напряженных перевозок — через каждые 5 секунд. Это был какой-то гигантский конвейер машин, который последовательно и методично подавал в «верденскую мясорубку» все новые и новые войсковые части. Во время наиболее жестоких боев, когда решалась судьба Вердена, автомобили перебрасывали в месяц по 400 тысяч человек и более полмиллиона тонн грузов. Недаром шоссе Бар-ле-Дюк получило в те дни название «священный путь».

25 февраля был днем последних крупных успехов германцев. Они оттесняют французов с некоторых высот и занимают форт Дуомон.

В последующие дни стало уже совершенно ясно, что попытка германского командования взять Верден «ускоренным способом» потерпела неудачу. Ударные немецкие корпуса продвинулись к крепости всего только на 5—6 километров. На флангах главного участка атаки немцы не сумели сосредоточить достаточно плотный артиллерийский огонь. Поэтому огонь французских батарей с левого берега Мааса не был погашен, и германская пехота несла от него большие потери. Помимо этого, главная атака не была поддержана с флангов, и немцы не сумели развить успех первоначального прорыва.

Тогда кронпринц бросает свои силы на левый берег Мааса. С этой стороны он надеялся выйти в тыл Вердену, на его единственную коммуникацию. Главнейшими опорными пунктами французов на левом берегу были высоты Морт-Ом и 304. Отсюда же французская артиллерия могла удобно обстреливать фланговым огнем германские части, которые вели наступление на правом берегу.

5 марта германская артиллерия открыла ураганный огонь. За высоты Морт-Ом и 304 разгорелась ожесточенная борьба. С невероятным напряжением дрались оба противника за каждую пядь земли. Германские атаки сменялись контратаками французов, и часто какое-нибудь небольшое пространство переходило бесконечное число раз из рук в руки. Две недели продолжались кровопролитные бои на левом берегу. Наконец, германцам удалось завладеть подступами к грозным вершинам.

Германское командование начало готовиться к новому прыжку. Но в это время телеграф принес неожиданную весть: русские войска на Восточном фронте перешли у озера Нарочь в наступление.

Операцию у озера Нарочь русская Ставка предприняла исключительно с целью выполнить свои обязательства о взаимной поддержке, взятые на конференции в Шантильи. 18 марта ударные корпуса 2-й русской армии начали атаку на германские позиции. Русские войска проявили при этом большое упорство и стремление вперед. Однако операция была подготовлена высшим командованием крайне неумело. Наступление началось, когда не было еще закон-

чено необходимое сосредоточение сил. Корпуса вступали в сражение разрозненно, вне всякой связи друг с другом. Командование даже не успело подтянуть к фронту артиллерию. Ко всему этому весенняя распутица сильно затрудняла маневрирование войск. Поэтому успехи русских корпусов имели лишь местное значение. 30 марта был отдан приказ прекратить наступление, так как необычайно сильная распутица сделала все дороги и местность непроходимыми и всякое продвижение стало невозможным.

Все же удар русских у озера Нарочь сыграл не малую роль. Он заставил германское командование в самый напряженный момент борьбы за Верден прекратить свои атаки и обратиться к Восточному фронту. Он лишил Фолькенгейна возможности перебрасывать свежие силы на «верденскую мельницу».

К апрелю месяцу французы успели стянуть в район Вердена внушительные подкрепления. По количеству живой силы они начали понемногу превосходить германцев. Теперь французы уже стали постепенно предпринимать наступления с ограниченной целью. Только артиллерия была у немцев более многочисленной и мощной. Операция стала принимать характер борьбы на истощение. Оба противника вводили в горнило Верденского сражения все новые и новые силы и технические средства, затем отводили потрепанные части для пополнения в тыл и вновь бросали их на бойню. К концу апреля немцы продвинулись к Вердену не более чем на 7 километров. И этот ничтожный шаг стоил обеим сторонам полмиллиона бойцов.

В этом неистовстве взаимного истребления противники наносили друг другу удары главным образом при помощи артиллерии. Расход огнеприпасов доходил до неслыханных размеров. Одних только 75-миллиметровых снарядов французы израсходовали в феврале более полутора миллионов. А в марте эта цифра увеличилась почти до четырех миллионов. Промышленность Франции должна была ежедневно выпускать не менее 150 тысяч таких снарядов. В начале апреля немцы предприняли новые атаки на высоту Морт-Ом. Артиллерийская подготовка была настолько интенсивной, что за один день 9 апреля они израсходовали 17 поездов огнеприпасов.

Противники применяли огромные массы артиллерии при борьбе даже за весьма небольшие участки. В первых числах мая немцы атаковали высоту 304. Для поддержки этой атаки они сосредоточили по высоте огонь 100 тяжелых батарей. Французы, в свою очередь, бомбардировали остатки форта Дуомон при помощи 51 тяжелой батареи. В самый разгар боев летчики часто не могли ничего разобрать на поле сражения: оно все застилалось непроницаемой завесой пыли и дыма, которые поднимали многие тысячи разрывающихся снарядов. Нельзя было также разобрать иногда, где стоят отдельные неприятельские батареи. Ураганная стрельба тысяч орудий сплошь сливалась в одно море огня. А в часы затишья истолченная земля напоминала сверху поверхность Луны, изрытую кратерами вулканов, или же просто губку.

В мае немцы увеличивают свои наступательные попытки. Особенно ожесточенные атаки следуют на левом берегу Мааса — на высоты 304 и Морт-Ом. Германцы усиливают здесь свой 27-й ре-

зервный корпус свежими частями и упорно, шаг за шагом продвигаются вперед. К тому времени англо-французское командование развернуло полным ходом подготовку к совместному наступлению на одном из северных участков фронта, на реке Сомме. В связи с этим в распределение и организацию французских сил было внесено несколько изменений. С 1 мая командующим 2-й французской армией был назначен генерал Нивель. А сама верденская армия входила теперь в группу армий центра, возглавляемую Петэном. Теперь защитники Вердена должны были обходиться 52 дивизиями, так как для наступления на Сомме нужны были крупные резервы. В этот момент германцы и повели свои ожесточенные атаки на левом берегу.

В полдень 3 мая началась сильнейшая бомбардировка по высоте 304 и окружающей местности. На несколько километров вокруг ничего не было видно, кроме густых облаков дыма. Германцы решили с помощью артиллерии как бы прочистить коридор, по которому пехота может свободно пройти, не встретив ни препятствий, ни людей. Почти три недели непрерывных боев потребовалось, чтобы окончательно захватить высоту 304. Эта высота давала ключ к Морт-Ом. 20 мая немцы после мощной артиллерийской подготовки бросились на штурм высоты Морт-Ом и смелой атакой захватили ее.

Таким образом положение немцев на левом берегу несколько упрочилось. Они стали медленно продвигаться дальше и захватили уже довольно крупное селение Кюмьер, затем высоту Коретт... Но в этот момент раздался мощный удар русских на Востоке.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

14 апреля 1916 года в городе Могилеве собрался военный совет русской армии. Обсуждалось положение на фронтах и план дальнейших действий. На последней конференции Антанты в Шантильи, состоявшейся 14 февраля, представитель России взял обязательство, по которому русские должны были начать большое наступление не позднее 15 июня. Англо-французы, в свою очередь, обещали предпринять решительную операцию с 1 июля.

Большинство русских генералов не верило в успех предстоящего наступления. Они еще находились под впечатлением провала мартовской операции у озера Нарочь. Попрежнему еще ощущался недостаток в снарядах тяжелой артиллерии. Пугали также и весьма сильные укрепления, которые возвели австро-германцы за период зимнего затишья. Единственным, кто верил в боеспособность русского солдата, был генерал Брусилов, только что назначенный главнокомандующим Юго-западным фронтом. По первоначальным планам Ставки предполагалось, что Юго-западный фронт к активным действиям не способен, и потому ему отводилась чисто пассивная, оборонительная роль, а нанесение главного удара возлагалось на Западный фронт. Брусилов настоял на том, чтобы и его фронту было разрешено наступать. Тогда военный совет решил, что армии Юго-западного фронта будут наносить вспомогательный удар.

Брусилов стал энергично готовиться к прорыву неприятельских

позиций. Прежде всего необходимо было добиться внезапности. Предыдущий опыт мировой войны показал, что почти невозможно сохранить в тайне подготовку к крупному прорыву, если он намечается в каком-либо одном месте. Сосредоточение больших масс артиллерии, подвоз к этому месту свежих войсковых частей, подготовительные инженерные работы и устройство плацдармов для атаки — все это дает возможность противнику заранее приблизительно предугадать намечаемый район прорыва, стянуть сюда необходимые резервы и принять оборонительные меры. Поэтому Брусилов решил осуществить прорыв не в одном месте, а сразу в нескольких.

В состав Юго-западного фронта входили четыре армии. Они располагались в такой последовательности: 8, 11, 7 и 9-я. Эти армии растянули свой фронт на протяжении более 400 верст, от Полесья до границ Румынии. Крайняя справа 8-я армия примыкала к левому флангу Западного фронта. Брусилов решил произвести по одному прорыву в каждой армии. Помимо этого отдельные корпуса должны были подготовлять ряд частных атак. Так как по решению военного совета Юго-западный фронт должен был выполнять вспомогательную задачу и поддерживать своими действиями Западный фронт, то главный прорыв возлагался на 8-ю армию, которая была к нему ближе всего. Но противник не мог бы об этом догадаться, так как во всех армиях Юго-западного фронта одинаково интенсивно шли большие подготовительные работы.

Подготовка была проделана с необыкновенной тщательностью. Это была огромная методическая работа, длившаяся почти два месяца. В первую очередь были весьма подробно изучены районы расположения неприятельских войск. Русские летчики сфотографировали с самолетов все неприятельские укрепленные позиции. Были также засняты и ближайшие тыловые пункты, где располагались штабы противника, склады боеприпасов, пути, по которым можно было ожидать подхода неприятельских резервов. Эти снимки с самолетов развертывались при помощи проекционного фонаря в план и помещались на карте. Затем такие карты опять-таки фотографическим путем доводились до желаемого масштаба. Вскоре во всех армиях Юго-западного фронта появились большие планы в масштабе 250 саженей в дюйме. На них были нанесены во всех подробностях позиции австро-венгров. Все командиры снабжались подобными планами своего участка.

По ночам саперные команды устраивали с величайшей осторожностью многочисленные наблюдательные пункты. Десятки и сотни невидимых глаз стали пристально следить за противником. Наблюдатели «ловили» скрытые батареи австро-венгров, их наблюдательные пункты, основные очаги сопротивления. Все эти объекты тщательно заносились на карты и получали свои номера. Таким образом русские составили вскоре довольно полную и ясную картину австро-венгерских позиций и всех главнейших целей, по которым русская артиллерия должна была сосредоточить свой огонь. Дополнять и уточнять эту картину помогали агентурные сведения русской разведки и допросы пленных и перебежчиков.

Неприятельские позиции были чрезвычайно сильны. Они состоя-

ли из двух или трех линий укрепленных полос, расположенных одна от другой на расстоянии трех-пяти километров. Каждая полоса, в свою очередь, состояла из трех линий окопов. Окопы были очень глубоки, имели высокие брустверы. Везде были устроены многочисленные козырьки, бойницы, пулеметные гнезда, блиндажи. Убежища были глубоко врыты в землю, сверху укладывались два ряда толстых бревен, которые засыпались еще слоем земли толщиной до двух метров. Многие убежища имели вместо бревен толстые железобетонные своды. В некоторых местах австро-венгры устроили своеобразные маленькие крепости-редуты в виде сомкнутых земляных сооружений. А на вершинах холмов размещались сильно укрепленные опорные пункты. Впереди окопов тянулись густые проволочные заграждения. Иногда они имели до шестнадцати рядов кольев, оплетенных толстой стальной проволокой. По проволоке передовой линии был пущен сильный электрический ток. Кроме того, на проволочных заграждениях висели бомбы, взрывающиеся от малейшего прикосновения. Между окопами были устроены разнообразные искусственные препятствия — рогатки, засеки, волчьи ямы. А во многих местах впереди первой полосы были заложены самовзрывающиеся фугасы.

Эту грозную стену огня, стали, земли, бетона и должны были разрушить и преодолеть русская артиллерия и пехота.

Подготовка к наступлению была проведена русскими в значительной мере скрытно от неприятеля. Войска подтягивались в районы прорывов с большой предосторожностью. Они размещались в тылу, но их начальники, снабженные планами с подробным расположением противника, все время находились впереди и тщательно изучали те участки, которые им придется атаковать. Командиры полков, дивизий и артиллерийских частей лично знакомились с первой линией неприятельских укреплений, изучали подступы к ним, намечали огневые позиции артиллерии, выбирали наблюдательные пункты и т. д.

В свою очередь, команды связи прокладывали незаметно сложную паутину телефонных проводов, соединяя ими артиллерийские огневые позиции с наблюдательными пунктами, с командными пунктами, с центральными телефонными станциями, с передовыми окопами пехотных частей.

Так же скрытно происходило и сосредоточение артиллерии. Уже давно были намечены и занесены на все карты и планы артиллерийские позиции. Уже давно были оборудованы и тщательно замаскированы места для орудий. Уже давно были распределены главнейшие цели для отдельных батарей. Уже много раз командиры этих батарей выезжали на свои позиции. Они определили с помощью угломеров и дальномерных приборов дистанции до своих целей и подсчитали затем исходные данные для открытия огня. А большинство артиллерийских позиций оставалось попрежнему пустым. Пушки и гаубицы стояли еще в глубоком тылу, в стороне от дорог, скрытые в лесах и рощах вместе с артиллерийскими парками и обозами. Орудия были покрыты брезентами и замаскированы сверху ветками, травой, полотнищами, окрашенными под цвет окружающей местности.

Лишь за несколько дней до начала наступления войска, предна-

значенные для атаки, были введены в боевую линию. Многие батареи были поставлены на свои позиции всего только за сутки до начала боя. Передвижение к фронту производилось незаметно, преимущественно по ночам. На дорогах стояли регулировщики, которые следили за правильным движением войск.

Все эти меры предосторожности вполне оправдали себя. Австро-венгры не подозревали, что против них готовится в величайшем секрете крупная операция. 23 мая в Берлине произошла встреча главнокомандующего австро-венгерскими силами фельдмаршала Конрада фон-Гетцендорфа с Фалькенгайном. Конрад только что объехал Восточный фронт, те места, где линия австро-венгерских позиций находилась против Юго-западного фронта русских. Фельдмаршал был явно в хорошем расположении духа. Австрийское оружие восстанавливало свою честь на итальянском фронте. Неделю тому назад 18 австрийских дивизий с могущественной тяжелой артиллерией начали успешное наступление на левый фланг итальянского фронта. Под натиском сильного противника итальянцы стали поспешно отходить на участке в 60 километров. Удар австрийцев был направлен из Трентино в долину реки По, и в случае дальнейшего успеха наступление грозило отрезать сообщение итальянской армии с Венецианской областью. Италия явно трещала по швам. Конрад считал вполне возможным перебросить несколько австрийских дивизий с русского фронта для окончательного разгрома Италии.

Фалькенгайн не разделял благодушного настроения своего собеседника. Верденская операция все более затягивалась и не приносила германцам решительных побед. Правда, в последние дни армия кронпринца заняла важные тактические пункты на левом берегу Мааса, но еще большой вопрос, удастся ли сломить окончательно сопротивление французов при том крайнем напряжении сил, какое испытывают немецкие войска под Верденом. Вызывало также сильное беспокойство положение дел на азиатско-турецком театре. Уже более двух месяцев турки терпели поражение за поражением под ударами Кавказской армии русских. 16 февраля пал Эрзерум. 2 марта был взят русскими Битлис. 18 апреля турки очистили Трапезонд. Одним словом, последние события показывали, что военная мощь русской армии была далеко не подавлена, и что, напротив, русские войска способны к весьма активным действиям. Вот почему Фалькенгайн спросил Конрада, не опасается ли он какого-нибудь удара со стороны русских.

Фельдмаршал отвечал с полной самоуверенностью, что австро-венгерские позиции он считает неприступными и что русские вовсе и не готовятся к активным действиям на этом фронте.

— Чтобы подвезти только тяжелую артиллерию, им нужно не менее 4—6 недель, — говорил Конрад.

Разумеется, он был бы куда менее спокоен, если бы подозревал о той скрытой работе, которая шла в то время полным ходом в армиях генерала Брусилова.

А между тем события развивались с необычайной быстротой. Русская Ставка забрасывалась итальянскими и французскими телеграммами с требованием начать наступление ранее намеченного сро-

ка. Французский президент и итальянский король взывали к Николаю II о немедленной помощи. Русскому солдату приходилось вновь платить своей кровью по векселям царского правительства, выданным англо-французскому капиталу.

Прошло всего только десять дней со дня встречи Конрада с Фалькенгайном, как австро-венграм пришлось испытать на себе всю силу русского оружия. На рассвете 4 июля на протяжении 400 верст Юго-западного фронта русская артиллерия открыла внезапно ураганный огонь. Началась короткая, но мощная артиллерийская подготовка, после чего русская пехота пошла в атаку.

Австро-венгры были ошеломлены внезапностью нападения. Быстрые и стремительные удары сразу в нескольких местах произвели на них паническое впечатление. И главным героем этого наступления оказалась русская артиллерия. Ее замечательная работа, необычайная методичность и высокое искусство стрельбы русских артиллеристов вызвали всеобщее восхищение во всем мире. Даже враги должны были это признать. Немецкий военный корреспондент при австрийской главной квартире писал в те дни в газете «Штутгартский листок новостей»: «Надо признать, что в последних боях русские обнаружили неожиданную мощь. В особенности следует отметить необычайную силу артиллерии... Во многих местах победа решалась неприятельской артиллерией».

Русские достигли своих огромных успехов вовсе не с помощью подавляющего количества материальных средств на каком-нибудь узком участке. Напротив, у австро-венгров было значительно больше орудий и пулеметов. Так, например, русские имели во всех четырех армиях всего только 335 тяжелых орудий, а австро-венгры — почти 600. Победа была одержана благодаря тому, что Брусилову удалось осуществить внезапность нападения и чрезвычайно тщательно подготовить первый удар. Действие артиллерии было расписано по точному графику. Различные группы артиллерии решали свои определенные задачи: одни разрушали проволочные заграждения, другие стреляли по окопам, третьи подавляли огонь неприятельских батарей, четвертые устраивали огневые заграждения. Каждая батарея получила строго намеченные цели. Было указано время, когда можно начать пристрелку и когда вести огонь на поражение. Наконец, точно указывалось, с какой скоростью надо вести стрельбу в тот или иной промежуток времени. И эта огромная, строго рассчитанная и методически выполненная работа дала замечательные результаты.

Наибольших успехов добились две фланговые армии Юго-западного фронта. На крайнем правом фланге 8-я армия прорвала фронт неприятеля шириной в 16 километров и уже на третий день наступления овладела городом Луцк, проникнув в глубь расположения австро-венгров на 30 километров. На крайнем левом фланге 9-я армия осуществила прорыв на участке протяжением в 11 километров. Так как эта армия примыкала к русско-румынской границе и наиболее угрожала Венгрии, то ее роль после 8-й армии была важнейшей. За первые десять дней операции 9-я армия захватила большое пространство. Ее корпуса, расположенные в центре, гнали перед собой противника на глубину до 50 километров.

Прорыв был осуществлен блестяще. Австро-венгры в панике отступали, бросая по дороге орудия, боеприпасы, ценное военное имущество. Более 200 тысяч пленных взяли армии Брусилова только за первые три дня прорыва. Общий характер движения русских

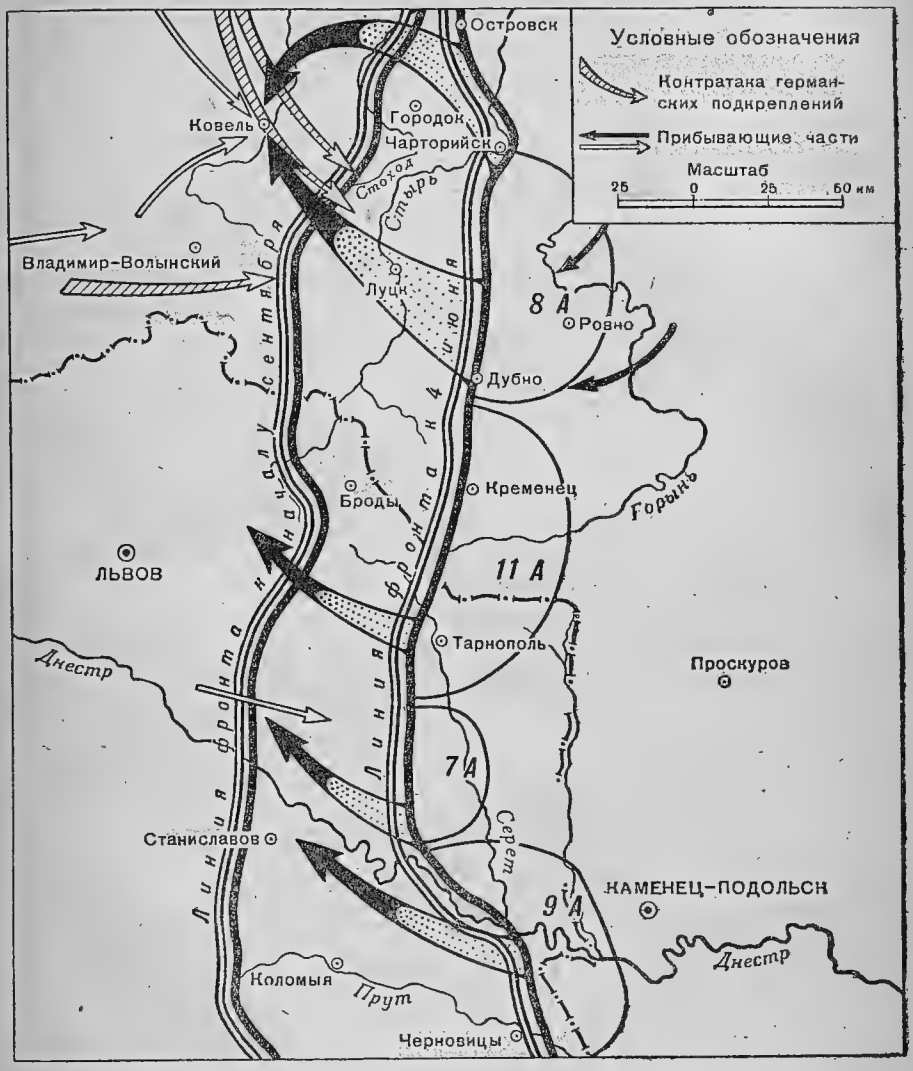


Схема 6. Брусиловский прорыв

войск приобрел такой размах, будто перед фронтом не было противника.

Казалось, что из позиционного тупика был найден выход и теперь можно было ожидать решительного перелома в ведении войны.

Однако этого не случилось. Юго-западный фронт быстро израсходовал свои немногочисленные резервы. Войска понесли большие потери. Почти полмиллиона русских солдат полегло на полях Буковины и Восточной Галиции. Вновь обнаружился основной недостаток царского верховного командования: Ставка проявила свою обычную нерешительность и неспособность согласовать и подчинить единой воле действия отдельных фронтов. Так как Юго-западному фронту отводились, по решению Ставки, вспомогательная роль, то Брусилов, с одной стороны, стремился использовать свою 8-ю армию в направлении на Ковель, откуда он мог помочь Западному фронту нанести германцам главный удар. 8-я армия достигла наибольшего успеха; к 14 июня она проникла в глубь неприятельской территории на 60 километров. С другой стороны, стратегическая обстановка складывалась таким образом, что Брусилову было выгоднее развивать наступление этой армии на Львов, где он мог довершить полный разгром австро-венгров. Ставка отдавала противоречивые приказания, направляя 8-ю армию то на Ковель, то на Львов. Это неопределенное топтание и тяготение к двум противоположным направлениям сыграло губительную роль: уходило драгоценное время.

Западный фронт безнадежно медлил. Командующий этим фронтом генерал Эверт все откладывал наступление, ссылаясь то на сильную оборону германцев, то на недостаточную подготовку своих армий. Наконец, 15 июня он произвел атаку лишь одним корпусом в направлении на Барановичи. Атака столь малыми силами велась на широком фронте и кончилась неудачно. Тогда Эверт потребовал новой отсрочки наступления, так как ему необходимо было перегруппировать свои силы. Главный удар опять откладывался, на этот раз до 3 июля. Брусилов вновь оставался один. К этому времени германцы успели уже собрать большой кулак у Ковеля и начали предпринимать ожесточенные контратаки против наступающих русских войск. Выдержав эти отчаянные контратаки по всему Юго-западному фронту, армии Брусилова перешли в первых числах июля в дальнейшее наступление.

Долгожданный главный удар Западного фронта опять привел к неудачным результатам. 3 июля после продолжительной и бестолковой артиллерийской подготовки Эверт попытался прорвать силами трех дивизий германский фронт на участке в 8 километров. Русская пехота заняла первую линию неприятельских окопов, а кое-где и вторую линию, но дальше продвинуться не смогла. Вследствие плохой артиллерийской подготовки у противника осталось много неразрушенных пулеметных гнезд и проволочных заграждений. Помимо этого, две русские дивизии, направленные из резерва для развития первоначального успеха, были введены в бой с большим запозданием и мелкими частями и поэтому никакой существенной помощи не оказали. Пресловутый «главный удар» явно провалился. Все дальнейшие попытки Эверта атаковать неприятельские позиции были безрезультатны и приводили лишь к большим потерям в русской пехоте.

В то же время войска Юго-западного фронта в новом наступательном порыве опрокинули сопротивление свежих частей австро-гер-

манцев и уверенно шли вперед. 8-я армия продвигалась на север от Луцка и заняла к середине июля важный рубеж вдоль левого берега реки Стоход. Сами германские генералы признавались, что этот период брусиловской операции был для них наиболее критическим: им нечем было противодействовать здесь русским. Но и у Брусилова больше не было резервов. Пришлось приостановить дальнейшее наступление как раз в тот момент, когда ворота в глубь неприятельской страны были открыты. Чтобы собрать необходимые силы для дальнейшего движения, русским понадобилось две-три недели. Но этого времени было достаточно и для противника, который успел, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебросить крупные резервы с других фронтов к месту прорыва и укрепиться на Стоходе. Больше продвинуться вперед русским здесь уже не удалось. Ворота позиционного фронта вновь были плотно закрыты.

Примерно такая же картина была и на фронте 9-й армии. Здесь русские войска в течение двух месяцев одерживали одну победу за другой. Они взяли центр Буковины — город Черновицы. Затем четыре корпуса этой армии довершили разгром австро-венгерских частей, расположившихся между Днестром и Прутом. Вскоре почти вся Буковина была занята русскими. Своими крупными успехами 9-я армия оказала большое содействие соседней 7-й армии, которая благодаря этому также продвигалась вперед. Наконец, 9-я армия стала серьезно угрожать Венгрии и нефтяным источникам Галиции. В общей сложности центр этой армии продвинулся более чем на 120 километров в глубь расположения противника. Однако наступление стало понемногу выдыхаться: артиллерия начала отставать, пехота была утомлена, подкреплений подходило мало. А противник спешно подвозил все новые и новые дивизии, чтобы приостановить боевой марш русских полков. Уже к августу против 9-й армии оказались превосходные силы австро-германцев, которые плотной стеной преграждали дальнейшее движение русских. 13 августа русские войска закрепились на фронте протяжением в 240 километров.

Брусиловское наступление не нашло выхода из позиционного тупика. Но эта выдающаяся операция сильнейшим образом потрясла здание австро-германской коалиции. Она заставила противника перебрасывать свои оперативные резервы в район прорыва. Германцы вынуждены были снять 11 пехотных дивизий с французского фронта, а австрийцы — 6 дивизий с итальянского. Защитники Вердена в напряженные дни боев за эту крепость вновь получили помощь с Востока. Италия была спасена от сильнейшего разгрома. Наконец, вслед за брусиловским прорывом Румыния объявила войну Германии и ее союзникам.

ФОРТ ВО

А пока на Восточном фронте развертывались драматические события брусиловского прорыва, германцы сделали у Вердена новый сильный рывок вперед. Германское верховное командование решило предупредить совместное выступление Антанты и возможно ско-

рее покончить с французской крепостью. 5-я армия кронпринца получила приказ, чтобы до 15 июня флаг Вильгельма развевался над Верденом. Сюда бросаются все свободные средства и резервы.

Главные атаки теперь опять были направлены на правый берег Мааса. Здесь внимание привлекал в первую очередь французский форт Во. Сначала германские войска атаковали подступы к этому форту. При этом немцы применили огнеметы в небывало большом масштабе. В результате форт Во был охвачен полукругом, и германские окопы подходили к нему в некоторых местах на расстояние всего 200 метров. Началась ожесточенная борьба за важный укрепленный пункт.

До этого форт Во в течение трех месяцев подвергался сильнейшей бомбардировке германской тяжелой артиллерии. Особенно большие разрушения производили 42-сантиметровые снаряды, весящие почти целую тонну. Броневая башня, в которой находились 75-миллиметровые пушки, была выведена из строя. Вход в форт был завален и все время подвергался обстрелу противника. Бомбардировка разрушила также водопровод, поэтому гарнизон пользовался водой из цистерн. Каждую ночь санитары, приходившие за ранеными, должны были приносить свежие запасы воды. Все это весьма затрудняло оборону форта.

2 июня в 4 часа утра после сильнейшей артиллерийской подготовки два германских батальона бросились на штурм. 400 человек французов упорно отстаивали полуразрушенные укрепления. Малейшее препятствие немцам приходилось преодолевать в длительной борьбе. Сначала им надо было занять окопы, расположенные непосредственно перед фортом, затем пришлось преодолевать рвы. Французы спрятались в специальных постройках-кофрах и оттуда обстреливали рвы продольным огнем. Необходимо было брать каждый кофр с бою.

Затем разгорелась борьба в подземельях форта Во. Драться приходилось в полной темноте длинных галлерей и переходов. Французы закладывали тоннели мешками с землей и противники вели упорные бои от баррикады к баррикаде. Борьба велась главным образом при помощи ручных гранат и пулеметов. Были пущены в ход еще и огнеметы. В подземных коридорах распространялись невыносимая жара и дым.

Вскоре стал иссякать запас воды. Единственной связью защитников форта Во с остальным миром были оптическая сигнализация и голуби. В полдень 4 июня на одну из войсковых голубятен у Вердена спустился раненый голубь. К его ножке была привязана алюминиевая трубочка, в которой лежала записка коменданта форта Во: «Все еще держимся. Необходимо скорее выручить. Дайте оптическую связь с Сувилем, который не отвечает на вызовы. Это мой последний голубь». Той же ночью была установлена оптическая сигнализация с фортом Сувиль. Защитники форта Во получили сообщение, что французское командование готовит атаку для освобождения форта.

Несколько раз пытались французы отбросить германцев от форта Во. Несколько раз французская артиллерия обстреливала германцев

тяжелыми и химическими снарядами, а затем французская пехота бросалась в атаку. Но неизменно каждый раз сильный заградительный огонь германских батарей и ожесточенная пулеметная стрельба заставляли отступать французские атакующие роты.

Рано утром 6 июня оптический телеграф из форта сообщил, что воды больше нет. На рассвете следующего дня было получено последнее сообщение, из которого можно было разобрать только несколько неясных слов. В 6 часов утра 7 июня форт Во сдался.

После захвата форта Во кронпринц начал быстро подготавливать дальнейшее наступление. Были введены свежие части. Главный удар наносил один из лучших германских корпусов — так называемый Баварский корпус. 13 июня одна из его дивизий овладела фортом Тиомон. Кайзер Вильгельм сам прибыл в штаб своего наследника и назначил главную атаку на 21-е число. В этот день началась артиллерийская подготовка. По словам французов, здесь действовало невиданное количество артиллерии. Под утро 23 июня немцы начали химический обстрел. Они выпустили 200 тысяч химических снарядов, среди них было более 100 тысяч снарядов «зеленого креста». Впервые за всю историю Верденского сражения французская артиллерия была вынуждена замолкнуть. Этим и воспользовались германские полки — захватили Флери и подступы к Сувилю.

Вильгельм собрал возле себя знамена всех полков, участвовавших в наступлении, и готовился во главе их вступить в Верден. Однако ему еще раз пришлось разочароваться в своих надеждах. Отправка на Восточный фронт всех свободных резервов для противодействия брусиловскому прорыву весьма ограничивала наступательные возможности германцев под Верденом. Во время ожесточенных атак Тиомона, Флери и Сувиля немецкие дивизии, находившиеся на левобережном участке фронта, оставались в бездействии и не могли поддержать соседей в самый напряженный момент штурма на правом берегу. Между тем французы, получив в подкрепление четыре свежие дивизии, сами перешли в контратаку, захватив обратно Тиомон. А оглушающий рев английских и французских орудий, который раздался 24 июня на реке Сомме, возвестил германскому командованию о том, что враг сам пытается перейти в решительное наступление и громко стучится в закрытую дверь позиционного фронта.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Начиная с весны 1916 года многие передовые английские и французские части, находившиеся в районе реки Соммы, начали отводиться попеременно в тыл — для отдыха, как им говорили. Каково же было их удивление, когда после некоторого путешествия в глубь страны они вдруг совсем неожиданно попадали вновь на «позиции» и видели перед собой привычный ландшафт неприятельских укреплений. Но вскоре они узнавали причину такого загадочного явления.

Подготовляя наступления на Сомме, англо-французское командование создало специально оборудованные учебные лагеря для тех

дивизий, которые должны были участвовать в предстоящей операции. Это переобучение было поставлено на широкую ногу. Здесь были построены настоящие участки укрепленного фронта. Окопы оплетались проволокой. Устраивались, как и в действительности, целые лабиринты траншей и ходов сообщений между ними. Рылись глубокие подземные убежища. Устанавливались пулеметные блиндажи. Для полевой, тяжелой и траншейной артиллерии оборудовались специальные позиции.

Войска обучались новой тактике боя. Пехота должна была продвигаться по разрушенным неприятельским линиям; ее учили вести бой в окопах с помощью ручных гранат и длинных ножей. Проделывались и такие упражнения: перед окопами взрывались горны, вслед за тем пехота бросалась вперед и укрывалась в образовавшихся воронках, ожидая в них подходящего момента для дальнейшего прыжка вперед.

В этих же лагерях артиллерия и авиация приучались к тесному взаимодействию. Затем войска овладевали сложным искусством двигаться за артиллерийским заградительным огнем. Большое внимание уделялось также установлению бесперебойной связи. Для этого использовались самые разнообразные средства: телеграф, телефон, радио, собаки, голуби и различного рода сигнализация. Войсковые части практиковались приспосабливать захваченные окопы противника к обороне и быстро возводить полевые укрепления. Одним словом, в этих лагерях осуществлялась «генеральная репетиция» будущего сражения.

Наступление англо-французов на Сомме являлось составной частью общего плана активных действий Антанты, выработанных на конференции в Шантильи. Сама идея этой операции возникла еще в конце 1915 г. Генерал Дуглас Хэйг сменил 19 декабря маршала Френча и встал во главе британских армий во Франции. Он тотчас же вошел в тесные сношения с Жоффром и предложил ему разработать программу большого франко-британского наступления в районе Соммы.

Прорыв намечался на достаточно широком фронте, чтобы в случае успеха можно было выйти с массой войск в открытое поле. Вначале предполагалось, что удар будет наноситься по обе стороны Соммы, на участке шириной в 70 километров. Заполнить такую большую брешь германцам было бы чрезвычайно трудно. Однако Верденская операция, подорвавшая силы французов, сократила масштабы этого плана. Главная роль отводилась теперь англичанам — они должны были атаковать силами шести корпусов на фронте в 25 километров. Рядом с ними расположилась 6-я французская армия генерала Файоля. Она наносила вспомогательный удар на участке в 16 километров, который тянулся по обе стороны Соммы. Таким образом, ширина прорыва была сокращена почти в два раза.

Германские позиции в районе предполагаемого сражения представляли собой высокий образец фортификационного искусства. Они укреплялись и оборудовались в течение двух лет. Все, что могла дать в то время военная техника, было здесь использовано. Здесь мы видим и сложную систему искусственных препятствий и заграж-

дений, оплетенных колючей проволокой, и широкое применение бетона для всех укреплений, и глубокие безопасные помещения для гарнизона, и скрытые блиндированные пулеметные гнезда для фланкового обстрела атакующего, и широкую сеть невидимых оборонительных точек на обратных скатах, и многое другое. Многочисленные деревни и леса в этом районе были превращены в настоящие маленькие крепости. Укрепленные подобным образом позиции германцев шли двумя полосами, в 2—3 километрах одна от другой. В некоторых местах за ними возводилась еще и третья полоса. Такие основательные укрепления давали германскому командованию уверенность, что на этом участке фронта можно, придерживаясь оборонительной тактики, противодействовать англо-французам при помощи сравнительно небольших сил.

Союзники готовились к операции на Сомме в течение четырех месяцев. Пока в учебных лагерях шла подготовка личного состава, промышленность Англии и Франции лихорадочно работала по выпуску новейших технических средств борьбы. Вся мощь мировой индустрии воплотилась в тех огромных количествах средств истребления, которые были накоплены для этого сражения.

Англо-французы располагали у Соммы необычайным богатством артиллерии, боеприпасов и авиации. Особенно велико оно было у французов. На 16-километровом участке они имели 1146 орудий и более тысячи бомбометов и минометов для траншейной борьбы. Впервые был использован в массовых масштабах новый тип артиллерии — тяжелые орудия большой мощности. Это были пушки для стрельбы на расстояние до 20—25 километров и очень крупные мортиры калибром до 38 сантиметров. Эти гигантские орудия были поставлены на железнодорожные установки и потребовали постройки специальных рельсовых путей для подвоза к району будущей операции. Французам удалось подвезти к началу наступления 56 крупных мортир и 61 дальнобойную пушку.

Орудия большой мощности вошли в состав так называемой артиллерии резерва главного командования (АРГК). Эта организационная единица появилась во время позиционного периода войны, когда была осознана необходимость сосредоточивать то в одном, то в другом месте мощный артиллерийский кулак. АРГК не входила в состав какой-либо определенной армии или корпуса, а подчинялась непосредственно главному командованию и перебрасывалась по его усмотрению на важнейшие участки фронта.

В результате сосредоточения такого большого количества орудий на участке прорыва у Соммы союзники добились значительного превосходства в артиллерийских средствах над германцами. Если у французов приходилось на каждый километр фронта 55 орудий, то у немцев было на километр фронта всего 20 орудий. Новостью артиллерийской техники были не только орудия-гиганты. Французская пехота получила в свое распоряжение только что появившиеся 37-миллиметровые пушки. Их называли штурмовыми, так как они были очень легки и подвижны и могли сопровождать пехоту во время самого боя, ведя усиленную борьбу с уцелевшими пулеметными точками противника. Каждый пехотный полк получил по четыре та-

ких пушки. Помимо этого пехота была снабжена новейшими ручными пулеметами и гранатами.

Англо-французы накопили колоссальные запасы огневых средств. Одних только 75-миллиметровых снарядов было около шести миллионов. Тяжелая артиллерия могла израсходовать до двух тысяч снарядов на каждое орудие — цифра совершенно неслыханная.

Союзники обратили серьезное внимание на участие авиации в бою. Они сильно развили методы совместного действия аэропланов с артиллерией и пехотой. Почти все самолеты были снабжены аппаратами беспроволочного телеграфа. Была разработана целая система условных сигналов, которые позволяли вести «разговоры» между авиацией и пехотой. Особые отряды самолетов выполняли истребительные функции и предназначались для борьбы с неприятельской авиацией.

В ближайшем тылу англо-французов производились громадные инженерные и земляные работы по подготовке плацдарма для атаки. В общей сложности было построено 233 километра железных дорог и 500 километров узкоколейных рельсовых путей. Это дало возможность совершить оперативные перевозки объемом почти в семь тысяч поездов. Были проложены также специальные автомобильные дороги. Повсюду появились многочисленные склады, госпитали и даже целые городки с тыловым хозяйством. Непосредственно на позициях было сооружено 150 больших погребов для снарядов. 230 самолетов, предназначенных для операций, разместились на шести заново построенных аэродромах. Чтобы обеспечить бесперебойное питание войсковых частей водой, было вырыто до двух тысяч колодцев, и только одни англичане уложили свыше 190 километров водопровода. Для артиллерии большой мощности было подготовлено 150 бетонированных площадок с соответствующими убежищами. Дивизии, находящиеся в резерве, могли укрываться в больших убежищах, построенных на глубине десяти метров.

В общем материальная подготовка наступления на Сомме приняла невиданный до того размах, и только в последующие годы, особенно во время крупнейших операций 1918 года, уровень этой подготовки был несколько превзойден.

Во время наступления в Шампани и Артуа осенью 1915 года англо-французское командование надеялось главным образом на безудержный порыв пехотных масс. Теперь был сделан крутой поворот как раз в обратную сторону. Во всех инструкциях и приказах, изданных перед операцией на Сомме, подчеркивались крайний методизм и последовательность в проведении атаки. Пехота имела право штурмовать только те неприятельские позиции, которые входили в зону артиллерийской подготовки. Ей указывались строго намеченные рубежи, переступать которые категорически запрещалось. Затем предполагалось, что артиллерия будет выдвинута вперед, произведет артиллерийскую подготовку в следующей зоне и тогда пехота может доходить до новых рубежей и т. д. Так, например, было точно указано, какие рубежи должны быть достигнуты обязательно одновременно и французами и англичанами. Такой безусловный педантизм был вредной крайностью: он лишал войсковых начальников инициа-

тивы и сыграл отрицательную роль в атаке англо-французов на Сомме.

Эта новая наступательная доктрина отразила те существенные перемены, которые произошли в составе войск с начала войны. Армейская масса была утомлена затянувшейся войной и длительными напряженными сражениями. Под ружье становился «гражданский боец», который уже требовал не только горячей пищи в окопы, но и новой тактики боя. Возможности пехоты стали совсем иными. Даже сами французские генералы должны были это признать. Так, например, генерал Мишле писал: «Без решительной подготовки атаки предварительной бомбардировкой наша пехота вперед не пойдет... В начале войны наша пехота была лучше...». Отсюда и новый лозунг, подчеркиваемый во всех приказах командования: «Артиллерия разрушает, пехота наводняет». Отсюда же и та чрезмерная забота о железном порядке во время наступления. Все это должно было играть роль психологических тисков, которыми полководцы мировой войны пытались искусственно поддерживать моральную устойчивость войсковых масс.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ НА СОММЕ

24 июня по всему фронту англо-французов на Сомме началась грандиозная артиллерийская подготовка. Огонь был чрезвычайно силен. Бомбардировка разрушала, а иногда и буквально уничтожала все препятствия. Нередко неприятельский участок превращался в сплошное поле воронок, почти непригодное для движения пехоты. Частые газовые атаки и обстрелы химическими снарядами должны были потрясать моральную устойчивость германских солдат.

Артиллерийская подготовка длилась шесть дней. В это время многочисленная французская авиация развила настолько активные действия, что достигла полного господства в воздухе. Это позволяло французским артиллерийским наблюдателям почти беспрепятственно корректировать стрельбу своих батарей и подавлять огонь неприятельских орудий.

В первый же день артиллерийской подготовки французские и английские авиаторы атаковали немецкие привязные шары. Каждый аэроплан имел по обе стороны от сиденья летчика ряд ракет, укрепленных вертикально вниз. Состав их был почти такой же, как и у светящихся ракет. Они опускались особым приспособлением, целый ряд одновременно, и когда летчик пролетал метрах в двустах над германским шаром, «дракон» немедленно воспламенялся. Так английские и французские летчики сбили 11 неприятельских шаров. Если прибавить к этому, что почти все телефонные провода в зоне обстрела были перебиты снарядами, то без преувеличения можно сказать, что «глаза и уши» германского командования перестали видеть и слышать.

За шесть дней артиллерийской подготовки одни французы выпустили более 2,5 миллиона снарядов. Это составило бы груз 37 поездов по 30 вагонов в каждом. На каждый метр фронта приходилось по одной тонне стали и взрывчатых веществ.

1 июля пехота французов и англичан начала свои атаки. Перед выходом пехоты из окопов артиллерия не усиливала интенсивность обстрела, чтобы не дать тем противнику сигнала о начале атаки. Штурмующие французские дивизии шли под прикрытием подвижного заградительного огня. Это была плотная стена из снарядов, которая двигалась перед пехотой. К этому сопроводительному огню французские артиллеристы прибавили еще неподвижную заградительную завесу, которая периодически перескакивала с одного рубежа на другой в тот момент, когда ее нагонял подвижный огневой вал, ведущий за собой пехоту. К этому иногда присоединялись еще и боевые завесы, которые окаймляли атакуемый участок с флангов.

Артиллерийский огонь был настолько силен, что во многих местах атакующая пехота доходила под его прикрытием до самых окопов. Особенно большой начальный успех был на участке французов. Германцы вынуждены были отступать и очистили такие важные пункты, как Биош и Барле. Однако командир французского корпуса, выполняя строгое предписание главного командования, приостановил дальнейшее продвижение, достигнув заранее намеченного рубежа. Атака на левом фланге англичан окончилась неудачно. Французы решили дожидаться своих союзников. А тем временем германцы вновь вошли в покинутое было селение. Так до конца всей операции французам и не удалось занять Барле, несмотря на все их последующие настойчивые попытки.

Генерал Хейг решил развивать дальнейшее наступление на своем участке только двумя правофланговыми корпусами англичан. Но и это им удавалось с большим трудом. Продвижение французов к югу от Соммы все время значительно опережало наступление англичан. Это грозило создать опасный разрыв между армиями двух союзников. Поэтому французам приходилось все время сдерживать свои части. Помимо этого, значительное сокращение фронта прорыва привело к тому, что атакующие войска подвергались с севера фланговому огню германцев. Необходимо было расширить прорыв на север. Все это значительно ослабило результаты первого удара и давало германцам достаточно времени, чтобы подтянуть необходимые резервы и предпринять настойчивые контратаки. В начале операции немцы имели на участке Соммы всего восемь дивизий, а к концу июля — уже тридцать.

Прошло уже два месяца непрерывного сражения на Сомме, а союзники смогли продвинуться в глубь расположения германцев всего на 3—8 километров. Повторилась та же история, что была под Верденом. Несмотря на огромное скопление технических средств и длительную подготовку, наступающему не удалось достигнуть никаких решительных результатов. Операция начала принимать затяжной характер и сводилась постепенно к обоюдному истощению сил.

29 августа в германском командовании произошла новая перемена. Фалькенгайн был отставлен, начальником штаба был назначен Гинденбург, а генерал-квартирмейстером — Людендорф.

Новое командование решило прекратить всякие атаки на Верден и перебросить часть войск к Сомме, где союзники опять усилили свои активные действия. Положение немцев было трудным. 39 ди-

визий едва сдерживали натиск франко-британских войск, и германцы не могли отступить, так как в тылу у них не были подготовлены позиции.

Собрав свежие силы и произведя перегруппировку артиллерии, англо-французы решили возобновить наступление на Сомме в начале сентября. Теперь речь уже шла не о широком прорыве и выходе на маневренный простор, а только о постепенном оттеснении германцев с их укрепленных позиций. Союзники вновь пустили в ход колоссальные материальные средства. Тяжелая артиллерия французов насчитывала уже две с половиной тысячи орудий. 3 сентября после ураганной бомбардировки франко-британские войска пошли в атаку. Четыре дня шел ожесточенный бой. В результате англичане продвинулись на коротком участке между селением Жинши и лесом Лез еще почти на два километра. А части 6-й французской армии после повторной атаки 12—13 сентября сделали сильный бросок вперед на пять километров и достигли селения Бушавень. Удар был настолько значителен, что германский фронт оказался прорванным. Французы готовились на другой день к развитию прорыва. Однако за ночь немцы сумели прикрыть образовавшуюся брешь огромной массой пулеметов, и дальнейшее продвижение корпусов Файоля было приостановлено.

15 сентября на фронте англичан раздался необычайный грохот и лязг металла. Германские солдаты, сидевшие в окопах, с ужасом увидели, как на них надвигаются какие-то невиданные стальные чудовища, изрыгающие пулеметный и ружейный огонь.

Это были первые танки. Англичане только что сконструировали в глубочайшей тайне эти новые боевые машины и поспешили использовать их для прорыва германского фронта на Сомме. На поле боя действовало всего 18 танков. Они были очень несовершенны, громоздки и неуклюжи. Чтобы направить танк в какую-либо сторону, два человека должны были с огромной затратой мускульной силы поворачивать хвостовые железнодорожные колеса; скорость танка на местности не превышала двух километров в час; экипаж танка работал в невероятно тяжелых условиях — он угорал от газа и порохового дыма, жара в машине достигала 70°. Однако появление этого нового средства войны было настолько неожиданным, что произвело потрясающее впечатление на атакованные части.

Вот что писала об этом одна из немецких газет: «Все стояли пораженные, как будто потеряв возможность двигаться. Огромные чудовища медленно приближались к нам, гремя, прихрамывая и качаясь, но все время продвигаясь вперед. Ничто их не задерживало. Кто-то в первой линии окопов сказал, что явился дьявол, — и это слово разнеслось по окопам с огромной быстротой».

Танки захватили с одного маха несколько важных пунктов, которые до этого англичане атаковали совершенно бесплодно в течение 35 дней.

Все же первые танки не могли повлиять решающим образом на исход всей операции, их боевые качества были еще очень низкими. Через два-три часа боя полуразбитые машины надо было отводить в тыл, а многие из них пришлось и вовсе бросить на поле сражения.

Да и общее количество танков было слишком невелико, чтобы они могли сыграть серьезную роль. Они дали возможность англичанам продвинуться всего на два километра в глубину и затем сошли с арены военных действий на целый год.

С наступлением осени пошли беспрерывные дожди. Началась знаменитая «грязь Соммы», причинявшая войскам большие страдания. Истощение сил достигает крайних пределов. Среди солдатских масс обеих сторон возникает глухое брожение. Так, например, один французский полк, находившийся южнее Соммы, самовольно покинул окопы и ушел в тыл. А Людендорф так характеризует тогдашнее состояние немецких войск: «Войска постепенно изнашивались. Все висело на волоске... Все время приходилось придумывать новые подпорки на фронте...»

В конце ноября сражение окончательно заглохло.

Операция на Сомме длилась почти пять месяцев, и за это время атакующий успел продвинуться немногим более чем на 10 километров в глубь неприятельского фронта. Англичане и французы добились некоторых тактических успехов, вытеснив германцев с их хорошо укрепленных позиций, однако изменить общего стратегического положения им не удалось.

ПРИЗРАК РЕВОЛЮЦИИ

Как только были прекращены атаки на Сомме, внимание французов вновь обратилось к Вердену. Германцы уже были значительно ослаблены в результате трех крупнейших операций этого года.

24 октября три французские дивизии взяли форт Дуомон. Их атаку подготовили 400 орудий, в большинстве крупных калибров. 2 ноября немцы вынуждены были оставить форт Во, еще через три дня их оттеснили от селения Во и Дамплю, и уже к 18 декабря было восстановлено то положение, которое существовало перед началом общего наступления немцев. А в августе следующего года французы оттеснили противника по обоим берегам Мааса на ту линию, с которой германские дивизии начали утром 21 февраля 1916 года свою атаку.

В последнем наступлении французы имели огромное богатство артиллерии и огнеприпасов. Для подготовки и поддержки атаки было сосредоточено более 2 500 орудий; на каждые 7 метров фронта приходилось по одному орудию; было выпущено 4 миллиона снарядов, для доставки которых потребовалось 360 поездов по 30 вагонов: на каждый метр фронта упало в среднем по 6 тонн металла— плотность огня возросла в шесть раз по сравнению с крупнейшими артиллерийскими сражениями 1916 года под Верденом и на Сомме.

Огромное и кровопролитное сражение под Верденом действительно превратилось в «верденскую мясорубку». За год верденской эпопеи французы потеряли 350 тысяч человек, а германцы, по французским подсчетам, — 600 тысяч.

Когда заглохли атаки под Верденом, германское командование повело наступление на Румынию. Это было единственное и последнее место, где можно еще было предпринять маневренные операции.

В течение декабря 1916 года ударные группы Макензена и Фалькенгайна, состоявшие из германских, австрийских, турецких и болгарских войск, прошли по всей Румынии, взяли ее столицу Бухарест и дошли почти до самой границы с Россией. Но здесь подоспели русские корпуса, и наступление было приостановлено. А затем весь румынский фронт был скован неподвижностью позиционной войны.

Итак, к концу 1916 года на всех фронтах мировой войны попрежнему тянулся непроходимый барьер окопов и траншей. С стратегической точки зрения все широкие наступательные действия, которые предприняли германцы под Верденом, австрийцы у Трентино, англо-французы на Сомме, кончились ничем. Даже замечательный прорыв брусиловских армий не мог принести существенных изменений. Были лишь отдельные тактические успехи, которые демонстрировали бесконечное богатство техники истребления и разнообразных методов ведения боя. Но в то же время это было наглядной демонстрацией полного бессилия буржуазного военного искусства перед тупиком позиционной войны. До конца мировой схватки империалистических хищников было еще далеко.

Миллионные жертвы и ужасы кровопролитных сражений рождали в душе солдата протест, сначала неясный, а затем все более направленный в сторону тех, кто посылал его на эту бессмысленную, жестокую бойню. Вместе с новыми пополнениями из тыла приходил и новый солдат, который уже не желал бессловесно умирать за чужое ему дело. Неповиновение и невыполнение приказов в войсках к концу 1916 года заметно участились. На русском фронте были даже первые случаи братания. Во всех армиях усилились репрессии и расстрелы за дезертирство. В горниле мировой войны рождался грозный призрак революции.

IV. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЫХОД ИЗ ВОЙНЫ

КРИЗИС ЗРЕЕТ

Царская Россия вступила в мировую войну неподготовленной. Незадачливые руководители военного ведомства рассчитывали, что война продлится не более четырех — шести месяцев, и военных запасов хватило только на первые четыре месяца войны. Пополнения шли на фронт невооруженными, в царской армии постоянно ощущался недостаток в пушках, снарядах, винтовках.

Даже после того как началась война и со всей очевидностью обнаружилась техническая неподготовленность русской армии, царские бюрократы не сочли необходимым привлечь промышленность к снабжению армии — они боялись усиления буржуазии. И только 17 августа 1915 года, в момент беспорядочного отступления русской армии, царь опубликовал закон о создании особых совещаний по обороне, перевозкам, топливу и продовольствию. Самодержавие призывало буржуазию к работе по снабжению армии. «Эта задача отныне вверена вам, господа», — говорил Николай II на торжественном открытии совещания, обращаясь к представителям буржуазии.

Во главе совещаний были поставлены министры. Совещания получили широкие полномочия, особенно совещание по обороне, которое подчинялось непосредственно верховной власти. Однако все это не помогло организовать военное производство. Буржуазия заботилась только о получении крупных и выгодных заказов, занималась спекуляцией.

Мировая война была выгодна буржуазии всех стран, в том числе и русской. Русские капиталисты получали баснословные прибыли на военных поставках. Только по 142 наиболее крупным текстильным предприятиям прибыль капиталистов возросла с 60 миллионов рублей в 1913 году до 174 миллионов в 1915 году. Капиталисты льняной промышленности получили в 1915 году вдвое больше прибыли, чем до войны.

Однако длительная война потребовала величайшего напряжения экономики страны и привела к хозяйственной разрухе. Некоторое расширение военной промышленности создало в первые годы войны иллюзию общего подъема. Общая стоимость продукции русской промышленности возросла с 5 620 миллионов рублей в 1913 году до 6 831 миллиона в 1916 году. Однако за суммарными цифрами скрывался упадок основных отраслей промышленности. Уже в 1915 году предприятия, не работавшие на оборону, сократили выпуск продук-

ции почти на 22 процента. Вскоре прекратился подъем и военной промышленности. В стране нехватало топлива. Непрерывно падала производительность труда в Донбассе. До войны на каждого шахтера приходилось более 12 тонн угля в месяц, в 1915/16 году — 11,3 тонны, а зимой 1916 года — всего 9,26 тонны.

Особенно ощутимо отражался недостаток топлива на производстве чугуна и стали, а также на состоянии транспорта. В 1916 году прекратили работу 36 доменных печей, а к концу этого же года металлургические заводы давали только половину металла, необходимого для военной промышленности.

Железнодорожный транспорт России даже в первые годы войны плохо справлялся с военными перевозками. Количество неперевезенных грузов быстро увеличивалось. Уже во второй половине 1914 года оно составляло 84 тысячи вагонов, а в начале 1916 года возросло до 127 тысяч вагонов. На транспорте образовывались заторы неперевезенных грузов, приводившие к расстройству работу железных дорог. По свидетельству Штюрмера, занимавшего в то время пост председателя Совета министров, «были такие пробки вагонов, что для того, чтобы двинуть пришедшие вновь вагоны, надо было скидывать с насыпи другие вагоны» [1].

Развал транспорта усиливал разруху и в других отраслях хозяйства. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев 15 июля 1916 года сообщал царю:

«В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте... В среднем заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60 процентов своей потребности, а для Петроградского района вместо необходимых 18½ миллионов пудов, по заявлению министра путей сообщения, возможно перевезти лишь 8 миллионов. При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу» [2].

Плохая работа транспорта способствовала усилению продовольственного кризиса. В стране еще были огромные запасы хлеба, а в крупных городах уже ощущался в нем большой недостаток. Около миллиарда пудов зерна не могло быть переброшено в города из-за отсутствия транспорта. Развивалась спекуляция хлебом. Уже осенью 1915 года города сидели на голодном пайке, а армия получала только половину продовольственной нормы.

Империалистическая война привела к упадку сельского хозяйства. Сократились посевы зерна, резко пала товарность крестьянского хозяйства. Наиболее работоспособная часть населения была призвана в армию и таким образом оторвана от сельского хозяйства. Почти половина общего числа взрослых мужчин находилась в армии, и в деревне нехватало работников. Непрерывные реквизиции лошадей, рогатого скота, упряжи также сильно подрывали сельское хозяйство.

Особенно губительное влияние на народное хозяйство оказали военные действия в районах, прилегающих к фронту. Эвакуации

[1] История гражданской войны, изд. 2-е, т. I, стр. 25.
[2] Там же, стр. 26.

охватили в царской России громадную площадь, превышающую полмиллиона квадратных километров с населением в 25 миллионов человек. Тысячные толпы беженцев наполнили тыл. Они несли с собою панику и дезорганизацию. Это еще больше расстраивало хозяйственную жизнь страны.

К началу 1917 года продовольственная, сырьевая и топливная разруха достигла своего предела. Окончательно пришел в упадок и транспорт. Снабжение армии боеприпасами производилось с большими перебоями. Еще в мае 1916 года тяжелые орудия Западного фронта были обеспечены снарядами лишь на несколько дней интенсивного боя. На Юго-западном фронте за весенние бои 1916 года были полностью израсходованы все снаряды.

Не лучше обстояло дело и с продовольственным снабжением. В начале февраля 1917 года запасов продовольствия на Северном фронте оставалось на два дня, на Западном фронте перешли на консервы и сухари, на Юго-западном — солдатам выдавалось только по одной селедке в день. Почти совсем прекратился подвоз продуктов в Петроград и Москву. Осенью 1916 года Петроград получал только третью часть необходимых ему продуктов. У магазинов еще с вечера вырастали огромные очереди, но и голодного пайка для всех нехватало. Возмущение все больше и больше охватывало массы.

В августе 1916 года председатель Центрального военно-промышленного комитета крупный капиталист Гучков, занимавший впоследствии пост военного и морского министра Временного правительства, писал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву:

«Мы в тылу бессильны или почти бессильны... Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать» [1].

ВОЙНА И БОЛЬШЕВИКИ

Когда разразилась мировая война, социал-демократические партии II Интернационала изменили делу международной солидарности пролетариата и открыто перешли на сторону своих империалистических правительств, стали сторонниками войны.

Во всем мире только одна партия осталась верной великому делу пролетарского интернационализма, сразу же и без колебаний подняв знамя решительной борьбы против империалистической войны. Это была партия большевиков, выпестованная великим Лениным.

С первых же дней войны большевистская партия учила широкие массы трудящихся, что война начата не для защиты отечества, а для ограбления чужих народов в интересах помещиков и капиталистов. Большевики разоблачали классовый, грабительский характер империалистической войны и организовали активную революционную борьбу за мир, связывая дело мира с победой пролетарской революции. Большевики считали, что наиболее верным средством для лик-

[1] История гражданской войны, т. I, стр. 29.

видации войны и установления справедливого мира является свержение власти воинствующей империалистической буржуазии. Поэтому против предательского меньшевистско-эсеровского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны большевики выдвинули революционный лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую».

«...Только революционное свержение буржуазных правительств, и в первую голову самого реакционного, дикого и варварского царского правительства, открывает дорогу к социализму и к миру между народами», — писал Ленин в воззвании о войне [1].

Большевики считали, что военное поражение царского правительства в империалистической войне было бы наименьшим злом для народа, так как оно облегчило бы победу народа над царизмом и успешную борьбу рабочего класса против капиталистического рабства и империалистических войн. Поэтому против меньшевистско-эсеровского лозунга «защиты отечества» большевики выдвинули лозунг «поражения своего правительства в империалистической войне». Этот лозунг практически означал голосование против кредитов на войну, создание нелегальных революционных организаций в армии и флоте, подготовку антивоенных революционных выступлений рабочего класса и крестьян в тылу и поддержку братания солдат воюющих армий на фронте.

Громадную революционную работу провела в годы войны большевистская партия среди армии и флота. В воинских частях, расположенных на фронте и в тылу, большевики создавали свои ячейки, распространяли многочисленные листовки с призывами против войны. Полиция была бессильна искоренить подпольные революционные организации. Вот один из многих «отзывов» царской полиции о работе этих организаций:

«Ленинцы, приобревшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа ленинцев имела своим осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков» [2].

В Кронштадте большевики создали «Главный коллектив кронштадтской военной организации», находившийся в тесной связи с Петроградским комитетом партии. «В кронштадтском коллективе дело поставлено очень серьезно, конспиративно, и участники — все молчаливые и осторожные люди. Коллектив этот имеет представителей и на берегу», — доносил начальник петроградской охранки в августе 1916 года.

Трудящимся всех стран, в том числе и русскому народу, были чужды империалистические цели, во имя осуществления которых

[1] В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 183.
[2] История гражданской войны, т. I, стр. 33.

капиталисты затеяли кровавую мировую бойню. Голод и непрерывные поражения царской армии еще более озлобляли солдат. В армии росло недовольство, постепенно переходившее в глухое брожение, а потом и в активные выступления против царского строя. Авторитет командного состава падал. Солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление.

«Я в наступление ходил четыре раза, только ничего не вышло: не пошли наши полки наступать. Кое-кто пошел, а кое-кто не вышел из окопов, так и я не вылез из окопов», — писал солдат 408-го пехотного Кузнецкого полка Северного фронта» [1].

По данным царской цензуры, вскрывавшей письма с фронта, более 60 процентов солдат писало о неуклонном росте пораженческих настроений в армии. Более полутора миллионов дезертиров насчитывала царская армия уже в 1916 году.

Настойчиво и неуклонно проводя политику поражения своего правительства в империалистической войне, партия большевиков вела агитацию за братание между солдатами воюющих армий. Лозунг братания был практической составной частью большевистского лозунга о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Братание укрепляло сознание интернационального единства солдат, расшатывало силы империалистических армий, поднимало солдат на борьбу со своей отечественной буржуазией. П. А. Карнаухов, бывший солдат царской армии, так рассказывает о братании на австрийском фронте:

«На фронте зимой 1916 года было спокойно. На передовой линии случалось, что солдаты, видя противника, уже не стреляли. Тем же отвечали и австрийцы. Иногда австрийцы кричали: «Пане! Кончайте войну!» И звали к себе русских, а русские — австрийцев. У нас еще с октября 1916 года на нашем участке началось братание с неприятелем, за что, конечно, немало влетало от офицерства, а в январе братание у нас уже стало обычным явлением. Доходило до того, что наши солдаты обменивались разными вещами, давая хлеб, сахар и получая ножичек, бритву» [2].

Буржуазия стремилась представить империалистическую войну как войну всенародную. Добившись во время войны большого влияния на государственные дела, буржуазия создала так называемые военно-промышленные комитеты. Она принимала все меры, чтобы подчинить своему руководству и влиянию рабочих. Буржуазия пыталась вовлечь в военно-промышленные комитеты представителей рабочих, которые агитировали бы среди пролетарских масс за повышение производительности труда на всех фабриках и заводах, работающих на войну, «Все для войны, все на войну» — таков был лозунг буржуазии.

Большевики выступили против военно-промышленных комитетов и участия в них рабочих. И когда в сентябре 1915 года состоялись выборы «рабочих групп» военно-промышленных комитетов, большинство представителей рабочих вынесло резкую резолюцию против уча-

---

[1] История гражданской войны, т. 1, стр. 30.
[2] Там же, стр. 35.

стия в этих комитетах, заявив, что задача рабочих — бороться за мир, за свержение царизма.

Буржуазия была недовольна самодержавием. Она видела, что царское правительство неспособно успешно продолжать войну. Непрерывно увеличивалась хозяйственная разруха, росло революционное движение в широких массах трудящихся. Буржуазия опасалась, что царизм может пойти на заключение сепаратного мира с немцами. Еще в августе 1915 года крупнейший промышленник Рябушинский на совещании военно-промышленных комитетов заявил:

«Стране пора узнать, что мы бессильны что-либо сделать при существующих к нам отношениях самого правительства, не стоящего на должной высоте. Мы вправе потребовать, чтобы нам была дана возможность работать, раз на нас взваливают эту ответственность... Мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте своего положения» [1].

Русская буржуазия при поддержке английского и французского правительств решает произвести дворцовый переворот с целью сместить царя Николая II и заменить его связанным с буржуазией Михаилом Романовым. Вопрос о перевороте обсуждался, по свидетельству тогдашнего английского посла Джорджа Бьюкенена, в английском посольстве. «Дворцовый переворот, — сообщает Бьюкенен в своих мемуарах, — обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя» [2].

Дворцовым переворотом буржуазия пыталась одновременно убить двух зайцев: во-первых, захватить власть и продолжать империалистическую войну, во-вторых, небольшим дворцовым переворотом предупредить нарастающую народную революцию.

Однако попытка буржуазии дворцовым переворотом разрешить тяжелый кризис, в который завело Россию царское самодержавие, была бита. Под руководством партии большевиков русский народ разрешил этот кризис по-своему.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Несмотря на преследования и репрессии, большевистская партия в годы мировой войны широко развернула революционную работу не только на фронте, но и в тылу. На фабриках и заводах росло количество большевистских кружков. Усилилось распространение революционной литературы. В середине октября 1916 года Петроградский комитет партии большевиков обратился с призывом к пролетариату столицы:

«С каждым днем жизнь становится все труднее... Преступная война... кроме миллионов убитых и искалеченных... несет в себе и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак Царь-Голод... вновь угрожающе надвигается на Европу... Довольно терпеть и молчать... Чтобы устранить

[1] История гражданской войны, т. I, стр. 14.
[2] Там же, стр. 52.

дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества»[1].

17 октября 1916 года в Петрограде забастовали рабочие завода «Рено». Началась массовая демонстрация. Против казарм 181-го полка полиция хотела арестовать агитатора, но рабочие его отстояли. На помощь рабочим из казарм выбежали солдаты, в городовых полетели камни. На следующий день бастовало большинство фабрик и заводов Выборгской стороны.

Всего в октябре бастовало 187 тысяч человек, вчетверо больше, чем в предыдущем месяце. Октябрьские забастовки носили политический характер, ими руководила партия большевиков.

Начало 1917 года характеризовалось еще бóльшим подъемом стачечной волны. 9 января, в день годовщины расстрела рабочей демонстрации 1905 года, по призыву большевистской партии в Петрограде, Москве и других городах состоялись многотысячные антивоенные демонстрации.

«Идея всеобщей стачки, — доносила петроградская полиция, — со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была и в 1905 г.»[2].

К революционному движению в городе примкнула деревенская беднота. Постоянные реквизиции и многочисленные мобилизации вконец подорвали хозяйство бедняцких и значительной части середняцких слоев деревни. Крестьянство отказывалось итти в армию.

Полиция жестоко расправлялась с забастовщиками. Были произведены массовые аресты. Но через несколько дней стачки повторились с новой силой. 18 февраля началась забастовка рабочих Путиловского завода в Петрограде. 23 февраля (8 марта), в Международный день работниц, состоялись внушительные демонстрации против голода, войны и царизма.

Революция развивается бурными темпами. 24 февраля (9 марта) в Петрограде бастуют уже 200 тысяч рабочих. 25 февраля революционное движение охватывает весь город. Политические стачки перерастают в общую политическую демонстрацию против царизма: «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба!» — эти лозунги написаны на красных знаменах демонстрантов. Генерал Хабалов, командующий войсками Петроградского военного округа, получает от царя приказ: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Но «прекратить» революцию оказалось невозможным.

26 февраля (11 марта) политические стачки начинают перерастать в попытки восстания. Рабочие разоружают полицию и вооружаются сами. Демонстрации рабочих различных районов Петрограда направляются к Невскому. Их встречают ружейным и пулеметным огнем полицейские и воинские заставы. Весь день идет стрельба. На сторону восставшего народа переходят войска. 26 февраля 4-я рота запасного батальона Павловского полка открыла огонь по отрядам конных городовых, стрелявших в рабочих. В этот день бюро

---

[1] История гражданской войны, т. I, стр. 45—46.

[2] Там же, стр. 52.

Центрального комитета партии большевиков, которым руководил т. Молотов, выпустило манифест с призывом к продолжению вооруженной борьбы против царизма и к созданию Временного революционного правительства.

Утром 27 февраля (12 марта) на сторону революции перешли уже 10 тысяч солдат Петроградского гарнизона, а к вечеру того же дня их число превысило 60 тысяч. Восставший народ арестовывает царских министров и генералов, освобождает из тюрем революционеров. Февральская буржуазно-демократическая революция, застрельщиком и гегемоном которой был рабочий класс, победила.

«Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года...», — писал Ленин в «Письмах издалека» в марте 1917 года [1].

Февральская революция дала власть буржуазии, которая и не думала о прекращении империалистической войны. Буржуазное Временное правительство и эсеро-меньшевистские соглашатели, захватившие в первое время руководство большинством Советов рабочих и солдатских депутатов, стремились продолжать войну «до победного конца». И только партия большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, боролась против войны, за мир, за хлеб, за социалистическую революцию.

Ночью 3 (16) апреля 1917 года в Россию вернулся Ленин. Встречать Ленина собрались тысячи петроградских рабочих, солдат и матросов. Здесь же, на площади перед Финляндским вокзалом, с броневика Владимир Ильич обратился к трудящимся массам со страстным призывом к борьбе за победу социалистической революции. «Да здравствует социалистическая революция!» — этими словами закончил Ленин свою историческую речь.

Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина развертывает на фронте и в тылу громадную работу, подготовляя массы к Октябрьской социалистической революции. В это время буржуазное Временное правительство продолжает творить свое противонародное дело. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков 18 апреля спешит заверить империалистических союзников России о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы и намерении Временного правительства вполне соблюдать обязательства, принятые по отношению к нашим союзникам».

Через день об этом заявлении Милюкова узнают рабочие и солдаты. Возмущенный народ по призыву Центрального комитета партии большевиков 20—21 апреля под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть советам!» выходит на демонстрацию протеста против империалистической политики Временного правительства. Контрреволюционные генералы отдают приказы о расстреле демонстрантов.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 15.

Но воинские части отказываются выполнять эти приказы. События 20—21 апреля были началом кризиса Временного правительства.

В начале мая, когда пост военного и морского министра занял Керенский, начинается лихорадочная подготовка к активным действиям на фронте. Керенский объезжает воинские части и бешено агитирует за общее наступление. В этом ему деятельно помогают эсеро-меньшевистские советы и фронтовые комитеты, особенно Юго-западного фронта. Однако находящиеся в окопах солдаты враждебно относятся к такого рода «агитаторам». Солдаты устали воевать, они начинают понимать, что воюют за чужие интересы. Громадное большинство солдат — против всяких наступательных действий. Вот одно из писем солдат того времени, характеризующее настроения в армии:

«Если война эта скоро не кончится, то, кажется, будет плохая история, когда же досыта напьются наши кровожадные, толстопузые буржуи? И только пусть они посмеют еще войну затянуть на несколько времени, то мы уже пойдем на них с оружием в руках и тогда уже никому не дадим пощады. У нас вся армия просит и ждет мира, но вся проклятая буржуазия не хочет нам дать и ждет того, чтобы их поголовно вырезали» [1].

Армия разлагалась на глазах. Этого не могли не видеть и ее руководители. Командующий Юго-западным фронтом генерал Брусилов на совещании командующих фронтами, созванном 4 мая 1917 года, дал объективную характеристику положения армии:

«Один из полков заявил, что он не только о т к а з ы в а е т с я н а с т у п а т ь, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк и когда спросил, согласны ли со мной, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мной появился плакат: «Мир во что бы то ни стало, долой войну...» В результате мне дали слово стоять, н о н а с т у п а т ь о т к а з а л и с ь, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, е с л и н е б у д е м н а с т у п а т ь м ы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей — зачем же калечиться» [2].

Солдаты быстро освобождались от оборонческих иллюзий. В этом им содействовали военные организации большевистской партии, широко развернувшие свою работу в армии и флоте. В деле революционизирования армии большое значение имела большевистская печать, особенно фронтовая газета «Окопная правда». Большевистские газеты завоевали громадный авторитет и любовь у солдат. Их зачитывали до дыр. Несмотря на запрещения, газеты проникали буквально всюду. Вокруг них организовывались большевистские ячейки.

В те дни, когда контрреволюционное Временное правительство принимало все меры, чтобы спровоцировать армию на переход в наступление, в Петрограде состоялась Всероссийская конференция военных организаций большевистской партии. Около 160 делегатов конференции, съехавшихся с различных фронтов, представляли собой

[1] З а й о н ч к о в с к и й, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, стр. 131
[2] История гражданской войны, т. I, стр. 128.

26 тысяч солдат, организованных в большевистские ячейки. В течение 10 дней, с 16 по 26 июня, конференция, руководимая Лениным и Сталиным, обсудила важнейшие вопросы текущего момента. С докладами об организации власти Советов рабочих и солдатских депутатов и об аграрном вопросе выступил Ленин. Доклад о национальном движении и национальных полках сделал товарищ Сталин. Конференция заслушала сообщения с мест о положении на фронтах и наметила очередные задачи работы большевистских ячеек в армии. Было несомненно, что авторитет партии большевиков среди солдат непрерывно растет.

Однако буржуазия решила продолжать империалистическую войну. 18 июня (1 июля) 1917 года, выполняя волю империалистов Англии и Франции, Временное правительство погнало солдатские массы в наступление.

План этого наступления был разработан по указанию союзников еще до Февральской революции. Основной удар предполагалось нанести армиями Юго-западного фронта. Северный и Западный фронты активными действиями должны были помогать наступлению. На 70-километровом участке фронта командование русской армии собрало около 300 тысяч солдат. Здесь же было сосредоточено более 500 тяжелых и средних орудий и около 800 легких пушек. После весьма эффективной двухдневной артиллерийской подготовки русские войска перешли в наступление и почти без потерь заняли неприятельские окопы. Но царские генералы не смогли использовать успех. Технически наступление было подготовлено плохо, нехватало снарядов, недостаточно использовались резервы. Заняв окопы, солдаты не знали, что́ делать дальше. Прошло несколько дней, и искусственно созданный боевой порыв иссяк. Противник переходит в контрнаступление. Посланные в атаку силой и обманом, русские части покидают позиции. Русскому народу дорого стоила кровавая авантюра Временного правительства. За десять дней наступления армии одного только Юго-западного фронта потеряли около 60 тысяч человек.

Продолжая империалистическую войну, буржуазия хотела играть без проигрыша. В случае победы на фронте она надеялась разогнать Советы и раздавить большевиков. В случае поражения всю вину можно было взвалить также на большевиков, обвинив их в разложении армии. В том и в другом случае буржуазия лелеяла надежду покончить с революцией. И когда в штабе главнокомандующего были получены первые известия о поражении, генерал Брусилов телеграфировал Керенскому:

«...части отказываются занимать позиции и категорически высказываются против наступления... В некоторых полках открыто заявляют, что для них кроме Ленина нет других авторитетов...»[1]

В столице снова начались демонстрации. Для их подавления Временное правительство вызывает с фронта контрреволюционные части. В июльские дни 1917 года улицы Петрограда обагрились кровью рабочих и солдат. Временное правительство вступило на путь воору-

1 История гражданской войны, т. I, стр. 128.

женной расправы с революционным движением. Вслед за расстрелом июльской демонстрации юнкера громят редакцию «Правды» и другие большевистские газеты. На фронте и в тылу подвергаются аресту деятели большевистской партии. Партия уходит в подполье и деятельно готовится к вооруженному восстанию.

Через пять месяцев после свержения царизма, 26 июля 1917 года, в нелегальных условиях собирается VI съезд партии большевиков. Ленина не было на съезде. Преследуемый ищейками Временного правительства, он вынужден был скрываться в это время в шалаше близ станции Разлив. Работой съезда руководил товарищ Сталин.

«Мирный период революции кончился, — говорил товарищ Сталин на съезде, — наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»

Значение VI съезда партии в деле подготовки пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию было исключительно велико. «...VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию»[1].

Большевистская партия собирает силы для решительного боя с эксплуататорами. Но буржуазия не дремлет. Она переходит к политике неприкрытой контрреволюционной диктатуры. На фронте свирепствуют полевые суды и смертная казнь. Костлявой рукой голода буржуазия пытается задушить революцию.

Но этого мало. Банкиры, купцы и фабриканты вкупе с капиталистами Англии и Франции открыто готовили заговор против революции. Во главе этого заговора был поставлен контрреволюционный генерал Корнилов. 25 августа 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова был снят с фронта и двинут на Петроград.

Центральный комитет партии большевиков призывает рабочих и солдат к вооруженному отпору контрреволюции. Быстро растут отряды Красной гвардии. Профсоюзы мобилизуют своих членов. Приводятся в боевую готовность революционные воинские части Петрограда и отряды кронштадтских матросов. Под Петроградом роются окопы и возводятся проволочные заграждения. Железнодорожники разбирают пути, задерживая продвижение корниловских эшелонов. А в корниловских частях уже деятельно работают большевистские агитаторы. Все это внесло разложение в войска заговорщиков, корниловщина была разгромлена, попытка помещиков и буржуазии подавить революцию провалилась.

Разгром корниловщины с исключительной ясностью показал, что партия большевиков является решающей силой революции, способной разбить любые происки контрреволюции.

Быстро растет авторитет большевистской партии среди трудящихся города и деревни. Усиливается влияние большевиков в Советах. Советы становятся большевистскими. Непрерывно нарастает подъем революции.

10 октября 1917 года Центральный комитет партии большевиков под руководством Ленина и Сталина принимает историческое решение о том, чтобы в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 191.

«Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание» [1].

И вооруженное восстание совершилось. В ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 года революционные рабочие, солдаты и матросы взяли штурмом Зимний дворец и арестовали Временное правительство.

Социалистическая революция в России, открывшая новую эру в истории человечества — эру пролетарских революций, — победила.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Большевики принимали все меры к тому, чтобы борьба против империалистической войны велась не только русскими революционерами, но и революционными рабочими партиями в с е х воюющих стран.

С первых же дней мировой войны Ленин стал собирать силы для создания нового Интернационала, Коммунистического, вместо потерпевшего позорный крах II Интернационала. Центральный комитет большевистской партии уже в ноябре 1914 года в манифесте против войны поставил задачу создания III Интернационала.

Почти год спустя, в сентябре 1915 года, в швейцарском городе Циммервальде состоялась первая конференция интернационалистов. В образованной Лениным на этой конференции Циммервальдской левой группе только партия большевиков занимала единственно правильную, последовательную позицию против империалистической войны. Принятый конференцией манифест фактически все же означал шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом, хотя и страдал непоследовательностью и недоговоренностью. Ленин назвал Циммервальдскую конференцию «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны.

Прошел еще год. Под влиянием войны и вызванных ею бедствий все увеличивалось полевение масс.

В 1916 году в Кинтале (Швейцария) собралась вторая конференция интернационалистов. Эта конференция также не приняла основных положений политики большевиков: превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражение в войне своих империалистических правительств, создание III Интернационала. Однако Кинтальская конференция способствовала выделению интернациона-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 330

листических элементов, из которых три года спустя образовался Коммунистический III Интернационал, марксистско-ленинский Интернационал, международная революционная пролетарская организация нового типа.

БРЕСТСКИЙ МИР

Ночью 26 октября (8 ноября) 1917 года II Всероссийский съезд Советов принял важнейшие декреты советского правительства: об отмене частной, помещичьей собственности на землю и о мире. Съезд предложил воюющим странам немедленно заключить перемирие. Однако Англия и Франция отказались от переговоров о мире. И только с Германией и Австрией 5 декабря в Брест-Литовске было заключено соглашение о временном прекращении военных действий.

Брест-литовские переговоры происходили в обстановке разрухи народного хозяйства, развала фронта. Молодая Советская республика вынуждена была пойти на тяжелые условия мира, чтобы получить передышку, укрепить советскую власть и создать свою армию — Красную Армию рабочих и крестьян, способную защитить страну от нападения врагов.

Однако все контрреволюционеры, начиная от отъявленных белогвардейцев и кончая меньшевиками и эсерами, а также их союзниками — Троцким и враждебной партии группой «левых» коммунистов, возглавляемой Бухариным, Пятаковым и Радеком, вели бешеную агитацию против подписания мира. Они принимали все меры, чтобы сорвать мирные переговоры и спровоцировать наступление немцев на Советскую республику. Троцкисты и бухаринцы требовали продолжения войны. Этим они ставили под удар германского империализма завоевания рабочих и крестьян нашей страны. Это была провокаторская политика, маскируемая левыми фразами.

Председателем советской делегации в Бресте был Иуда-Троцкий. Он предательски нарушил директивы большевистской партии, директивы Ленина и Сталина о заключении мира. Троцкий заявил, что Советская республика мира с Германией не подпишет и войну также вести не будет. Это было чудовищным предательством интересов Советской страны.

10 февраля 1918 года мирные переговоры были прерваны, а 18 февраля армия кайзера перешла в общее наступление на громадном фронте от Финляндии до Кавказа. Развалившаяся старая армия не могла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления немцам. Уже через два часа после начала наступления германские войска захватили Двинск и быстро продвигались к Петрограду.

Партия большевиков и советское правительство бросают клич: «Социалистическое отечество в опасности!» И советский народ организует отпор интервентам.

Героически защищали свое социалистическое отечество молодые, только что созданные отряды Красной Армии. 23 февраля армия революционного народа под Нарвой и Псковом дала решительный отпор вооруженным до зубов войскам Вильгельма и приостановила их продвижение на Петроград. Однако предательство Троцкого и Буха-

рина дорого обошлось Советской республике. Центральный комитет партии вынужден был для спасения революции принять значительно более тяжелые условия немецкого командования. Значительная часть территории бывшей России отходила к Германии. Советский народ обязан был платить большую контрибуцию.

Значение Брестского мира было огромно. Партия большевиков выиграла время для укрепления советской власти, организации хозяйства страны и создания Красной Армии. Заключение мира дало возможность Советской республике накопить силы для разгрома белогвардейцев и интервентов во время гражданской войны.

V. КРОВАВАЯ ПОБЕДА

БЕСПЛОДНАЯ КАМПАНИЯ

Уже три года бушевал пожар мировой войны. Шел к концу 1917 год. Этот год, не приведший к стратегическому успеху ни одну из воюющих коалиций империалистов, тем не менее был богат событиями огромной важности.

Основным и главным событием была Великая Октябрьская социалистическая революция в России, впервые прорвавшая фронт империализма и нанесшая чувствительный удар классовому господству капиталистов во всем мире. Революция в России, казалось бы, ослабляла Антанту и обеспечивала более выгодные условия дальнейшей борьбы для германского империализма. Именно так и расценивало ее германское верховное командование. Однако подобный взгляд был в корне ошибочен: победа пролетарской революции в России оказывала непосредственное влияние на массы в с е х воюющих стран. Ее отзвуками были революционные волнения и выступления как во французской, так и в германской армиях. И на германскую армию она должна была произвести и произвела более сильное воздействие, так как германские солдаты, воевавшие против России, непосредственно соприкасались с революционными идеями русских солдат. Кроме того, Германия и ее союзники были истощены и ослаблены войной в значительно большей степени, чем их противники.

Впрочем, никто из буржуазных министров и генералов в Западной Европе не мог оценить истинные размеры влияния революции в России на дальнейшие судьбы мира. Выход из войны пока был завоеван лишь одним русским народом; кровавое побоище продолжалось, но массы все громче и сильнее поднимали голос протеста и возмущения против империалистической войны.

Другим крупным событием 1917 года было вступление в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки. Эта сильнейшая капиталистическая держава мира отлично заработала на европейских делах: война оказалась прибыльнейшим предприятием, в которое американские капиталисты вложили огромные материальные средства. Антанта предполагала в 1917 году добиться победоносного окончания войны, и американский империализм желал принять непосредственное участие в дележе военной добычи. Это заставило США поторопиться с вступлением в войну. Вскоре был найден и удобный официальный повод — «беспощадная» подводная война, объявленная Германией 9 января 1917 года.

США, действительно, несли чувствительный урон от германских подводных лодок, топивших американские торговые корабли. Буржуазная пропаганда, умело используя и раздувая негодование масс против действий германского флота, добилась того, что, когда 2 апреля 1917 года президент Вильсон обратился к конгрессу с предложением объявить Германии войну, значительная часть конгресса поддержала этот шаг правительства. 6 апреля США официально вступили в войну, тем самым безмерно усилив Антанту.

Правда, реальную помощь живой силой США не могли оказать немедленно. Соединенные Штаты до 1917 года обладали малочисленной (190 тысяч человек), плохо обученной армией, разбросанной по всей стране и не имевшей устойчивой организации. Требовалось немалое время для того, чтобы миллионная американская армия могла появиться на европейском континенте. Боязнь растущего революционного движения толкнула империалистов Антанты, не дожидаясь поддержки американских войск, попытаться в 1917 году сокрушить своих противников. Буржуа хотели скорее кончить войну, но окончить ее империалистическим миром.

Таким образом, 1917 год на западноевропейском театре прошел под знаком наступательной инициативы Антанты.

Для Германии и ее союзников кампания 1917 года носила характер стратегической обороны, соединенной с ударом по главному противнику — Англии, путем неограниченной подводной войны.

В расчеты германского генерального штаба входило и широкое развертывание воздушной войны. Нападениями на крупные города Англии и Франции, прежде всего на Лондон и Париж, немцы рассчитывали создать панику у населения стран Антанты и этим ускорить поражение союзников.

Итак, оборона на земле, наступление на море и в воздухе — таков был план германских империалистов на 1917 год. Одновременно они готовились ценой сверхчеловеческого напряжения к решительным сухопутным операциям 1918 года с целью разгрома Франции. В Германии была введена всеобщая трудовая повинность для граждан от 16 до 60 лет. Несмотря на нехватку солдат, много квалифицированных рабочих было возвращено из армии в промышленность. Все народное хозяйство было подчинено нуждам войны, выполняя так называемую «программу Гинденбурга». Костлявая рука голода все туже сжимала горло немецких трудящихся. Еще хуже было положение Австрии, которая даже пыталась заключить сепаратный мир и официально заявила своим союзникам, что она не сумеет продержаться дальше осени 1917 года.

Антанта вступала в кампанию 1917 года, имея материально-техническую базу, наиболее благоприятную за все истекшие годы войны. Ее армии превосходили своих противников по численности почти на 40 процентов, а по числу дивизий — на 28,5 процентов. На европейских фронтах Антанта имела 338 дивизий против 270 дивизий германской коалиции. Военная промышленность в 1917 году достигла невиданных темпов производства; даже наиболее отсталая русская промышленность начала, наконец, производить такое количество артиллерийских снарядов, которое могло удовлетворить минимальные

нужды войны. В марте 1917 года производство снарядов в России достигло максимума — 120 тысяч в месяц.

И тем не менее, несмотря на превосходство в силах, Антанта не сумела добиться столь желанной победы в 1917 году. Причиной этому были, прежде всего, несогласованные действия союзных армий, что вытекало из разности интересов отдельных союзников. Так, русское командование еще в 1916 году предлагало сосредоточить главные усилия против наиболее слабых противников Антанты — Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Быстро выведя их из строя (что было вполне достижимо), Антанта развязала бы себе руки для решительного удара по Германии. Но этот план был отвергнут из-за боязни усиления русского влияния на Балканах и возможности захвата русскими Константинополя и проливов. В то же время Англия, вопреки общим интересам Антанты, выделила значительные силы для операций в Месопотамии, преследовавших исключительно ее личные империалистические цели.

Недостаточной согласованности между государствами Антанты способствовало отсутствие общего, объединенного командования союзными силами. На западноевропейском театре, где боролись бок о бок армии трех стран — Франции, Англии и Бельгии, такое объединение было, безусловно, необходимо. Между тем, генералы Антанты не хотели подчиняться друг другу, а согласование действий достигалось при помощи специальных совещаний так называемой конференции, периодически заседавшей в городе Шантильи. Это было полумерой, не обеспечивавшей единого твердого руководства войной.

Оперативная мысль противников топталась на месте. Решение войны обе стороны искали во фронтальном прорыве и последующем переходе к маневренным операциям. Прорыв обычно производился методом постепенного «прогрызания» фронта, требовавшего огромной траты живых сил и боеприпасов, но не лишавшего противника свободы использования его резервов. Правда, генерал Нивель, сменивший в конце 1916 года генерала Жоффра на посту главнокомандующего французскими армиями на западноевропейском театре, попытался стремительным ударом прорвать позиции германской обороны. Так он организовал наступление на реке Эн в апреле 1917 года. Нивель наметил фланговый удар по выступу германских позиций. Восемь армий — шесть французских и две английских — были привлечены к этой операции. Войска были сосредоточены на небывало узком пространстве — на каждую дивизию первого эшелона на главном направлении атаки приходилось всего по 1,5 километра фронта. 5 580 орудий поддерживали атаку на направлении главного удара, что составляло 134,5 орудия на километр фронта. Это значит, что на каждое орудие приходилось всего 7 метров протяжения фронта.

Всего в операции генерала Нивеля участвовало 100 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, 11 тысяч орудий всех типов и калибров, 132 первых французских танка, 500 самолетов. Для артиллерии было приготовлено 33 миллиона снарядов — в пять раз больше того мобилизационного комплекта, которым располагала вся французская артиллерия в 1914 году. Подобного масштаба боевых операций еще не видывал мир.

И все же французская главная квартира не была уверена в успехе... Только настойчивость генерала Нивеля и поддержка, оказанная ему Пуанкаре, сделали наступление совершившимся фактом.

Операция началась 9 апреля. Германцы еще в марте организованно отошли на заранее сооруженную ими «позицию Зигфрида», представлявшую собой сильно укрепленную полосу глубиной 10—12 километров. Этот отход позволил им сократить фронт, ликвидировать выступ его в долине реки Уазы, у Нуайон. Благодаря отходу германцев намеченный генералом Нивелем фланговый удар превратился во фронтальное наступление.

Главному удару предшествовала необычайно длительная и мощная артиллерийская подготовка. Девять дней и ночей, с 7 по 16 апреля, не умолкали французские орудия; в сутки французы тратили до 600 тысяч выстрелов! Тем не менее первый же день наступления принес неудачу: французам удалось лишь ворваться в первую линию немецких окопов и местами захватить вторую. Из 132 танков уцелели после первой атаки только 11 — тихоходные и несовершенные машины портились, останавливались и гибли от неприятельского огня.

Несколько дней генерал Нивель возобновлял атаки французов— и все неуспешно. Немцы, отлично зная заранее о месте и времени наступления, сосредоточили достаточные резервы. Прорвать их фронт французам так и не удалось. Правда, было взято (французами и англичанами вместе) около 40 тысяч пленных, 423 орудия, 412 пулеметов. Но зато и сами французы потеряли 122 тысячи убитыми и ранеными, а англичане — 80 тысяч человек.

Операция, в которой Антанта использовала небывалое количество средств и сил, потерпела крах. Германцы были ослаблены, их фронт перенес чувствительное потрясение, но сила его обороны не была преодолена.

Франция встретила неудачу наступления Нивеля возмущением широких народных масс, охватившим и значительную часть армии. В 16 французских корпусах произошли восстания, жестоко подавленные военным командованием и правительством.

Генерал Нивель, имя которого стало олицетворением кровавой неудачи наступления на реке Эн, был смещен. Главнокомандующим французской армией был назначен генерал Петэн — «лев Вердена», как называла его буржуазная печать. Для успокоения масс французское правительство было вынуждено официально объявить, что оно отказывается от наступления впредь до неопределенного будущего, когда французы подготовят армию, снабженную могущественной техникой. Война, таким образом, должна была стать войной техники во всех ее видах... «не требуя невозможного от человека». Буржуазная военная мысль расписалась в собственном бессилии, а французская буржуазия оказала немалую услугу Германии, откровенно предупредив последнюю, что она может не бояться повторения наступательных операций французов в 1917 году.

Такой же стратегической неудачей кончилось и английское наступление у Ипра, длившееся с конца мая по август 1917 года и давшее англичанам всего лишь 6—8 километров продвижения! Между

тем за это время англичане потеряли 400 тысяч убитыми и ранеными, а немцы — 240 тысяч.

После сражения у Ипра вплоть до середины 1918 года Антанта действительно не предпринимала крупных наступательных действий, ограничиваясь частными операциями, с целью улучшения тактического положения на отдельных участках фронта.

Однако неудачу наступлений Антанты на западноевропейском театре нельзя было считать немецкой победой: немцы тоже были настолько основательно потрепаны, что Людендорф называл лето 1917 года «периодом величайшего напряжения». «Мы понесли тяжелые потери, как пленными, так и материальной частью, и израсходовали много резервов... Отдельные части войск уже не выдерживали так, как раньше, разлагающего действия оборонительного сражения», — пишет этот генерал в своих мемуарах.

Зато на восточноевропейском и итальянском театрах войны австро-германской коалиции удалось добиться значительных успехов.

Читатель уже знает, что немцам без особого труда удалось парировать так называемое июльское наступление русских, предпринятое Керенским по указке Антанты и вопреки ясно выраженной воле солдатской массы. Сняв 11 дивизий с французского фронта и образовав мощные резервы, германцы нанесли сильный контрудар русским армиям Юго-западного фронта и вызвали дальнейший их отход.

В сентябре немцы благодаря предательству генерала Корнилова овладели Ригой и заняли Якобштадтский плацдарм. В октябре они овладели Моонзундскими островами.

На итальянском театре после ряда неудачных наступлений итальянцев на реке Изонцо австро-германцы под командованием германских генералов нанесли тягчайшее поражение итальянской армии в октябре-ноябре 1917 года. Эта операция, названная по имени деревни Капоретто, привела к фактическому развалу почти всю итальянскую армию: не менее 300 тысяч итальянских солдат открыли фронт, бросили оружие и беспорядочными толпами бежали в глубь страны. Только быстрая переброска 11 дивизий англо-французских войск на автомобилях и вмешательство французского командования спасли Италию от полного разгрома.

Победа над итальянцами отсрочила гибель австро-венгерской монархии. Но эта победа, так же как и территориальные захваты немцев в России, не изменила общего стратегического положения Германии и ее союзников. Наоборот, сосредоточение основного удара против России и Италии отвлекло крупные силы германцев от французского театра. Здесь они упустили инициативу и были вынуждены отказаться от активных операций, тем самым не использовав неудачу наступательных попыток Антанты.

Действия на море и в воздухе в 1917 году не принесли Германии ожидаемого результата. «Беспощадная» морская война не смогла подорвать экономику Англии, а выступление США значительно компенсировало потерю союзниками части их тоннажа.

Воздушные налеты на территорию Англии и Франции немцы начали еще в 1915 году с помощью дирижаблей (первый германский

дирижабль пролетел над Англией 19 января 1915 года). Но появление средств ПВО — истребительной авиации и зенитной артиллерии — постепенно заставило отказаться от использования громоздких дирижаблей. Последний крупный дирижабельный налет на Лондон германцы совершили 19 октября 1917 года, причем из 11 дирижаблей три были сбиты и один потерпел аварию.

Начиная с лета 1917 года, германское командование наносит ряд воздушных ударов по Лондону и Парижу, используя уже не дирижабли, а самолеты.

Наиболее успешным для немцев за всю войну был налет на Лондон, совершенный 13 июля 1917 года. Немцы обладали самолетами, по тому времени весьма совершенными; это были трехместные двухмоторные бомбардировщики «Гота», поднимавшие по 450 килограммов бомб, имевшие скорость 112 километров в час и потолок до 4 тысяч метров. Четырнадцать таких самолетов утром 13 июля сбросили 72 бомбы на Ливерпульский вокзал в Лондоне.

Несколько крупных воздушных налетов, совершенных немцами в течение лета 1917 года, встревожили всю Англию и заставили английское правительство значительно усилить средства ПВО Лондона. Уже в 1918 году англичане имели на обороне Лондона 282 истребительных самолета, 260 зенитных орудий, 353 зенитных прожектора, 30 аэростатов заграждения. Была реорганизована и самая система ПВО — усовершенствовано управление ею, связь и оповещение; в итоге, германские эскадрильи стали нести очень чувствительные потери и в 1918 году почти прекратили свои налеты на Англию, перенеся основные усилия на бомбардировку более доступного объекта — Парижа.

Таким образом, и воздушные налеты не дали желаемого эффекта; в то же время буржуазия Антанты их использовала в целях шовинистической пропаганды.

Так бесплодно для обеих воюющих коалиций кончилась кампания 1917 года.

МАЛЬМЕЗОН И КАМБРЭ

В чем же, однако, заключались причины неудачного исхода наступательных операций Антанты в 1917 году?

Крупную роль играло нежелание солдатской массы итти на смерть. Солдаты капиталистических армий, движимые революционным примером русского пролетариата, все яснее начинали понимать действительные цели и характер капиталистической бойни.

Однако не это было основной причиной неудач. Солдатская масса еще не втыкала штыки в землю, она еще повиновалась офицерам и шла в наступление. И во всяком случае боеспособность английских и французских солдат была не ниже боеспособности германских.

Главная причина неудач заключалась в неумении командования учесть и правильно использовать все то новое, что внесло в военное искусство необычайное развитие машинной техники XX века, а также в крайне плохой организации и планировании операций.

При современных средствах сообщения обороняющийся в состоянии быстро перебрасывать резервы к угрожаемому участку фронта

и даже с одного театра военных действий на другой. Именно так и поступало германское командование, успешно перебрасывая свои дивизии. Следовательно, успех наступления требовал внезапности и одновременности активных действий на всех фронтах: на одних участках — с целью прорыва и развития операций, на других — с целью сковывания противника, лишения его возможности маневрирования резервами.

Оба эти важнейшие условия не соблюдались в наступательных операциях Антанты в 1917 году. Подготовка наступления на реке Эн, у Ипра и на русском фронте не была секретом для германцев. Германское командование как при помощи своей агентуры, так и, главным образом, благодаря небрежности английских, французских и русских штабов довольно точно знало место и даже назначенное время ударов. Сама система артиллерийской подготовки, длившейся от 3 до 16 дней, лишала атаку внезапности и позволяла не только определить участок наступления, но и заранее подвезти к нему резервы. Затем на разных театрах войны и даже на разных фронтах одного и того же театра наступления Антанты были предприняты неодновременно и с большими промежутками. Ясно, что это позволяло германцам маневрировать резервами. В ходе наступления генерала Нивеля даже в случае удачного прорыва фронта французы встретили бы сопротивление 52 дивизий германского стратегического резерва. В таких условиях победа становилась просто немыслимой.

Немаловажную роль играла и трудность организации атаки. Успех требовал сосредоточения огромных средств и строгого методизма их применения. Масса артиллерии, скученная на узком фронте и глубоко эшелонированная пехота, наличие авиации и других технических родов войск — все это обусловливало необходимость предельно точного планирования боя и исключительно гибкого управления им. Между тем в этой области штабы Антанты еще не достигли нужной четкости работы.

В кампании 1917 года Антанте удалось провести лишь две частные наступательные операции, непосредственным результатом которых был некоторый тактический успех. Это были операции у Мальмезона и Камбрэ.

Операция у Мальмезона интересна как пример прорыва с ограниченной целью. Ведущую роль в этом прорыве играла артиллерия.

Задача операции, предпринятой французами в конце октября, была проста: следовало срезать выступ фронта между Реймсом и Суассоном, оставшийся в руках немцев после неудачного наступления генерала Нивеля. Этот выступ с рядом командующих высот и опорным пунктом у деревни Мальмезон очень мешал французам, так как немцы вели отсюда фланговый огонь по их позиции на гребне Шменде-дам.

Двенадцать французских дивизий с 1 878 орудиями всех калибров должны были обрушиться на этот небольшой выступ, занимавший по фронту всего 10 километров. Плотность артиллерийской группировки достигала максимальной цифры за всю войну: на одно орудие приходилось всего 5,3 метра фронта, а на главном направлении — даже 4,4 метра! В течение тридцати двух суток, днем и ночью, по

дорогам, ведущим к участку прорыва, подвозили французы артиллерийские снаряды: их потребовалось 2 800 тысяч штук.

Танки в наступлении не играли основной роли, но были использованы: их имелось 58 штук. На участке прорыва была сосредоточена мощная авиация, обеспечившая французам господство в воздухе.

Немцы знали о готовящемся наступлении и успели сосредоточить резервы: их силы также насчитывали 12 дивизий при 500 орудий. Таким образом, французы имели численный перевес в артиллерии, танках и авиации, а силы пехоты были равны.

Шесть дней длилась артиллерийская подготовка французов. Вся местность на участке прорыва была словно прокатана гигантским зубчатым катком; германские укрепления были сравнены с землей. Опорный пункт у Мальмезона был подвергнут жестокому обстрелу химическими снарядами. Полузадушенный гарнизон оказался неспособным к сопротивлению. 23 октября французская пехота пошла в наступление. Ожесточенные атаки продолжались четыре дня. Немцы были выбиты из Мальмезонского выступа и отошли на новые позиции. Задача наступления была выполнена.

Характерно, что потери оборонявшегося были на этот раз значительно больше, чем потери наступавшего: французы потеряли не более 12 тысяч человек, немцы же — около 50 тысяч (в том числе 12 тысяч пленными). Кроме того, французы захватили 200 орудий, 222 миномета и 720 пулеметов.

Успех французов был обеспечен массовым и весьма умелым применением артиллерии; впервые французская артиллерия вела огонь по заранее исчисленным данным, внезапно для противника обрушиваясь на его батареи, окопы и опорные пункты.

Несмотря на узко-тактический характер целей, операция у Мальмезона имела довольно крупное общее значение: она повела к дальнейшему ослаблению сил германцев и послужила важным этапом в подготовке французской армии к последующим наступлениям.

Совершено иначе, чем под Мальмезоном, была проведена англичанами известная операция у Камбрэ, открывшая эпоху нового боевого средства — танков.

Танки впервые были применены англичанами в сражении на реке Сомме, в сентябре 1916 г. После этого танки использовались во всех крупных боях 1916—1917 годов. Однако вследствие несовершенства первых машин, имевших очень малую скорость (до 2 километров в час), а также из-за неумелого и неправильного использования танков, успех их был незначителен. Неудача наступления под Ипром, где 216 танков были брошены в бой на явно непригодной, болотистой местности, настолько поколебала веру в эти новые боевые машины, что английское военное министерство даже решило сократить программу строительства танков на 1918 год с 4 тысяч до 1 350 штук.

Однако были и сторонники танков, правильно видевшие в них надежное средство для преодоления сплошного пулеметного огня обороны.

Операция под Камбрэ, организованная под влиянием этих поборников танков, носила в некоторой степени характер опыта: танк должен был показать себя при массовом применении на удобной мест-

ности. В то же время операция преследовала политические цели: нужно было закончить кампанию 1917 года хотя бы одной эффектной победой, смягчив ею ужасающее впечатление от потери полмиллиона англичан на полях Фландрии в безрезультатном Ипрском сражении. Успех, хотя бы и местный, мог к тому же способствовать отвлечению германских сил с итальянского фронта, что должно было облегчить катастрофическое положение итальянской армии после Капоретто.

3-я английская армия, выполнявшая операцию под Камбрэ, должна была произвести прорыв на узком двенадцатикилометровом фронте, ограниченном с флангов двумя каналами. Объектами наступления было несколько пунктов, расположенных в десяти километрах вглубь от переднего края германских позиций. Захват этих пунктов грозил выходом в тыл германцам.

3-я армия насчитывала семь пехотных дивизий, из них шесть — в первой линии; ей противостояли всего лишь две германские дивизии. Плотность боевого порядка англичан была несколько меньшей, чем в предыдущих наступлениях: одна дивизия на два километра и по 85 орудий на 1 километр фронта. Но зато англичане имели 378 танков. На каждую дивизию приходилось от 14 до 84 танков, а в среднем — 32 танка на километр фронта. Это составляло еще небывалую цифру насыщения танками.

В непосредственном тылу англичан сосредоточился 3-й кавалерийский корпус, который должен был развить успех атаки.

О готовящемся наступлении немцы узнали от пленных. И все же оно оказалось для них неожиданным, — столь необычным был его метод.

На рассвете 20 ноября в утреннем тумане без всякой предварительной артиллерийской подготовки английские танки по всему фронту двинулись в атаку. Через несколько минут открыла огонь английская артиллерия, образовавшая подвижный огневой вал перед танками; за ними пошла в атаку пехота, а в то же время авиация напала на немецкую артиллерию и штабы.

Внезапная атака массы танков произвела на немцев потрясающее впечатление. Их позиции были преодолены без труда. Фронт был прорван на глубину 8—10 километров. Тот результат наступления, достижение которого до сих пор требовало нескольких суток чудовищной артиллерийской подготовки и кровопролитных, многодневных боев пехоты, был достигнут всего лишь за 10 часов! При этом потери англичан в первый день боя были относительно ничтожны — 1 500 человек убитых и раненых.

Это был настоящий триумф танка!

Германцы были поколеблены. Наступил момент, когда, казалось, союзникам удалось достичь прорыва, к которому так упорно стремились обе стороны, начиная с момента установления позиционного фронта. В немецких позициях была пробита брешь, в которую могли бы устремиться крупные резервы англичан для превращения тактического успеха в оперативный. Могли бы... если бы они были! Одного кавалерийского корпуса оказалось мало — он не мог развить так успешно начатый прорыв.

Уже на следующий день, 21 ноября, оправившиеся немцы задер-

живают английские атаки. Пехота англичан уже не была так мощно поддержана танками, как накануне, ибо большое число машин вышло из строя. Вплоть до 26 ноября англичане безрезультатно пытаются развить успех. 30 ноября немцы производят крупную контратаку и срезают выступ у Камбрэ по его основанию. К 7 декабря бои затихают примерно на прежней линии фронта.

Итак, операция у Камбрэ не дала стратегического эффекта и не повлияла на общий ход войны. Но она явилась выдающимся событием в области тактики. Было найдено средство преодоления пулеметного огня; впервые атака была произведена без артиллерийской подготовки, что обеспечило ее внезапность; наконец, отчетливо вырисовывались новые формы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации — того взаимодействия, без которого немыслим современный машинизированный бой.

Мальмезон и Камбрэ как бы приоткрывали завесу будущего, служа прообразом грандиозных операций, развернутых Антантой в 1918 году.

«СТРАТЕГИЯ ИЗМОРА»

Вступая в кампанию 1918 года, последнего года войны, германские империалисты отлично сознавали, что этот год будет для них решающим.

Внешнее положение германской коалиции к началу 1918 года казалось достаточно устойчивым. Иллюзия «побед» в России, разгром итальянцев, успешная стратегическая оборона на французском фронте — все это, по мнению Гинденбурга, Людендорфа и других руководителей германской армии, создавало обстановку, благоприятствующую германскому оружию.

И действительно, в самом начале 1918 года общее соотношение сил складывалось не плохо для Германии. Так, в марте 1918 г. Антанта имела на французском театре 181 дивизию, а Германия—193; общее число бойцов Антанты достигало 2 158 тысяч, а Германии— 2 037 тысяч, т. е. было почти одинаковым. Силы артиллерии также были равны: 15 751 орудие у Антанты (из них 6 373 тяжелых) и 15 800 орудий у Германии (из них 6 100 тяжелых). Только в авиации и танках Германия резко отстала от Антанты: 3 784 самолета и 893 танка было у союзников, в то время как Германия имела 2 890 самолетов и только 10 танков; практически можно считать, что немцы вовсе не имели танков.

Но сравнительная военная мощь Антанты и Германии далеко не исчерпывалась количеством войск.

Фактически силы Германии были на грани полного истощения. Война уже выкачала из населения страны всех способных носить оружие. Пополнений нехватало. Германский народ голодал; недоедала и армия. Лишь военная промышленность, ценой перенапряжения всего народного хозяйства, не только полностью удовлетворяла потребности войны в технике, но даже производила излишки орудий, боеприпасов и некоторых других предметов вооружения.

Союзники Германии, особенно Австро-Венгрия и Болгария, находились еще в неизмеримо худшем положении, чем их патрон.

В то же время Антанта изо дня в день становилась сильнее. Уже в конце 1917 года в Европу начали прибывать транспорты с американскими войсками.

Генерал-квартирмейстер германского главного командования Людендорф недооценивал возможности появления на континенте крупных сил американцев, которых он не без оснований называл «торгашами». Он считал, что на перевозку через океан каждого американского солдата, включая снаряжение, вооружение, обоз и т. д., понадобится 4 тонны водоизмещения. Антанта же, отчасти благодаря неограниченной подводной войне, испытывала острый недостаток в морском торговом флоте. Значит, решал Людендорф, перевозка американцев в Европу затянется по крайней мере на весь 1918 год.

В действительности перевозка американцев шла совсем иными темпами. Союзники решили перевозить прежде всего личный состав американской армии, формируя из него полки и дивизии, снабжая и обучая их на месте, во Франции. Чтобы увеличить провозную способность транспортов, на каждой судовой койке одновременно перевозились три солдата: они спали поочередно, по восемь часов в сутки. Все это позволило уже к концу марта сформировать во Франции первые шесть американских дивизий очень сильного состава — до 28 тысяч бойцов в каждой. Дальнейшая же перевозка шла так, что к концу войны из общего числа 3 750 тысяч призванных американцев 2 087 тысяч человек были сосредоточены во Франции, образовав 41 дивизию.

Экономическое положение Антанты было несравненно более прочным, чем Германии. Огромные ресурсы США значительно увеличивали материальные средства союзников. Но в то же время Франция и Англия переживали ряд серьезных экономических трудностей. Германцы заняли районы, в которых было сосредоточено около двух третей французской металлургической и угольной промышленности. Сбор хлебов во Франции в 1917 году составил всего половину довоенного. Снабжение Англии было значительно затруднено подводной войной.

Об экономических преимуществах Антанты говорит хотя бы такой конкретный показатель, как цифры калорийности фронтового солдатского пайка: в германской армии—2 500 калорий, во французской — 3 816, в английской—4 193, в американской—4 714 калорий.

Внутреннее политическое положение Германии и ее союзников требовало от буржуазии скорейшего окончания войны. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции в России находили все более широкий отклик среди германских и австрийских солдат и рабочих. 14 января 1918 года во всех промышленных центрах Австрии вспыхнула забастовка, быстро распространившаяся на Германию. 28 января в Берлине бастовало полмиллиона рабочих; забастовали многие предприятия и в других городах. Рабочие требовали не только хлеба, но и мира, свержения кайзера, свободы. Эта стачка была подавлена с необыкновенной жестокостью; до 50 тысяч рабочих были отправлены на фронт, тысячи арестованы, многие приговорены к каторге и расстреляны.

Но и на фронте, в солдатской массе шел процесс глухого броже-

ния. Высланные на фронт стачечники явились отличными агитаторами против войны; послав их на убой, буржуазия наказала сама себя.

В странах Антанты утомление войной также давало себя чувствовать, но в меньшей степени. Наиболее остро сказывались антивоенные настроения во Франции, где буржуазии было все труднее и труднее вести за собой массы под лозунгом «защиты отечества».

Вот в таких условиях Гинденбург решил во что бы то ни стало добиться в 1918 году победы, и победы скорой, завершенной до прибытия в Европу основных сил американской армии. Эту победу можно было добыть только ценой сокрушительного наступления на французском фронте; к подготовке этого наступления германское командование приступило еще в конце 1917 года.

Составной частью плана германского генерального штаба на 1918 год было использование естественных богатств Советской Украины. Вторгаясь в Украину, германские империалисты рассчитывали добыть запасы продовольствия, угля и железа, необходимые им для наступления на западноевропейском театре войны, для окончательного сокрушения армий Антанты.

Таким образом, в кампанию 1918 года Германия вступила, строя широкие наступательные планы.

План Антанты на 1918 год можно характеризовать одним словом: выжидание. Время работало на союзников. Боязнь повторения неудач 1917 года и страх перед революцией заставляли империалистов Антанты строить расчеты на 1918 год с большой осторожностью. И новый премьер-министр Франции Клемансо в январе 1918 года прямо заявил, что Антанта рассчитывает победить лишь осенью 1919 года. Поэтому союзное командование избрало метод измора, сжав Германию кольцом голодной блокады и ожидая, когда соотношение сил станет таким, чтобы можно было наверняка, без особого риска нанести ей последний, решающий удар.

ГЕРМАНСКИЙ ТАРАН

На рассвете 21 марта 1918 года гром почти семитысячной массы орудий возвестил начало грандиозного германского наступления. Кропотливая, методическая работа по подготовке этого наступления длилась несколько месяцев. Под покровом величайшей тайны сосредоточивали германцы свои резервы на семидесятикилометровый фронт атаки, между Аррасом и Ля-Фером. Войска, выгружавшиеся далеко от линии фронта, подходили к ней исключительно ночными переходами. Изо дня в день на рассвете отдельные колонны по особому плану совершали короткие марши в обратном направлении — от фронта. Благодаря этому разведывательная авиация союзников систематически давала сведения, говорившие о снятии немцами войск с данного участка фронта, а никак не о его усилении. Чтобы не обнаружить преждевременно свои намерения, германское командование запретило полеты вновь сосредоточиваемых частей авиации, а также стрельбу новых батарей. На участке Аррас — Ля-Фер до 21 марта царило полное затишье.

Но, несмотря на все меры предосторожности, союзники все же знали о готовящемся наступлении от перебежчиков. Знали, но не приняли достаточных мер к его отражению. Дело в том, что германцы очень удачно избрали направление своего главного удара — почти в стыке английского и французского фронтов, по крайнему правому флангу англичан. Здесь взаимодействие фронтовых резервов англичан и французов затруднялось отсутствием единого союзного командования. Английский командующий, генерал Хейг, боялся больше всего за свой центр и левый фланг, где англичане могли быть прижаты к морю — тут он и держал свои резервы. Французы же, очень сильные в районе Вердена, также не имели крупных резервов в стыке с англичанами, держа их на подступах к Парижу. Поэтому успех германского наступления делал вполне реальной общую стратегическую цель, поставленную немецким командованием: разъединить англичан и французов, нанести поражение английской армии, обойти ее правый фланг и отрезать от морских баз.

Наступление было начато тремя германскими армиями численностью около 450 тысяч штыков (62 дивизии), 6 800 орудий и 1 000 самолетов. Главный удар должны были нанести правофланговая 17-я и 2-я армии; на левофланговую 18-ю армию была возложена второстепенная задача — прикрыть операцию с юга.

На 85-километровом участке германской атаки находилось 29 пехотных и 3 кавалерийских дивизии англичан, всего около 300 тысяч штыков и сабель. Резервы англичан состояли из 18 пехотных и 3 кавалерийских дивизий; французов — из 39 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. Таким образом, в общей сложности резервы союзников были более чем достаточны для восстановления равновесия сил на атакованном фронте. Задача сводилась к своевременному сосредоточению этих резервов и умелому вводу их в бой.

Артиллерийская подготовка германцев на этот раз была относительно короткой: она длилась пять часов. Затем в густом тумане пошла в атаку немецкая пехота. Наступление подготовлялось очень тщательно, и все же в первый день атаки обе германские ударные армии — 17-я и 2-я — сумели лишь проникнуть за передний край английской обороны и дальше не продвинулись. Но зато 18-я армия (хотя и выполнявшая второстепенную задачу, но тоже очень сильная) имела крупный успех. Англичане, не ожидавшие удара в направлении на Амьен, где наступала 18-я германская армия, были отброшены за день на 7 километров и понесли тяжелое поражение.

Гинденбург торжествовал: прорыв фронта стал реальной возможностью, но не на участке 17-й и 2-й армий, а на участке 18-й армии. И вот, подталкиваемое тактическими успехами и стремясь добиться победы, где это только окажется возможным, германское командование переносит все внимание на 18-ю армию, продолжавшую вплоть до 26 марта довольно быстрое наступление. Постепенно меняется и весь замысел операции: вместо стремления прижать англичан к морю немцы теперь наносят главный удар в обход левого фланга французского фронта, угрожая в конечном счете Парижу.

Паника охватила французскую буржуазию и правительства Антанты. Премьер-министр Клемансо собрался опять перевозить прави-

тельство в Бордо. Английский главнокомандующий генерал Хейг спешно готовил эвакуацию англичан за море...

Естественно, что французское командование бросило все свободные силы для парирования создавшейся угрозы Парижу. И уже к концу второго дня германского наступления — 22 марта — против левого фланга 18-й армии появились первые дивизии французских резервов. Они прибывали спешно, вступали в бой разрозненно и несли поражение за поражением. Увлеченный преследованием, переоценивая значение одержанной победы, Гинденбург в ночь на 24 марта отдал приказ 18-й армии расширять прорыв на обоих флангах — против французов и англичан одновременно...

К 27 марта 2-я и 18-я германские армии продвинулись на 60 километров, вернув позиции, оставленные немцами еще в 1917 году. От Амьена их отделяло всего 18 километров. Но уже 28 марта Гинденбург почувствовал, что французам и англичанам удалось восстановить равновесие: их силы прибывали с каждым часом — одни только французы ежедневно подвозили к полю боя по полторы дивизии. Германские же части устали, ослабли от потерь; связь их со своей артиллерией нарушилась; ощущался резкий недостаток боеприпасов, подвоз которых по местности, вспаханной чудовищным артиллерийским огнем, оказался делом гигантской трудности.

Теперь уже немцы ограничили свою задачу овладением Амьеном — этим важным узлом путей, ведущих к Парижу. Но и это им не удалось. В начале апреля грандиозное наступление окончательно выдохлось; германцы остановились, не дойдя всего лишь 7,5 километра до железной дороги Париж — Амьен. Крупные оперативно-тактические успехи германцев не переросли в общий стратегический успех: для развития прорыва у немцев нехватило сил. Перед ними вновь простирался сплошной позиционный фронт англо-французов.

Все же германское командование надеялось на скорое заключение мира. Конечно, результаты наступления ухудшали положение союзников: немцы глубоко вклинились в их расположение, угрожая Парижу и портам Ла-Манша; немецкая артиллерия держала под обстрелом Амьен и железную дорогу на Париж; одни лишь англичане потеряли 172 тысячи человек; немцы захватили 90 тысяч пленных, тысячу орудий и много других трофеев. 86 союзных дивизий были втянуты в бой с германцами; фронт союзников удлинился на 65 километров.

Но за эти частные успехи германцы заплатили дорогой ценой. 91 германская дивизия — четыре пятых всех германских сил, девять десятых их артиллерии были брошены в наступление.

За время операции немцы потеряли 160 тысяч человек; на остальном фронте они понесли в марте еще 60 тысяч потерь. Таким образом, за один месяц германская армия, уже исчерпавшая почти целиком свои пополнения, чувствительно сократилась. Повторение усилия, подобного мартовскому, в случае неуспеха грозило Германии катастрофой.

Германское наступление заставило наконец Антанту объединить командование всеми союзными силами в руках генерала Фоша. Но это было сделано с оговорками, сводившими фактически такое объединение на-нет. Особенно противился ему самонадеянный американ-

ский главнокомандующий генерал Першинг, не желавший подчиняться никому, кроме своего правительства. В то же время Антанта непрерывно усиливала перевозку американских войск в Европу: в этом заключалось единственное средство создать численный перевес над германцами.

Гигантское наступление потребовало большого расхода сил германцев. Но тем не менее Гинденбург упорно продолжал разрабатывать широкие наступательные планы.

Свою мартовскую операцию германцы как бы продолжили частным наступлением, начатым 9 апреля и вновь направленным против англичан. Удар был нанесен на реке Лис, от Армантьера до Холлебеке. Здесь, на фронте протяжением 30 километров, развернулись 29 германских дивизий с 2 460 орудиями. Им противостояли всего пять английских и две португальские дивизии. Удар, нацеленный по кратчайшему направлению к побережью, должен был, по мысли Гинденбурга, привести к захвату портов и полному разгрому англичан.

На этот раз немцам удалось добиться внезапности, и к 12 апреля положение союзников опять стало угрожаемым. Вновь потребовалась помощь французских резервов, для того чтобы спасти англичан от поражения.

Вплоть до 1 мая шли бои на реке Лис; германцы продвинулись на 15—20 километров и захватили ряд важных тактических пунктов. Так, англичане были вынуждены очистить знаменитый выступ у Ипра, в боях за который они отдали столько жизней в 1917 году. До побережья немцам оставалось всего 60 километров; потери союзников достигли 143 тысяч человек, из них 30 тысяч пленными. Потери германцев были вдвое меньше.

Хотя стратегическая цель германцев и не была достигнута, общественное мнение стран Антанты было буквально потрясено новым ударом. Восемь английских и две португальских дивизии совершенно утратили боеспособность. Явная опасность изолированного поражения англичан заставила, наконец, всех союзников безоговорочно признать верховное командование Фоша, что в дальнейшем благоприятно сказалось на развитии операций Антанты.

Второе крупное наступление германцы предприняли в конце мая. На этот раз 208 германских дивизий были сосредоточены на Западном фронте; из них 81 была оставлена в резерве. Истекавшая кровью, измученная войной и голодом, страна вновь напрягла все силы в этой попытке победить во что бы то ни стало.

Но, несмотря на усиление германцев за счет переброски части освободившихся войск с Восточного, русского, фронта, Гинденбургу не удалось добиться крупного перевеса над союзниками. Попрежнему пытаясь разгромить англичан, он решил на этот раз предварительно нанести вспомогательный удар по французам для отвлечения их резервов с севера на второстепенное направление.

Так родился план наступления 18-й, 7-й и 1-й германских армий на реке Эн, от Аббекура до Бримона, где германцы развернули 31 дивизию. Как и в предыдущих наступлениях германцев, мощная артиллерия поддерживала атаку; 4 400 орудий были скрытно сосредоточены на участке удара, что составляло 120 орудий на один километр фронта.

Развитие прорыва вновь угрожало бы Парижу и в первую очередь должно было привести к перехвату железной дороги Париж—

Схема 7. Три германских наступления в 1918 г.

Верден, имевшей большое значение для снабжения французских армий.

Атака, начатая в 4 часа 40 минут утра 27 мая после двух с половиной часов артиллерийской подготовки, в первый же день увенча-

лась значительным успехом: немцы прорвали фронт на участке 80 километров, подошли к реке Эн, находившейся в 9 километрах от их исходной позиции, переправились через реку и разбили французские резервы, брошенные к месту прорыва. На главном направлении, в центре атаки, германцы за день углубились на 20 километров в расположение французов. В то же время немецкая тяжелая артиллерия начала обстрел Парижа. Все это резко повлияло на моральное состояние французов, панически преувеличивших размеры германского успеха.

Уже 27 мая Фош начал переброску крупных резервов с севера к реке Эн. 28 мая темп движения германцев снизился до 6—8 километров. 29 и 30 мая им удается еще продвинуться и даже достигнуть реки Марны; всего, таким образом, они прошли 60 километров. Но 31-го наступает перелом, а к 2 июня 37 французских дивизий преградили истощенным германским армиям путь к Парижу, до которого им оставалось лишь 70 километров. 5 июня бои замерли.

Результаты второго германского наступления были значительны: французские резервы оказались втянутыми в бой там, где этого желало германское командование, и понесли крупные потери; угроза Парижу усилилась; немцы взяли 55 тысяч пленных и множество трофеев. Но победа была куплена дорогой ценой — 126 тысяч раненых и убитых. Эти потери истощенная страна уже не могла пополнить. Кроме того, в результате наступления к юго-западу от Суассона образовался глубокий выступ, удлинивший фронт германцев на 53 километра. Стремясь выпрямить линию фронта, германское командование предприняло 9 июня частное наступление 18-й армии на Компьен. Но это наступление не имело успеха. Здесь впервые после долгого перерыва 10-я французская армия генерала Манжена сама перешла в контрнаступление во фланг немцам, обратив в бегство их 30-ю и 19-ю дивизии. Немцы потеряли еще 74 тысячи человек. Если прибавить 73 тысячи, потерянные ими в июне на других участках фронта, то германская армия только за май—июнь сократилась почти на 300 тысяч человек.

Тем не менее Гинденбург попытался в третий раз склонить чашу весов победы на сторону Германии. В дни 15—17 июля немцы предприняли свою последнюю наступательную операцию, получившую название «сражение за мир».

В дни подготовки этого сражения из глубины Германии текли на фронт волнующие вести: шопотом говорили солдаты о надвигающейся революции, о голоде, о мире... Расшатывалась дисциплина; число дезертиров и перебежчиков росло с каждым днем; пополнений не было; в ротах оставалось в среднем по 30—40 штыков. 32 пехотных и 4 кавалерийских дивизии, брошенные в пределы Советской Украины, безнадежно завязли на ее полях и в лесах. Украинский народ под руководством партии большевиков собирал силы для борьбы с интервентами. Отряды молодой Красной Армии и украинские партизаны стали наносить оккупантам удар за ударом. В то же время надежды на получение из Украины хлеба и сырья оказались значительно преувеличенными. Военная промышленность попрежнему

удовлетворяла все нужды фронта в оружии и боеприпасах, но все острее чувствовалась нехватка горючего, каучука и сельскохозяйственных продуктов.

Лишенная пополнений, германская армия была вынуждена пожирать сама себя: постепенно одна за другой расформировываются наиболее потрепанные дивизии, а их личный состав идет на пополнение убыли в войсках.

В то же время силы Антанты непрерывно увеличивались: в мае во Францию прибыло 250 тысяч американцев, в июне — 300 тысяч. Резко возросло и количество боевой техники, особенно артиллерии, танков и авиации. Фош медленно, но верно накапливал силы для наступления, терпеливо ожидая благоприятного момента.

«Сражение за мир» завязалось на реке Марне, несколько восточнее того района, где осенью 1914 года происходила Марнская битва. Здесь, на участке от Шартев до Массиж, протяжением около 80 километров, развернулись 55 германских дивизий, из них 45 в первой линии. 8 800 орудий поддерживали атаку. Эти силы в полтора раза превосходили французов в числе дивизий и в два раза в численности артиллерии. Как обычно, германцы тщательно подготовили наступление: было заготовлено огромное количество боеприпасов, построены специальные железнодорожные ветки, подготовлены понтоны для форсирования реки Марны.

Но на этот раз на стороне Германии не оказалось союзника, так хорошо помогавшего ей в предыдущих наступлениях,— внезапности. Еще 13 июля французское командование довольно точно узнало от немцев-перебежчиков о времени и месте готовящейся атаки. И Фош наметил следующий план: немецкий удар должен обрушиться по пустому месту...

Наученные горьким опытом предыдущих поражений, французы теперь глубоко эшелонировали свой боевой порядок. Глубина их позиции достигала 10 километров, а местами и превышала эту цифру. Фош приказал: оставив на передовых позициях только охранение, отвести главные силы 4-й французской армии на 3—4 километра назад, т. е. за пределы наблюдения и действительного пулеметного огня германцев. В то же время Фош назначил на 18 июля атаку 10-й армии генерала Манжена между реками Эн и Урк, во фланг готовящимся к наступлению германцам.

И когда на рассвете 15 июля после непродолжительной артиллерийской подготовки дивизии 7-й, 1-й и 3-й германских армий восточнее и западнее Реймса пошли в атаку, они не встретили серьезного сопротивления и продвинулись на 2—3 километра. Но в этот момент, когда германская артиллерия, потеряв связь с пехотой и вынужденная менять позиции, ослабила свой огонь, немецкие батальоны неожиданно наткнулись на мощное сопротивление свежих французских сил. И хотя на реке Марне немцам кое-где удалось переправиться и проникнуть на 5—8 километров в глубь французских позиций, хотя за день 15 июля германцы взяли 14 тысяч пленных, уже 16 июля стало ясно, что наступление проиграно.

17 июля Гинденбург приостановил бесплодные попытки продолжать атаку; германские войска стали готовиться к отходу за Марну.

А на следующий день рано утром, в тумане, среди высоких хлебов плодородных долин Урк и Эн, без предварительной артиллерийской подготовки перешла в атаку 10-я французская армия. Впереди пехоты шло 235 танков; мощная боевая авиация наполнила воздух. Как неожиданный смерч, ударила французская атака по правому флангу германского выступа, образованного предыдущими наступлениями. Французы быстро продвинулись на 8—10 километров и вышли на дорогу, ведущую от Суассона на юго-запад. В то же время перешли в наступление 6-я, 5-я и 9-я французские армии, тесня к северу центр и левый фланг германского фронта.

В конечном итоге германцы очистили южный берег Марны и начали отход сперва на реку Урк, а затем на реки Эн и Вель. К 4 августа операция прекратилась; германцы были отброшены на 20—30 километров, потеряв пространство, завоеванное с таким трудом, а главное — выпустив из своих рук инициативу, эту родную сестру успеха. История повторилась: вновь, как и в сентябре 1914 года, французы выиграли сражение на Марне, ударив по необеспеченному правому флангу германцев.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ФОША

Мировая война вступила в свой последний, заключительный фазис, длившийся 116 дней. Июльское контрнаступление французов открыло полосу операций Антанты, приведших к поражению германской армии.

Все еще переоценивая силы германцев и продолжая рассчитывать на верного союзника Антанты — время, генерал Фош построил очень осторожный план окончания кампании. Он наметил провести четыре операции с ограниченной целью, дабы обеспечить безопасность Парижа и побережья. Эти операции в частности должны были срезать выступы германского фронта у Аррас, Мондидье и у С.-Миеля.

В расчеты Фоша входило также наступление итальянской армии на реке Пиаве. Еще в середине июня итальянцы нанесли жестокое поражение австрийцам, пытавшимся перейти в наступление по указке Гинденбурга и потерпевшим полную неудачу, от которой австро-венгерская армия уже не могла оправиться до конца войны.

План французских операций значительно отличался от германского наступательного плана на первую половину 1918 года. Гинденбург, предпринимая свои операции, строил их по принципу мощных таранных ударов по отдельным, ограниченным участкам фронта. Так, мартовское наступление германцев захватило всего 9% протяжения их фронта; майское наступление — 4,5%, июльское — 10%. В то же время эти операции отделялись друг от друга большими промежутками времени — до двух месяцев. Ясно, что подобные «таранные» удары не могли привести к окончательной победе, и мы видим, что первые два германских наступления, начинаясь с неизменным успехом, быстро захлебывались, ибо Антанта успевала сосредоточить резервы с неатакованных участков фронта. А для немедленного продолжения операций на новых направлениях у герман-

цев нехватало сил. Вот почему такая стратегия таранных ударов была заранее обречена на провал.

Этого все еще не хотели понять генералы Гинденбург и Людендорф. Единственное спасение кайзеровской Германии могло заключаться в немедленном окончании войны, в мире во что бы то ни стало. Продлить агонию империи кайзера и, быть может, смягчить степень надвигавшейся катастрофы можно было путем добровольного отступления германцев на позицию Зигфрида, т. е. на ту линию, с которой они начали кампанию 1918 года. На первый выход не могла решиться германская буржуазия, второй казался неприемлемым генералам. И Гинденбург продолжал строить наступательные планы, хотя и в значительно более скромных масштабах, чем раньше. Он рассчитывал показать, что Германия еще не сломлена, и этим, быть может, понудить Антанту к мирным переговорам.

Именно в этот период германцы усиливают воздушные нападения на Париж. Из общего числа 40 немецких налетов, совершенных на Париж за всю войну, 30 приходятся на лето 1918 года. В этих 30 налетах участвовало 483 немецких самолета, но из них только 37 сбросили на Париж свои бомбы, общим весом всего лишь 11,5 тонны; бомбами были убиты 522 парижанина. Естественно, что такой результат воздушных нападений не мог серьезно повлиять на ход кампании.

В отличие от Гинденбурга генерал Фош выдвинул план последовательных операций, связанных единством цели и непрерывно сменяющих одна другую во времени. Как показал опыт, это был правильный стратегический метод, давший значительно более быстрый и решительный результат, чем даже предполагало само командование Антанты.

Первой из этой последовательной серии была Амьенская операция, начатая 8 августа и получившая, в оценке Людендорфа, название «черного дня германской армии». К августу Антанта располагала на западноевропейском театре 210 дивизиями против 197 германских. При этом дивизии Антанты были полнокровны (в их числе было уже 29 американских); германские же части были истощены и обескровлены боями. Еще заметнее было превосходство Антанты в технике, особенно в танках и авиации.

Амьенская операция, преследовавшая вначале скромную цель — отбросить германцев от Амьена и обеспечить железную дорогу Париж — Калэ, была предпринята ограниченными силами. В ней участвовали 11 пехотных и 3 кавалерийских дивизии 4-й английской армии, атаковавшие вдоль шоссе от Амьена на Руа и южнее его; правее до Мондидье наступала 1-я французская армия, из 15 пехотных дивизий которой в первом этапе операции участвовало шесть. Этим силам противостояли 7 дивизий 2-й германской армии. Союзники имели крупное превосходство, особенно в артиллерии (3 616 орудий против 840) и в танках, которых у англо-французов было 516, а у германцев не было вовсе.

Наступление союзников оказалось полной неожиданностью для германцев. Началось оно на рассвете 8 августа, без артиллерийской подготовки. Танки, пользуясь туманом, прорвались в тыл германцев

и быстро вошли на их артиллерийские позиции. Отдельные гарнизоны германской обороны были отрезаны и окружены. Многие немецкие солдаты, не желая драться, сдавались в плен. Вслед идущим в контратаку резервным подразделениям неслись крики: «Штрейкбрехеры!»

Наступление продолжалось до 13 августа и остановилось на линии Руа, Шон, Брэ, Альбер. 30 тысяч пленных и 600 орудий, потерянные германцами, вскрыли факт морального упадка немецкой армии. Зато Антанта ликовала, настроение ее солдат поднялось: война явно шла к концу.

14 августа император Вильгельм выслушал на совещании в своей резиденции в Спа доклад главнокомандующего Гинденбурга. Выводы фельдмаршала были неутешительны: германская армия потеряла боеспособность, победить она не может, нужно скорее добиваться мира, пока германские войска занимают еще французскую и бельгийскую землю.

Но было поздно! Теперь союзники почувствовали свою силу и были не очень склонны итти на мирные переговоры.

Не успели отгреметь выстрелы под Амьеном, как Фош предпринял частные операции на флангах наступавших армий. Эти операции следовали одна за другой так, что постепенно германцы были оттеснены по всему фронту и рано утром 3 сентября начали отход на позицию Зигфрида, на 160-километровом пространстве от Скарпы до реки Вель. Отход завершился к 8 сентября в общем благополучно для германских армий; вплоть до конца сентября на этом участке царило затишье. Французам оставалось ликвидировать выступ германского фронта у С.-Миеля, чтобы завершить выполнение первой части плана последовательных операций Фоша.

С.-Миельская операция была проведена десятью американскими и двумя французскими дивизиями против шести германских. Как и под Амьеном, союзники сосредоточили на участке наступления подавляющие технические средства: 273 танка, 2 900 орудий и 1 800 самолетов. Немцы начали эвакуацию выступа еще до атаки, но американцы, узнав об этом, 12 сентября перешли в наступление и к 15 сентября закончили операцию полным успехом.

В результате последовательных операций союзников германцы были оттеснены и окончательно отказались от инициативы действий. За два месяца боев фронт выпрямился, сократившись с 910 до 740 километров. Германия потеряла 150 тысяч солдат только пленными, 2 тысячи орудий и большое количество другого вооружения и имущества.

В дни С.-Миельской операции возникла агония Салоникского фронта, где сербская армия, усиленная французскими дивизиями и руководимая французским генералом Франше д'Эсперэ, нанесла непоправимое поражение германо-болгарам. Уже 3 октября болгарский царь Фердинанд отрекся от престола. Болгария была первым союзником, выпавшим из блока центральных держав. Выход ее из войны разобщал Германию с Турцией и ставил под угрозу тыл германских войск в Румынии.

26 сентября началось последнее большое сражение на западно-

европейском театре. Это было общее наступление союзников против агонизировавшей, но мужественно сопротивлявшейся германской армии.

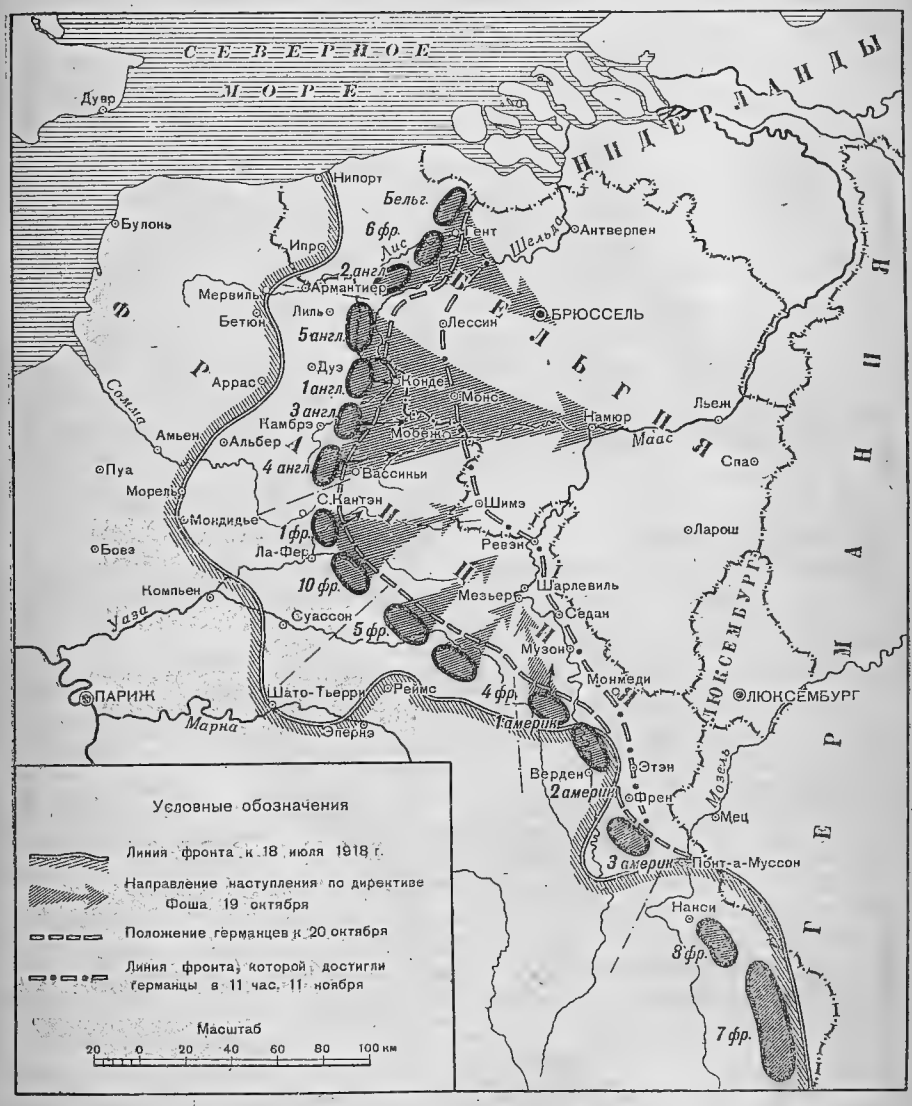


Схема 8. Заключительное наступление союзников

В эти дни в штабе Фоша велась кропотливая работа по сравнительному изучению сил обеих сторон. Для сопоставления этих сил была составлена специальная диаграмма, на которой изо дня в день фиксировалось движение трех кривых. Первая кривая изображала численность боевого состава германской армии; вторая — количество ее резервов; третья — численность запасных частей, еще не

влитых в действующую армию. Все три кривые медленно, но верно ползли вниз...

На диаграмме наносились такие же данные и об армиях Антанты, кривые которых благодаря поддержке США неизменно росли вверх. Пересечение кривых и их постепенное расхождение создавали своеобразные «ножницы», разрыв между концами которых непрерывно увеличивался.

Никогда еще Антанта не была такой сильной, как в октябре 1918 года. Она имела 220 дивизий (к моменту перемирия даже 222) против 182 истощенных дивизий германцев. Союзники смогли вывести в резерв 87 пехотных дивизий и всю кавалерию. Полтора миллиона американцев сражались на полях Франции, и все новые и новые транспорты с войсками ежедневно разгружались в ее портах. На этот раз Фош поставил перед союзными армиями решительную цель: прорвать германский фронт почти на всем его протяжении от моря до Мааса, окружить и уничтожить германские армии. Для этого американцы должны были наносить удар с юга, на Мезьер; англичане и бельгийцы — на севере; французы — в центре. Все армии наступали в концентрических направлениях, что, по мысли Фоша, должно было привести к окружению германцев.

Гинденбург мог противопоставить этому плану только пассивную оборону.

Утром 26 сентября началось сражение на гигантском, 420-километровом фронте, в котором приняли участие 22 армии: 12 союзных и 10 германских. Свежие американские дивизии, еще не проученные горьким опытом поражений, шли в бой, неся огромные потери. Германцы упорно сопротивлялись, и первые пять дней наступление союзников не имело крупного успеха. Но в дальнейшем весь германский фронт, теснимый союзниками, начал одновременный медленный отход из пределов Бельгии и Северной Франции, длившийся вплоть до 11 ноября, до дня заключения перемирия.

План Фоша — окружить и уничтожить живую силу германцев — не удался. Немецкие армии отходили, в общем, в порядке, разрушая за собой дороги, мосты и различные другие сооружения.

Союзники, утомленные непрерывными боями, с трудом преследовали германцев по разрушенной, загроможденной местности. Их артиллерия и обозы отставали, люди выбивались из сил. Неудивительно поэтому, что темп продвижения союзников в период этого преследования составил всего лишь 2 километра в сутки.

В течение сентября и октября Германия и ее союзники настойчиво добивались мира. Германская буржуазия считала выгодным для себя заключить мир тогда, когда ее армии еще находились на неприятельской территории.

14 сентября Австро-Венгрия без согласования со своим «старшим» партнером опубликовала ноту с предложением мира. 29 сентября Германия обратилась к президенту США Вильсону с просьбой о мире. Союзники, уверенные в победе, не спешили с ответом. Требования Вильсона были суровы: Германия должна была заранее согласиться на любые условия перемирия, которые ей предъявят союзники.

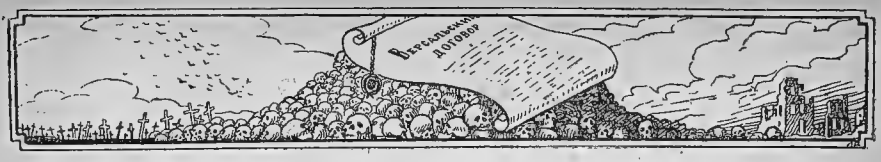
27 октября это согласие было дано. Германия пылала в огне революции. 9 ноября император Вильгельм отрекся от престола, а 11 ноября пушки и пулеметы, наконец, замолкли. Было заключено перемирие.

К моменту перемирия германские армии еще находились на территории Франции и Бельгии, в 100 километрах восточнее позиции Зигфрида; они начали немедленный отход за Рейн, в Германию. Еще раньше, 3 ноября, было заключено перемирие между Италией и Австро-Венгрией.

Революция в Германии была одновременно и концом грабительского Брестского мира. Советская власть с помощью революционных масс Германии разорвала позорный договор, навязанный империалистами русскому народу.

Империалистическая, несправедливая война, длившаяся более четырех лет, закончилась. Победители готовились навязать побежденным грабительский, позорный мир. Буржуазия Антанты ликовала. Народные массы, измученные бойней, стояли на пороге новых, ужасных испытаний: нищеты, голода, безработицы...

И только в нашей стране, народ которой использовал революционный, ленинский выход из войны, трудящиеся бодро смотрели вперед, готовясь к новым боям с многочисленными врагами революции.



VI. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

ВЕРСАЛЬСКИЙ ГРАБЕЖ

18 января 1871 года в Зеркальной галлерее Версальского дворца — бывшей резиденции французских монархов — прусский король Вильгельм I провозгласил образование Германской империи. Здесь, в Версале, ставшем временной штаб-квартирой победивших пруссаков, поверженной Франции был продиктован унизительный мир...

Но история зло посмеялась над памятью победителей при Седане. В том же Версале и даже в той же Зеркальной галлерее 28 июня 1919 года представители побежденной Германии подписали неслыханно жестокий договор империалистического мира, испив до дна горькую чашу унижения.

Аппетиты победившей буржуазии Антанты были неутолимы. Уже перемирие 11 ноября германцы заключили на условиях, поражающих своей тяжестью: они обязались в течение 31 дня очистить левый берег Рейна, выдать союзникам 5 тысяч орудий, 25 тысяч пулеметов, 3 тысячи минометов, 1 700 самолетов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов, 5 тысяч грузовых автомобилей и весь свой военно-морской флот. Но это была, так сказать, лишь прелюдия к требованиям Антанты, а еще не сами условия мира.

Три человека от имени победителей вершили судьбу человечества в Версале: президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Франции — «тигр» Клемансо и представитель Великобритании Ллойд-Джордж. Не народные массы уполномочили их выработать условия мира, и не о мире в интересах всего человечества заботились эти люди. Они покорно выполняли волю своих хозяев — кучки капиталистов, обожравшихся военными сверхприбылями и мечтавших об обильной, богатейшей империалистической добыче. Эту добычу можно было получить лишь путем ограбления побежденных народов. Версаль стал ареной грязной спекуляции победой, добытой ценой миллионов трудовых жизней.

Собственно говоря, условия мира не обсуждались между победителями и побежденными: они диктовались первыми и должны были безоговорочно приниматься вторыми. Германская делегация даже не была допущена на заседания мирной конференции: ее пригласили 7 мая только для того, чтобы выслушать выработанный победителями текст мирного договора. Напрасны были протесты побежденных про-

тив унизительного и грабительского договора, против объявления Германии «единственной» виновницей войны. Под угрозой возобновления военных действий Германия была вынуждена безоговорочно подписать условия мира.

Версальский мир и созданное им объединение победителей—Лига наций — были задуманы как орудие гегемонии англо-французского империализма в Европе и господства Англии на Ближнем Востоке. Победившие империалисты старались окончательно задушить побежденных, лишить их средств для возобновления борьбы.

Карта земного шара, а особенно карта Европы, подверглась такой перекройке, которой она не испытывала уже целое столетие, со времени окончания наполеоновских войн. Число самостоятельных государств Европы возросло с двадцати одного до двадцати восьми. На территории побежденной Австро-Венгрии образовались три новых государства: Чехо-Словакия, Венгрия и Австрия. На территории бывших северо-западных окраин царской России возникли буржуазные республики—Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Наконец, в Восточной Европе Антанта создала «буферное» государство — Польшу, в границы которой были включены не только области с чисто-польским населением, но и изрядные куски бывших германских и австро-венгерских земель и областей с украинским и белорусским населением. Характерно, что Версальский договор определил только западные границы Польского государства, включая пресловутый «Данцигский коридор», дававший Польше выход к Балтийскому морю, но зато резавший по живому телу территорию Германии. Что же касается восточных границ Польши, то империалисты Антанты оставили вопрос о них открытым; эти границы определялись только захватническими аппетитами польских панов, а их формальное отсутствие должно было помочь покрепче натравить шляхтичей на Советское государство. Так был создан новый очаг войны на Востоке Европы.

В результате такой перекройки карты Европы территория Германии уменьшилась на $^1/_8$, ее население — на $^1/_{12}$ (на 6 550 тысяч человек); все германские колонии были поделены между Англией (получившей львиную долю — около 60%), Францией, Бельгией и Японией. Кроме того, по требованию Франции, Антанта оккупировала на 15 лет так называемую «рейнскую зону» Германии с 6,5 миллионами жителей и богатейшей угольной и металлургической промышленностью, а Германия обязалась не возводить никаких укреплений на правом берегу Рейна в полосе шириной 50 километров.

Устанавливая одностороннюю «виновность» Германии в возникновении войны и ее ответственность «за весь вред и убытки, понесенные союзными правительствами и их гражданами», победители предъявляли побежденным астрономический счет военной дани: германский народ должен был выплатить Антанте так называемый репарационный долг в сумме... 132 миллиарда марок золотом! Чтобы представить себе размеры этой цифры, достаточно сказать что народный доход довоенной Германии не превышал 10,5 миллиарда марок в год, а ее национальное богатство исчислялось в 80,5 миллиарда марок. Следовательно, даже отдав все свое достояние, германский народ не

мог бы одновременно выплатить фантастическую сумму навязанного ему долга.

Прикрываясь фразой о подготовке всеобщего ограничения вооружений, победители потребовали от Германии почти полного разоружения. Версальский договор отменял в Германии воинскую повинность, ограничивал численность германской армии 100 тысячами наемных солдат, предусматривал роспуск генерального штаба, запрещал иметь военную авиацию, зенитную артиллерию, танки и т. д. Сокращенная армия, предназначенная исключительно для удушения революции внутри страны, имела право лишь на минимум необходимого вооружения; все излишки оружия германцы должны были сдать победителям. Укрепления на западной границе Германии подлежали разрушению. Военно-морской флот ограничивался 36 единицами, причем подводные лодки ликвидировались совсем. Все торговые суда водоизмещением свыше 1 600 тонн и половина судов остального тоннажа передавались союзникам; кроме того, Германия должна была строить для победителей ежегодно корабли общим водоизмещением в 200 тысяч тонн. Договор требовал также передачи победителям огромного количества машин, разного оборудования и сырья: в течение 10 лет Германия должна была поставить Франции 140 млн. тонн угля, Бельгии — 80 млн. тонн, Италии — 77 млн. тонн.

За выполнение этих кабальных платежей германский народ отвечал всем своим имуществом и естественными ресурсами.

Ясно, что Версальский договор был попыткой бесстыдного, бесчеловечного ограбления побежденных стран в пользу кучки капиталистов-победителей.

Но империалисты Антанты просчитались: движимые алчностью, они запросили слишком много. Неосуществимость требований Версальского договора понимали даже наиболее дальновидные буржуа. Это отметил В. И. Ленин, рассказавший в докладе на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 года о своей беседе «...с одним американским, трезво, по-коммерчески настроенным, купцом, чуждым наших интересов...»[1]. Этот американец характеризовал положение Франции после Версальского мира следующими словами: «...Французское правительство обещает массам золотые горы, которые якобы будут получены от немцев, но надо, чтобы немцам было откуда уплатить, с должника же, у которого ничего нет, нечего и получить, и все эти иллюзии, основанные на заключении выгодного мира с Германией, потерпят крах, ибо заключенный мир будет миром краха»[1].

Версальский мир не дал победителям тех выгод, на которые они рассчитывали.

Передовая часть пролетариата очень скоро поняла истинную сущность Версальского договора. И даже торжество, назначенное по случаю подписания мира французским правительством в день национального праздника — 14 июля 1919 года, было испорчено. В этот день, в знак протеста против грабительского мира, в Париже забастовали все служащие кафе и ресторанов; буржуа негде было и «вспрыснуть» победу!

Французский народ рядом массовых выступлений ясно заявил, что

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 34.

он не причастен к версальским махинациям империалистов. Даже социал-демократические лидеры разных стран вынуждены были под давлением масс протестовать... на словах, конечно, против условий мира.

Версальский мир, помимо воли его инициаторов, всех этих приказчиков империализма — Вильсонов, Клемансо, Ллойд-Джорджей и других, «...доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грязным империалистским хищником, как и Германия...» [1].

Так «Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами...» [2].

Народам всех воевавших стран война не принесла ничего, кроме страданий.

«Самыми пострадавшими из войны 1914—18 годов вышли Россия и Германия» (Молотов). И хотя Версальский договор был составлен целиком в интересах победителей — стран Антанты, народы этих стран тоже не только ничего не выиграли от войны, но стояли перед перспективой голода, безработицы, лишений и нужды, значительно более страшной, чем до 1914 года. Война не ослабила империалистические противоречия, она «собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата» [3]. И первой, настоящей и полной победой, одержанной на полях этих битв, была победа Великой Октябрьской социалистической революции в России.

ТРАГИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Прямым следствием первой мировой войны были огромные разрушения и потери материальных ценностей. Гениальное пророчество Энгельса оправдалось с изумительной точностью: Европа пережила «опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент...» [4].

Десять миллионов убитых и умерших от ран и болезней на фронтах, двадцать миллионов раненых (из них около 3½ миллионов инвалидов) — таковы были человеческие жертвы войны. К ним нужно прибавить еще свыше пяти миллионов умерших от эпидемий, порожденных войной, и двадцать миллионов человеческих жизней, потерянных от сокращения рождаемости. Всего, следовательно, война стоила человечеству более чем 35 миллионов жизней. Она сократила народонаселение Европы, отбросив многие страны назад на целые

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 389.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 75.
[3] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 4.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 304.

десятилетия. Так, численность населения десяти главных европейских государств, достигавшая в 1914 году 400,8 миллиона человек, к 1919 году сократилась до 389 миллионов, т. е. на 3 с лишним процента. Между тем, при нормальных условиях за те же годы народонаселение Европы могло бы возрасти на 7—8 процентов.

Размах мировой войны 1914—1918 годов был поистине невиданным. Общее протяжение фронтов превысило 3 тысячи километров. Гигантские, многомиллионные армии были втянуты в вооруженную борьбу, а в тылу для питания войны работали не меньшие армии рабочих военной промышленности.

Война была не только напряжением всех людских сил воюющих стран; она потребовала мобилизации громадных материальных средств. Так, в 1914 году воюющие армии имели 20 тысяч артиллерийских орудий; к концу войны эта цифра утроилась, достигнув 60 тысяч. За годы войны было истрачено свыше миллиарда артиллерийских выстрелов. Количество пулеметов в германской армии возросло почти в 24 раза (с 3 до 70 тысяч), в сравнительно отсталой русской армии — в 6 раз (4 до 24 тысяч). Выросли новые рода войск: авиация, танки, химические части. К началу войны в армиях всех воюющих стран имелось менее 1 тысячи самолетов в строю: к концу же войны их количество достигло 10 тысяч, а всего за время войны было произведено 180 тысяч самолетов и 240 тысяч авиационных моторов! Танков в начале войны не было совсем, а в 1918 году их количество превысило 8 тысяч.

Из этих цифр ясно, какого огромного напряжения требовала мировая война от всего народного хозяйства воюющих стран. К концу войны пять крупнейших стран (Германия, Франция, Англия, США и Италия) производили ежемесячно свыше 70 тысяч тонн бездымного пороха, 110 тысяч тонн взрывчатых и 11 тысяч тонн отравляющих веществ, около 900 тысяч винтовок, свыше 45 тысяч станковых пулеметов, 7,5 тысяч разных артиллерийских орудий, 31 миллион снарядов, 11 тысяч самолетов и свыше тысячи танков. Следовательно, только месячной продукции военных заводов было бы достаточно для того, чтобы вооружить и снабдить первоклассную миллионную армию!

Чтобы производить эту массу вооружения, нужно было подчинить интересам войны всю экономику каждой страны; а это, в свою очередь, означало свертывание мирных отраслей производства, резкое сокращение потребления населения, нищету масс. Война и многомиллионные армии буквально объедали воюющие страны. В Германии на военных производствах было занято около 58 процентов всех рабочих, в России — 76 процентов, в Италии — 64 процента, во Франции — 57 процентов и в Англии — 46 процентов. Продукция чугуна и стали почти целиком отдавалась войне. Так, выплавка стали в Англии в 1918 году составила 10,9 миллиона тонн, а годовая потребность армии и флота превысила 8 миллионов тонн; значит, даже такая передовая в отношении металлургии страна, как Англия, должна была тратить на войну около 80 процентов всего производства стали.

То же самое наблюдалось и в других отраслях промышленности,

а также в сельском хозяйстве: уголь, текстиль, хлеб, кожа, мясо, шерсть и многие другие продукты производства в огромных количествах пожирались войной и делались все менее и менее доступными для населения.

Война, конечно, вызвала к жизни новые отрасли промышленности и содействовала развитию старых; но это было развитие ненормальное, однобокое. И рабочий класс Европы очень скоро почувствовал на себе всю тяжесть «высокой конъюнктуры» военного времени.

Во время войны ощущалась нехватка рабочих рук, промышленность «процветала», широкое применение получил женский труд и труд подростков. В узко-военном производстве к концу войны только в четырех крупнейших промышленных странах (Англия, Франция, США и Германия) было занято 7,5 миллиона рабочих. По окончании войны большинство из них сделались безработными. Военное производство сокращалось, из армии возвращались демобилизованные солдаты, требовавшие работы. Покупательная способность населения резко пала... И не успели окончиться мучения войны, как капиталистический мир попал в тиски небывалого по силе и продолжительности экономического кризиса. Безработица оказалась для пролетариата почти столь же страшным бичом, как и война. Так, в Англии число безработных, составлявшее в 1918 году менее 1 процента всего рабочего класса, возросло до 23 процентов в 1920 году; в Германии с того же уровня в 1918 году количество безработных достигло почти 29 процентов в 1923 году и т. д.

Война принесла голод и нищету трудящимся массам как побежденных стран, так и стран-«победителей».

Война не только потребовала огромного расхода боевых средств; она привела к неисчислимым разрушениям материальных ценностей, накопленных десятилетиями человеческого труда. Только на территории Франции было уничтожено 23 тысячи промышленных предприятий, в том числе 50 доменных печей; было испорчено 4 тысячи километров железных дорог и 9,7 тысячи железнодорожных мостов; почти 800 тысяч домов было разрушено полностью или частично. Это в одной только Франции!

Если выразить в деньгах стоимость мировой войны, то мы получим одиннадцатизначные числа: странам Антанты война стоила 58 619 000 000 золотых долларов; центральным государствам — 25 228 000 000 золотых долларов; всего, следовательно, она обошлась человечеству свыше 83 миллиардов долларов, или почти 170 миллиардов рублей золотом! Но эта сумма отражает лишь прямые военные расходы; если же учесть и все убытки, вызванные войной, то цифра ее стоимости возрастет до 600 миллиардов рублей золотом.

За время войны огромные средства потекли в карманы капиталистов всех стран.

Капиталисты Германии до апреля 1918 года, по официальным данным буржуазной статистики, получили 10 миллиардов золотых марок «военной» прибыли. Не меньше нажились и капиталисты Антанты. Одна «Англо-персидская нефтяная компания» положила в карманы своих акционеров 3,5 миллиона фунтов стерлингов; известная английская фирма «Виккерс», по собственному, явно преуменьшенно-

му подсчету, заработала на войне почти 4,5 миллиона фунтов стерлингов. Рост прибылей в 5—6—10 и более раз считался «нормальным» для капиталистических трестов Европы в годы войны. Отдельные акционерные общества платили своим пайщикам до 30 процентов годового дивиденда. Чистый доход акционерных обществ США с 3,9 миллиарда долларов в 1914 году достиг 10,7 миллиарда в 1917 году, т. е. увеличился почти втрое.

Так капиталисты, торгуя кровью и жизнью трудящихся, использовали мировую войну как средство безудержного обогащения, спекуляции и наживы.

Но наряду с обогащением отдельных групп буржуазии капиталистические государства в целом в итоге войны запутались в тенетах обременительных долгов. Мы уже не говорим о послевоенных долгах Германии, определяемых размерами репарационных платежей; чтобы получать репарации, сами же победители были вынуждены впрыскивать кровь в германское народное хозяйство в форме займов. Появились различные «планы» кредитной помощи Германии с целью выкачивания из нее репараций: план Дауэса, план Юнга и т. д. Эти кредиты победителей еще больше увеличивали задолженность побежденных, не облегчая экономического положения Германии. В дальнейшем, в 1932 году, германское правительство вовсе отказалось от платежа репараций.

Между тем и сами победители были кругом в долгу. Только капиталисты США, разжирев на войне, никому не были должны и, наоборот, выступали в роли всеобщего кредитора: Англия задолжала США больше 3,6 миллиарда золотых долларов, Франция — почти 2 миллиарда; всего же только от своих союзников США должны были получить свыше 7 миллиардов долларов. В то же время Англия среди союзников имела должников тоже почти на 7 миллиардов долларов, Франция — на $2^1/_4$ миллиарда, хотя сама была должна еще больше — почти 4 миллиарда.

Послевоенные долги стали одной из страшнейших язв капиталистического мира. Не желая расставаться со своими доходами, капиталистические государства в то же время не могли и до сих пор не могут окончательно договориться о способах ликвидации тяжелых финансовых цепей, наложенных на мировое хозяйство первой мировой войной.

И только наша страна нашла выход из долговых пут империализма. Советская власть отказалась от оплаты огромной суммы военных займов (около 4 миллиардов золотых долларов), полученных царизм и Временным правительствами на войну. Так трудящиеся СССР были избавлены от одного из самых тяжелых последствий войны.

НОВОЕ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Война 1914—1918 годов составила эпоху в развитии военного искусства. Это была первая индустриализированная и машинизированная война, в которой сочетались массовые армии, гигантские фронты и небывалое развитие техники истребления. Все это внесло и не

могло не внести много нового в военное искусство, в формы и методы ведения операции и боя.

Консервативная мысль буржуазных военных специалистов накануне войны не предвидела ее грядущих масштабов и не оценила всего значения техники. Даже наиболее умные и дальновидные буржуазные генералы не смогли проникнуть умственным взором в будущее и дать правильный прогноз войны. Шлиффен совершенно отрицал возможность новых открытий в области военной техники. «Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто». Так писал Шлиффен в 1909 году, за несколько лет до появления боевой авиации, химии, танков, до необычайного усовершенствования артиллерии и автоматического стрелкового оружия. Какими смешными кажутся сейчас эти претенциозные афоризмы старого фельдмаршала!

Впрочем, у Шлиффена есть одно оправдание: так думали многие, почти все. И именно поэтому, когда война, после короткого периода маневренных сражений, стоивших гибели почти всех кадровых армий, приняла позиционные формы,— буржуазное военное искусство оказалось в тупике. Позиционный фронт, возникший в итоге развертывания «от моря до моря» многомиллионных армий, оснащенных мощным автоматическим оружием и многочисленной артиллерией, представлялся старым поборникам маневренных идей чем-то уродливым, даже «незаконным». Между тем, позиционные формы борьбы столь же естественны и закономерны, как и маневренные. Особенность войны 1914—1918 годов с точки зрения теории военного искусства заключалась в том, что военная техника, примененная в огромном количестве, придавала массовым армиям новые качества. Пулемет, став массовым оружием пехоты, сделал на время оборону сильнее наступления. Необходимость защиты от пулеметного огня вызвала необычайный рост полевой фортификации; а задачи борьбы с пулеметами и разрушения защитных сооружений породили массовое применение тяжелой артиллерии. Но рост тяжелой артиллерии вызвал необходимость борьбы с ней при помощи той же артиллерии; и на некоторое время сражения наземных армий превращаются в длительные артиллерийские дуэли, пока появление нового средства — танка — не разрешает задачи атаки оборонительной полосы, оснащенной неподавленными пулеметами. Так одно средство борьбы вызывало к жизни другое, новое, а их сочетание изменяло характер сражения, внося поправки, а зачастую опрокидывая сложившиеся представления о войне.

Дело, следовательно, заключалось не в том, чтобы просто отрицать новые формы ведения войны или стараться во что бы то ни стало, вопреки здравому смыслу, вести борьбу в изменившихся условиях старыми методами. Задача военного искусства состояла в том, чтобы найти и использовать новые формы и методы борьбы и с их помощью добиться победы по возможности меньшими силами и в кратчайший срок.

Эта задача оказалась не по плечу буржуазной военной мысли ни одной из воюющих сторон. Но все же в ходе войны постепенно

изменилось все — организация войск, их вооружение, тактика и оперативное искусство.

В конце войны на полях сражений появились новые дивизии — более подвижные, меньшие по численности живой силы, но зато обильно оснащенные техникой. В 1914 году французская дивизия имела 12 батальонов пехоты, 15,5 тысячи солдат, 24 станковых пулемета, ни одного ручного пулемета и 36 легких орудий. К концу войны та же дивизия насчитывала 9 батальонов, 12,4 тысячи солдат, 133 станковых пулемета, 441 ручной пулемет и 53 разных орудия (в том числе 8 тяжелых). Количество сапер в пехотной дивизии увеличилось за те же годы вдвое.

Артиллерия также претерпела существенные организационные изменения. Появились специальные артиллерийские части резерва главного командования — маневренный артиллерийский кулак, позволяющий командованию создавать огневое превосходство на определенных участках. Родились новые виды артиллерии — зенитная, противотанковая, траншейная. С появлением массовой авиации, танков и химии создавались новые организационные единицы — воздушные эскадрильи и бригады, танковые и химические батальоны и полки.

Усложнившиеся функции тыла до неузнаваемости изменили систему снабжения и обеспечения войск, а задачи управления войсками в новых условиях усилили развитие средств связи и заставили реорганизовать весь штабной аппарат.

Наконец, необходимость взаимодействия между всеми родами войск в бою поставила по-новому вопрос о месте и роли каждого из них и об их ином количественном сочетании.

В итоге, армии 1918 года оказались столь же мало похожими на армии 1914 года, как непохож современный самолет-бомбардировщик на первый летательный аппарат братьев Райт.

Мировая война стерла грань между «фронтом» и «тылом» в прежнем понимании этих слов. «Положение, гласящее, что «исход войны будет решаться не только непосредственно на боевом фронте, но и на тех линиях, где стоят гражданские силы страны», — стало теперь ходячей аксиомой»[1]. Развитие авиации уже в период мировой войны сделало уязвимыми жизненные центры страны, расположенные в глубоком тылу. Правда, воздушные нападения на крупные города, в частности на Париж и Лондон, не дали большого эффекта; но каждому было ясно, какое мощное средство воздействия на противника получили современные армии в лице воздушного флота. Перенесение войны в глубь страны авиацией в сочетании с мобилизацией всех людских и материальных ресурсов на нужды фронта сделали явно устарелым прежнее понятие о «тыле», как о спокойном месте, надежно огражденном линией фронта от ударов врага.

Кроме уничтожения этой грани между фронтом и тылом, мировая война в области стратегии внесла существенные новые черты в использование резервов. Мы видели, что германцы, вторгнувшиеся во Францию, почти не имели резервов, в то время как французы соз-

[1] М. В. Фрунзе, Избранные произведения, стр. 192.

давали их в ходе отступления. В итоге, наличие резервов обеспечило перегруппировку французов и англичан и сыграло решающую роль в «чуде на Марне».

Основой противодействия наступательным операциям мировой войны явился маневр стратегическими и оперативными резервами, быстро осуществляемый железнодорожным и автомобильным транспортом. Широкое маневрирование резервами сводило на-нет большинство крупных наступлений, и именно в использовании резервов следует искать причины их неудач.

Наконец, в области тактики мировая война создала заново теорию как наступательного, так и оборонительного боя, основанную на силе современного огня, на умелом использовании местности и на тесном взаимодействии пехоты со всеми техническими родами войск.

Опыт мировой войны буржуазные генеральные штабы изложили в сотнях томов описаний, документов и воспоминаний участников — далеко не всегда беспристрастных и точных, но все же в целом дающих правильную картину хода войны.

Однако этот многократно запечатленный опыт не помешал появлению всякого рода буржуазных теорий и «пророчеств» о будущей, т. е. современной, войне. Наш читатель знает о теории итальянца Дуэ, мечтавшего решить исход войны одними воздушными силами; он знает и о теории англичанина Фуллера, считавшего, что будущая война представит собой сражение танковых армий — немногочисленных, но вооруженных новейшей техникой. Такие и им подобные теории появились после войны, как грибы после дождя. Все они, по существу, имеют одну общую основу — страх буржуазии перед многомиллионными армиями, состоящими из вооруженных трудящихся и потому неизбежно таящими опасность превращения империалистической войны в гражданскую. Все эти теории давно опрокинуты жизнью, опровергнуты сражениями второй империалистической войны, подтверждающей, что многое из опыта первой мировой войны остается в силе и сегодня.

Красная Армия тоже внимательно изучает опыт первой мировой войны. Она преломляет этот опыт через собственное понимание основ военного искусства, присущее армии победившего пролетариата, передовой, наилучше технически оснащенной, единственной в мире армии Страны социализма.

ОПЯТЬ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА!

Одним из главных аргументов буржуазной пропаганды в пользу мировой войны 1914—1918 годов было обещание навсегда покончить с войнами после победы. Буржуазия Антанты твердила, что стоит лишь сокрушить агрессивный германский милитаризм — и в Европе воцарится вечный мир.

Это была наглая ложь. Версальский мир не только не означал окончания войны вообще, но, наоборот, он открывал собой период как ожесточеннейших военных столкновений между самими капиталистическими странами, так и нападений блока последних на государство социализма — СССР. Еще не отгремели выстрелы мировой войны,

как началась военная интервенция против Советской республики. С помощью Антанты белогвардейцы смогли организовать крупные армии для наступления на Страну Советов. Антанта бросила против нашей республики своего послушного наемника — панскую Польшу. От имени Антанты английский министр Черчилль грозился организовать поход 14 держав против Советской России.

Из-за интервенции Антанты гражданская война в СССР длилась целых три года. Она окончилась полной победой нашей страны и разгромом всех ее врагов, причем немалую помощь доблестной Красной Армии оказали рабочие и трудящиеся капиталистических стран, понимавшие, на чьей стороне были правда и справедливость.

Пока шла гражданская война против власти Советов, успели возникнуть новые вооруженные столкновения между капиталистическими странами. С 1918 по 1919 год длилась национально-освободительная война турецкого народа против греческих оккупантов, за спиной которых стояли английские империалисты. Эта война кончилась победой республиканской Турции. Почти одновременно, в 1919 году, разразилась англо-афганская война, в которой угнетенный афганский народ успешно дрался за свою независимость. В 1920 году Польша напала на Литву и отняла у нее Вильно. В 1923 году французская армия вторглась в Германию и оккупировала Рурскую область. В течение ряда лет Англия и Франция вели войны в Аравии, Сирии, Марокко с целью порабощения колониальных народов.

В 1929 году империалистические наемники пытались напасть на дальневосточные границы СССР, но были разбиты доблестной Красной Армией. В 1931 году развернулась интервенция Японии в Китае, начавшаяся захватом Манчжурии. В 1932 году вспыхнула война в Южной Америке — между Перу и Колумбией, затем между Боливией и Парагваем... Мы не перечислили еще многих, более мелких вооруженных столкновений.

Так выглядел империалистический «мир» до 1935 года. Никакого мира не было, была непрерывная война — пока еще «малая», ведущаяся в отдельных местах земного шара, но упорная, жестокая и кровопролитная. Одновременно шла бешеная гонка вооружений и подготовка к «большой» войне.

А тем временем Европа неизбежно становилась ареной новых столкновений крупных империалистических хищников.

Уже в 1935 году началась вторая империалистическая война, «разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения... Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима» (И. Сталин).

И, наконец, осенью 1939 года, ровно через двадцать пять лет после начала первой мировой войны, разразилась новая война в Европе. Война началась сначала на востоке Европы — между Польшей и Германией, а затем на западе — между Англией и Францией с одной стороны и Германией — с другой. Это — война несправедливая, империалистическая, война за передел мира, за владычество капиталистов. Но нетрудно видеть, что противоречия, приведшие к новой войне, были заложены в системе империалистического мира, воздвигнутой в Версале.

В 1939 году, как и двадцать пять лет назад, война вспыхнула одновременно в двух концах Европы. Но теперь на земном шаре существует одно государство, ведущее последовательную мирную политику; это великая социалистическая держава, СССР. Напрасно пытались поджигатели войны столкнуть лбами два крупнейших государства Европы — Германию и Советский Союз. Напрасно рассчитывали они обделать свои собственные империалистические делишки под шумок войны в Восточной Европе. Мудрая политика советского правительства, руководимая гением великого Сталина, обеспечила мир народам и привела не к войне, а к дружбе между Германией и Советским Союзом.

Первые же сражения на востоке Европы вызвали распад гнилого государства польских помещиков и фабрикантов. Этот распад заставил советское правительство взять под защиту единокровные народы Западной Белоруссии и Западной Украины, с восторгом встретившие свою освободительницу — героическую Красную Армию. Договоры с Германией, Эстонией, Латвией и Литвой и победы Красной Армии над финскими белогвардейцами сделали нашу страну еще более могущественной и создали предпосылки для длительного и прочного мира в Восточной Европе.

Все это сузило «поле возможных военных столкновений в Европе» (Молотов). СССР был и останется сильнейшим фактором мира, отчизной и надеждой всех трудящихся, залогом полного и окончательного уничтожения причин, порождающих империалистические войны.

Государств. публичная историческая библиотека

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Империалисты развязывают войну. Е. А. Болтин. 5
Выстрел в Сараеве . . . 9
За кулисами дипломатии . . . 12
Гениальное пророчество . . . 14
Арифметика войны . . . 17
Планы и надежды . . . 22

II. На маневренных просторах. Ю. Г. Вебер.
«Чудо на Марне» . . . 24
Русское наступление . . . 30
Марш к Парижу . . . 36
Марнская брешь . . . 41
Галицийская битва . . . 50
Блестящая рокировка . . . 54
Бег к морю . . . 55
Год тяжелых испытаний . . . 62

III. В позиционном тупике. Ю. Г. Вебер.
Кольцо фронтов . . . 66
Попытки прорыва . . . 70
«Верденская мясорубка» . . . 76
«Священный путь» . . . 80
Брусиловский прорыв . . . 87
Форт Во . . . 89
Генеральная репетиция . . . 93
Пять месяцев на Сомме . . . 96
Призрак революции . . . 98

IV. Революционный выход из войны. А. С. Федоров.
Кризис зреет . . . 100
Война и большевики . . . 103
Великий Октябрь . . . 109
Коммунистический Интернационал . . . 110
Брестский мир . . . 112

V. Кровавая победа. Е. А. Болтин.
Бесплодная кампания . . . 117
Мальмезон и Камбрэ . . . 121
«Стратегия измора» . . . 123
Германский таран . . . 130
Последовательные операции Фоша . . . 136

VI. Империалистический мир. Е. А. Болтин.
Версальский грабеж . . . 139
Трагические итоги . . . 142
Новое в военном искусстве . . . 145
Опять империалистическая война! . . . 147

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы на эту книгу направлять по адресу: Москва, Орликов пер., 3, Воениздат

OTR
45